

ЖАННА БИЧЕВСКАЯ:

*«Моей судьбой
руководит
Господь»*

6+

XXIII МОЛОДЕЖНЫЕ
ДЕЛЬФИЙСКИЕ
ИГРЫ
РОССИИ

2024

РЕСПУБЛИКА
МОРДОВИЯ

Из глубины веков

Надежда Бессонова **Гений древнерусской живописи**4

Ко дню космонавтики

Дмитрий Зелов **Если очень захотеть —
можно в космос улететь**10

Светлана Савицкая **За инверсионным следом**22

Это интересно

Виктор Елисеев **Неутомимый путешественник**17

Замечательные современники

Дарья Парчинская **Жанна Бичевская:
«Тот, кто служит России,
о славе и наградах не думает...»**31

Донбасские истории

Николай Иванов **Пока играет флейта**42

Неизвестное об известном

Георгий Кричевский **Григорий Чухрай и его кино**56

Алла Зубкова **Дети капитана Верна**86

Житейские истории

Лариса Агафонова **Лидочка**68

Судьбы

Евгения Гордиенко **Балерина века**80

Судьба художника

Ирина Опимах **Апостол прекрасного —
Михаил Соколов**97

Звезды не гаснут

Светлана Марлинская **Легенда советского кино**108

Детектив

Наталья Солдатова **Дурочка из переулочка**118

Кроссворд. Эрудит 188

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизиллов Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales-smena@yandex.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

**Собственный
корреспондент**

Зелов Дмитрий Дмитриевич,
smena-the-best@mail.ru

Обложка

Певица Жанна Бичевская
Фото Ивана Ильичева-Волкановского

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
**Общество с ограниченной
ответственностью**
**«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24, стр. 4
+7 (495) 612-15-07

Для писем:
127015 Почтовое отделение
Россия, Москва, Бутырская
улица, 21, а/я 52
для ООО "Журнал "Смена"
www.smena-online.ru

Распространение,
кроме подписки,
осуществляется через
ООО «МДП "Маарт"»
127018, г. Москва,
Марьиной Рощи 3-й проезд,
40, строение 1
+7 (495) 744-55-12

© ООО «Журнал «Смена»

ООО «Журнал «Смена» имеет авторские права
на подборку и оформление материалов.
Фото, участвующие в оформлении, —
из открытых источников Интернета.

Отпечатано: **ООО «Типография «Миттель Пресс».**
127254, г. Москва, ул. Руставели, д. 14,
стр. 6, офис 7

Тираж —

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 18.03.2024

Номер выходит при финансовой поддержке
Министерства цифрового развития связи
и массовых коммуникаций Российской Федерации

Мнение редакции может не совпадать с мнением автора

ВНИМАНИЕ КОНКУРС

Дорогие читатели!

У многих из нас живет дома какой-нибудь домашний питомец: собака, кошка, попугай или канарейка, даже черепаха... Они настолько искренне привязаны к своему хозяину, что невозможно не ценить эту бескорыстную и нежную дружбу. Это действительно наши «братья меньшие», и называют их так из-за глубокой к нам привязанности. Если мы относимся к своим питомцам с лаской и любовью, они отвечают нам тем же, потому что это самые верные и преданные существа. И при этом мы нуждаемся в них не меньше, чем они в нас. Не стоит забывать строки из «Маленького принца» Антуана де Сент-Экзюпери: «Мы в ответе за тех, кого приручили». Пишите нам о своих любимцах, об их повадках, характере, о вашей взаимной дружбе, которая словно очищает душу и наполняет ее любовью не только к вашему питомцу, но и помогает немного другими глазами воспринимать окружающий нас мир.

Вот поэтому мы и решили в 2024 году объявить среди наших подписчиков конкурс

«БРАТЬЯ НАШИ МЕНЬШИЕ»

Тексты с пометкой «На конкурс» принимаются в электронном виде на адрес: tomasmena@mail.ru до конца октября 2024 года.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце года и опубликованы в первых номерах 2025 года, а трое победителей получат премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена»

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка
на электронную версию журнала

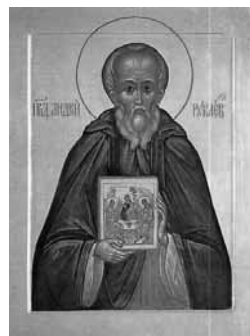
Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

Гений древнерусской живописи

Надежда
Бессонова

Знаменитый иконописец Андрей Рублев жил в очень тяжелое, неспокойное время, когда разрозненную на враждующие между собой княжества Русь постоянно опустошали, грабили, сжигали и уводили людей в плен татаро-монгольские завоеватели во главе с ханом Батыем. Были полностью разрушены Серпухов, Переславль, Нижний Новгород, Ростов. А в 1410 году татарское войско напало на Владимир и полностью разрушило Успенский собор. В эти годы след иконописца затерялся на целых двадцать лет, и только в 1422 году он появился снова, когда над усыпальницей Сергия Радонежского вместо деревянного храма был выстроен храм из камня, и для его росписи игумен Никон пригласил Андрея Рублева. Так, среди разорения, разрухи, междоусобных войн, голода и болезней был создан выдающийся шедевр — икона «Троица», вписавшая имя Рублева в историю на века и ставшая вершиной его творческого наследия. Ею восхищались и про-

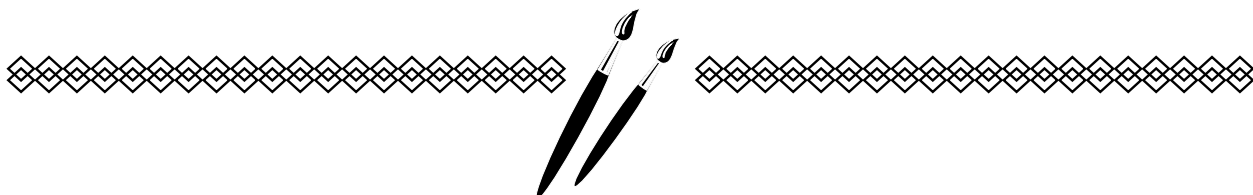

Художник-иконописец Андрей Рублев родился в московском княжестве приблизительно в 1360 году. Отец его был ремесленником, о чем говорит фамилия, вернее, прозвище Рублев (в старину фамилий не было),

произошедшее от слова «рубель» — инструмент для выделки кожи. Родители Андрея погибли во время набега татарской орды и 13-летнего сироту приютили монахи Спасо-Андроникова мужского монастыря, рас-

должают восхищаться до сих пор, и она считается самой совершенной и прекрасной русской иконой.

Сведений об Андрее Рублеве сохранилось очень мало, но ученым, в связи со все больше возрастающим интересом к личности иконописца, удалось их расширить. О нем написаны книги, созданы фильмы. Его «Троица», признанная непревзойденной, стала символом России. С нее сделано огромное количество копий и репродукций.

положенного недалеко от Кремля. В честь основателя монастыря — святого отца Андрона — мальчику дали имя Андрей. (Имя его при рождении так и осталось неизвестным). В этом монастыре он жил и работал до конца своих дней. При этом, как бы сказали это сегодня, личной жизни у него не было, так как Рублев прошел посвящение в монашеский чин и отказался от желания завести жену и детей.

Монахи обучили Андрея иконописи. Он был старательным, усердным учеником, быстро овладел сложнейшим мастерством и сразу понял, что это станет делом всей его жизни. А еще юноша постигал основы архитектуры и делал рисунки к рукописным церковным книгам, которые писались в монастыре.

Создание иконы — дело трудоемкое, в процессе участвует не один, а несколько человек. Рублев организовал свою артель, взял себе учеников и подмастерьев, с которыми ходил по городам, восстанавливая разрушенные церкви, строя новые и расписывая их стены ликами свя-

тых. Писал он и иконы, все больше проявляя собственный стиль и создавая свою, московскую школу иконописи в другой манере письма в отличие от принятой в то время за образец византийской школы, требующей строгого изображения святых в темных тонах, с характерными римлянам суровыми чертами лица.

Рублевские работы узнавались сразу: они были полны света, плавных, мягких линий и писались голубыми, розовыми, золотистыми, зелеными (цвет жизни) — красками. Одухотворенные, со славянскими чертами лики на его иконах передавали нравственную силу и духовную красоту человека.

В 1405 году Андрею, вместе с его учителем Феофаном Греком, известным старейшим иконописцем на Руси того времени, доверили строительство, создание икон и роспись стен Благовещенского собора Кремля. С этого времени имя Рублева впервые упоминается в летописях. Но храм этот, вместе с иконами, сгорел во время пожара. А в 1408 году артель Андрея Рублева расписала

стены Успенского собора во Владимире, бывшем в течение двух веков российской столицей.

В последние годы своей жизни в подмосковном Сергиевом Посаде Рублев со своей артелью строил и расписывал Троицкий собор. Для его иконостаса, выполненного в честь основателя святого Сергия Радонежского, который первым призывал к борьбе с ордой, мирил враждующих между собой князей и утвердил на Руси культ триединого Божества, Андрей создал храмовую икону «Троица» с изображением трех ангелов — вершину своего творчества, признанную во всем мире шедевром древнерусской живописи. За основу «Троицы» он взял сюжет о праотце Аврааме, которому явились три ангела под видом странников. Авраам и его жена Сара встретили их с почтением, омыли ноги, закололи тельца и пригласили за стол. Ангелы же

себя внимание, призывает к миру, взаимопониманию, любви. Людской поток к ней с годами только возрастает, а ученые до сих пор ломают головы над ее тайной.

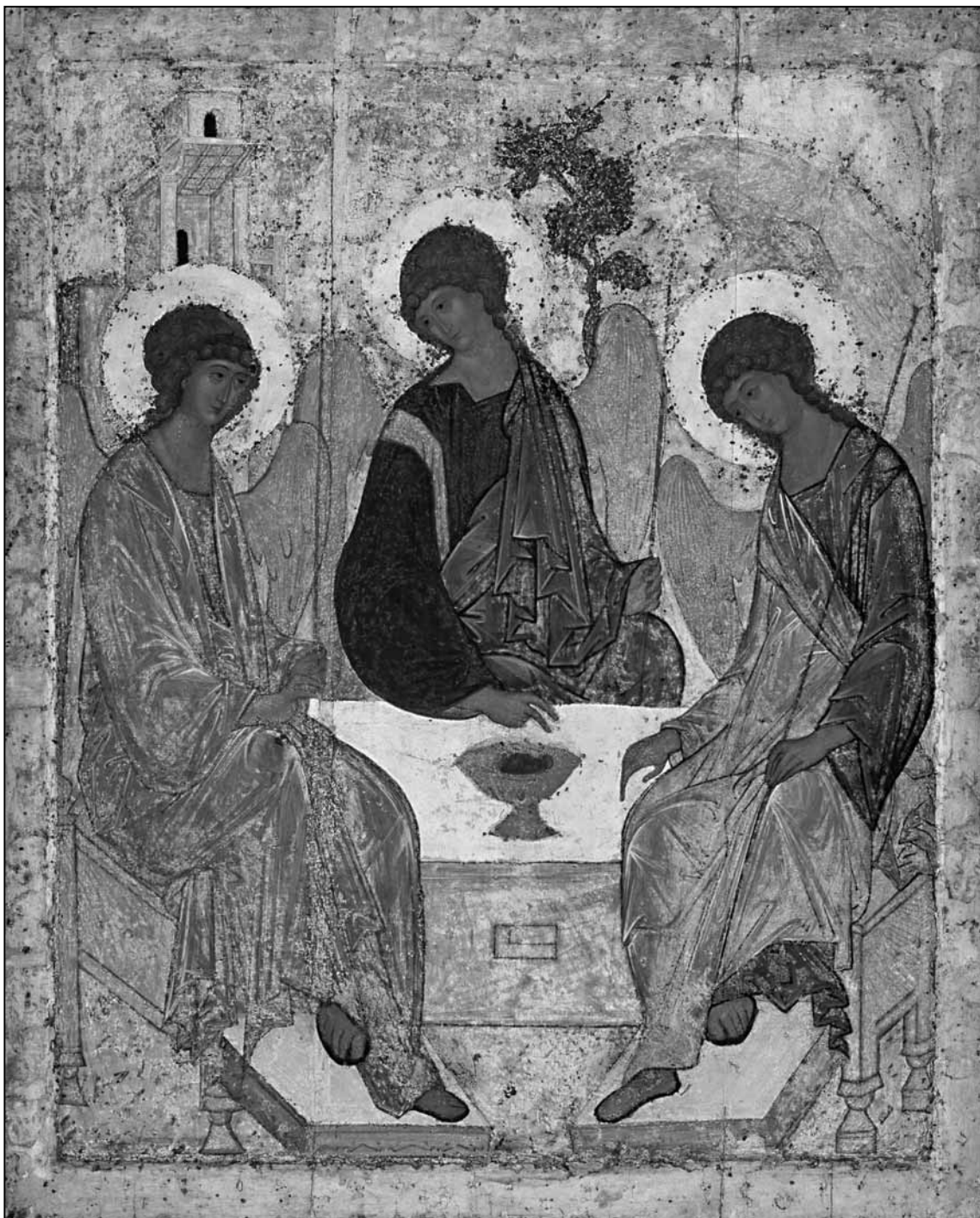
Фресок, созданных рублевской артелью, в Троицком соборе не осталось — спустя два столетия их закрасили. Сохранился лишь иконостас с иконами его учеников и двумя копиями «Троицы». Одна была сделана по указу Бориса Годунова в XVI веке, другая была выполнена в реставрационной мастерской И.Э. Грабаря в начале XX века. Подлинная же работа Рублева в 1929 году поступила в собрание Государственной Третьяковской галереи и только через шесть столетий получила широкую известность, как выдающееся произведение изобразительного искусства. Почти век она украшала зал древнерусской живописи Третьяковки.

Иконе «Троица» суждена была многовековая жизнь. Она до сих пор обращает на себя внимание, призывает к взаимопониманию и любви. Людской поток к ней с годами только возрастает, а ученые продолжают ломать головы над ее тайной

предсказали пожилым и бездетным супругам, что у них родится сын, а сам Авраам станет родоначальником целого народа... «Троице» суждена была многовековая жизнь, и это единственная икона кисти Андрея Рублева, дошедшая до наших дней. Она до сих пор обращает на

А в мае 2023 года, по решению президента РФ Владимира Владимировича Путина, чудотворная икона «Троица» была возвращена туда, где и была создана — в стены Троице-Сергиевой лавры. В настоящее время она находится на реставрации.

Чудом уцелело несколько фресок кисти Рублева в единственном соборе — Успенском, который находится в городе Владимире и входит в список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО. В том же Владимире хранится и самая древняя копия чудотворной иконы «Богоматерь» кисти

Рублева, а подлинник хранится в Москве. (В 1395 году, во время нашествия Тамерлана, Рублева попросили сделать эту копию для города Владимира.)

Точную дату смерти иконописца исследователи его творчества дол-

гое время не могли установить — она колебалась между 1428–1430 годами. И только по найденной в Спасо-Андрониковом монастыре полустертой, пережившей несколько столетий надписи на надгробной доске на месте погребения окончательно установили, что скончался Рублев именно в 1430-м году от чумы, которая свирепствовала в те годы, причем скончался за работой над очередной иконой, которую писал для Спасского собора. На территории Андроникова монастыря его и похоронили рядом с колокольной... Этот монастырь стал памятником «величайшему гению Древней Руси, создавшему произведения, в которых все пронизано любовью и верой в человека», — писал о Рублеве грузинский режиссер, ученик К.С. Станиславского Давид Ильич Арсенишвили — инициатор и основатель музея Андрея Рублева на этом месте, а также его первый директор. Музей был торжественно открыт в 1960 году, в связи с 600-летием со дня рождения Рублева. Этот год ЮНЕСКО объявило «Годом русского иконописца Андрея Рублева», который отмечался во всем мире. А через 25 лет музей стал Центральным музеем древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева. Среди его 15 тысяч древних икон есть только две копии (списки) иконы «Троица».

Также в Андрониковом монастыре возвышается и самый древний белокаменный храм Москвы за пределами Кремля: Спасский собор XV

века — Собор Спаса Нерукотворного, построенный в 1425 году. Андрея Рублева, его создателя, современники называли «весьма необыкновенным иконописцем, имеющим почитаемую старость, и писали: «Он участвовал в строительстве по своему проекту обители Андроникова монастыря, создал церковь прекрасную и чудной росписью своими руками украсил в память своих отцов, во славу Христу Богу».

К сожалению, от пожара 1812 года собор сильно пострадал, от фресок остались лишь небольшие фрагменты...

Первым памятником Андрею Рублеву стала скульптура, высеченная из камня, Валерии Ленской. В 1967 году памятник был установлен перед входом в Андроников монастырь. Иконописец сидит на скамье в момент работы над иконой. В 1985 году эта скульптура была перенесена в Новоспасский монастырь в Москве, где находится до сих пор, а на ее месте был установлен бронзовый памятник, на котором Рублев изображен во весь рост — работа народного художника СССР, скульптора Олега Комова. Это самый известный из трех памятников величайшему гению России. Третий — тоже бронзовый и того же автора — стоит в парке рядом с Успенским собором во Владимире. (Это единственный собор, сохранивший до наших дней в своем интерьере фрески кисти Андрея Рублева.)

Наследие мастера небольшое, но оно бесценно. Широкая же публика узнала имя величайшего гения и подробности его жизни в основном после выхода на экран фильма режиссера Андрея Тарковского «Андрей Рублев» в 1966 году.

А 1988-м — год тысячелетия Крещения Руси — собор Русской православной церкви решил причислить иконописца к лику святых. Андрей Рублев — первый русский художник, который был канонизирован.

В 2010 году посетители Третьяковской галереи побывали на выставке «Подвиг иконописания», посвященной 650-летию великого живописца. К юбилею были выпущены монеты и марки.

В память о погребении Андрея Рублева в Андрониковом монастыре установлена мраморная стела белого цвета с изображением на сером барельефе одного из ангелов самой прославленной иконы кисти мастера «Троицы» — работа скульпторов народного художника РФ Владимира Суровцева и его сына Даниила.

В начале 2000-х на частные пожертвования в Москве выстроены два храма, носящие имя Андрея Рублева. Один в Раменках — белокаменный, другой, деревянный, — на Верхней Масловке.

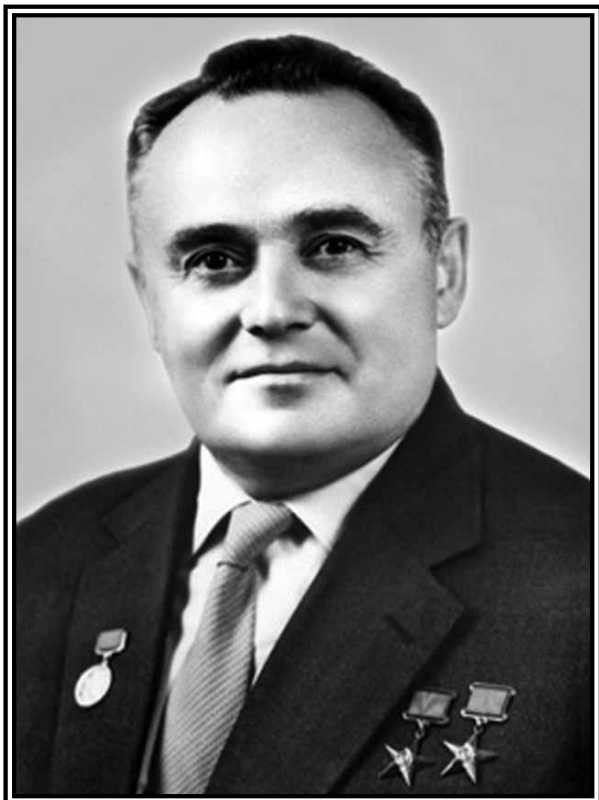
Величайший гений древнерусской живописи подарил людям, по словам академика Д.С. Лихачева, «возрождение веры в человека и в его нравственные силы». А И.В. Сталин

вписал его имя первым в ряду великих имен: «Иконописец преизрядный, превосходный художник, всех превосходящий в великой мудрости». Вот такое самое высокое признание получил Андрей Рублев и почитается до сих пор. □

Дмитрий
Зелов

Если очень захотеть — можно в космос улететь!

Так иронично порой мы говорим о чем-то уж совершенно несбыточном и невозможном. Герой нашего материала в космосе никогда не был, но открыл человечеству туда дорогу. Ибо без его теоретических, а главное, практических изысканий и разработок полет первого человека планеты Земля был бы просто невозможен

Имя Сергея Павловича Королева (1907–1966), одного из главных создателей советской ракетно-космической техники, гениального ученого-практика, на долгие годы обеспечившего мировое лидерство Советского Союза на заре практической космонавтики, ныне всем хорошо известно. Равно как и перипетии его весьма непростой, порой весьма драматичной судьбы. Но многие ли знают о том, что буквально в пяти минутах ходьбы от ВДНХ,

за невысоким заборчиком находится неприметный на первый взгляд двухэтажный особнячок, в котором дважды Герой Социалистического Труда прожил с 1959 по 1966 годы? Наш рассказ — об этом здании, ставшим с 1975 года Мемориальным домом-музеем академика Сергея Павловича Королева.

В декабре 1957 года, после успешного запуска месяцем ранее нашей страной первого в мире искусственного спутника Земли, Совет Мини-

стров СССР принял решение о награждении конструктора С.П. Королева и пяти его коллег по так называемому «Совету главных» дачами в Подмосковье. Сергей Павлович

хозяина соответствовал такому щедрому подарку советского правительства.

Следует учесть, что в конце 50-х годов прошлого столетия застройка

Фото автора

попросил выделить ему участок поближе к работе: в результате дачу для Королева возвели на окраине тогдашней Москвы, в Останкино. Уникальный, прямо-таки фантастический случай для во многом коммунальной в своем очень нехитром быту столицы первого в мире социалистического государства, строившего коммунизм: частный, окруженный садом и сквером отдельный коттедж со всеми удобствами. Впрочем, масштаб личности его

Останкино кардинально отличалась от нынешней: это была в целом уютная, тихая, утопающая в зелени столичная окраина. Не было еще построено ни во многом определяющей облик района и видной здесь отовсюду Останкинской телебашни, ни абсолютного большинства ныне существующих многоэтажек и тем более торговых центров, часть из которых подходит ныне к дому-музею чуть ли не вплотную. Рядом, буквально в двух шагах от дома, на той же

улице, вход в тенистый и просторный Останкинский парк со старинной дворцовой усадьбой Шеремете-

дней гениальный конструктор советской ракетной техники был строго засекречен.

вых, переходящий затем в Главный ботанический сад.

О том, что за знаменитый сосед поселился у них в районе, жители редких окрестных домов даже и не догадывались — до конца своих

Дом для С.П.Королева площадью 220 м² был построен в 1959 году в стиле советского функционализма архитектором Романом Ивановичем Семерджиевым. Архитектура коттеджа сдержанно модернистская и

изломанная — как судьба человека, которому, перед тем как отправить первого космонавта планеты Юрия

ской Олимпиаде полностью разобранного в конце прошлого года спорткомплекса «Олимпийский».

Гагарина в небо, довелось пройти через ад лагерей.

Вообще-то автор дома для уникального конструктора был художником-графиком: в годы Великой Отечественной войны его патриотический плакат «Штыком и пером» стал широко известен. Работа над созданием дома для Королева стала одной из первых реализованных и очень удачных творений Семерджиева именно как зодчего. Позже архитектором будет возведена минималистская станция метро «Горьковская» под Пушкинской площадью (ныне — «Тверская») с ее огромными, сразу бросающимися в глаза и оттого запоминающимися мраморными пилонами, активное участие он примет в сооружении к москов-

Дом в Останкино Сергей Павлович очень любил, хотя бывать в нем по долгу службы ему приходилось не так часто, как хотелось бы. Здесь Королев провел свои последние и, возможно, самые счастливые в творче-

По воспоминаниям супруги, «в доме Сергей Павлович любил все. Завтракать и ужинать любил на кухне (обедал последние годы на предприятии), отдохнуть и почитать в свободный от работы день пред-

ском и человеческом плане отпущенные ему судьбой годы. Именно отсюда он вышел в 1966 году в последний раз, чтобы затем уйти в самом начале 1966 года навсегда, в Вечность.

почитал в гостиной на диване, но вскоре перебирался в постель. Вернувшись с работы, всегда заходил в мою маленькую комнату и устраивался на маленьком диванчике,

свесив ноги через подлокотник. Сетовал на то, что диван мал и неудобен. Все грозился выбросить эту современную «на тоненьких ножках» мебель и устроить мне удобный уголок для отдыха (не успел)». Кстати,

мебель в мемориальном доме-музее С.П. Королева, отражающая аромат эпохи более чем полувековой давности, отличается вкусом и изяществом. Возникает стойкое ощущение, будто она выдержана

в едином стиле или сделана специально под заказ, хотя это совсем не так. Чета Королевых собирала ее в существовавших тогда в городе разномастных комиссионных магазинах.

По подсчетам его жены Нины Ивановны, из-за частых командировок на космодром Байконур Королев отсутствовал порою в Москве в общей сложности до шести месяцев в году! Внутри дома благодаря бережной заботе музейных сотрудников сохранилось все, как было при Сергее Павловиче — на столе красные чашки в горошек, в комнатах огромные немецкие радиолы, ки-

нопроектор и один из первых советских телевизоров. Этим архаичным для дня сегодняшнего, но весьма передовым для той эпохи кинопроектором Королев очень любил пользоваться. Последний раз его в доме включал первый космонавт планеты Юрий Гагарин в 1967 году — в первую годовщину со дня памяти своего знаменитого учителя и наставника.

Вещи с историей — подарки его коллег по работе и первых советских космонавтов, которые были частыми гостями в доме четы Королевых в Останкино. В теплые, погожие дни во дворе дома Сергея Павловича нередко собирались его друзья и единомышленники. Королев был очень прост и неприхотлив в быту, зато был просто-таки одержим работой на благо Родины и всего человечества.

Впрочем, в саду при доме в Останкино было очень уютно: в летнюю жару деревья давали густую тень и спасительную прохладу. Под одним из них, прямо напротив выходящей в сад веранды, Королев поставил скамейку, а затем прибил «на счастье» собственноручно найденную им на участке подкову. Помимо плодовых деревьев Сергей Павлович и Нина Ивановна выращивали у себя на участке даже овощи и картошку, а цветы разносили по саду упоительные, проникавшие внутрь дома и кружащие голову ароматы.

После смерти знаменитого ученого его вдова обратилась к властям с просьбой открыть в останкинском доме мемориальный музей С.П. Королева. Нина Ивановна выехала из

коттеджа в предоставленную ей в центре Москвы квартиру на улице Горького (ныне — Тверской). Она выступила единственным фондообразователем музея, завещав порядка 19 тысяч подлинных экспонатов, включая личные вещи Королева, семейные фотографии, мебель, предметы быта, а также обширную библиотеку. После того как в 1999 году супруги Сергея Павловича не стало, в мемориальном доме-музее в Останкино стали экспонироваться письма Королева своей жене, а также часть записных книжек конструктора советской ракетной техники.

«Человек, который верит в сказку, однажды в нее попадет, потому что у него есть сердце», — эти слова были сказаны как-то Сергеем Павловичем Королевым. У человека, запустившего в небо первого космонавта планеты, была очень непростая жизнь и судьба, но большое и доброе сердце. Королев доказал всему миру, что казавшееся несбыточной фантастикой вполне возможно осуществить. Именно он сделал для всех нас, для всего человечества сказку о космосе практической, прикладной реальностью.

Наш мир стремительно меняется — как никогда ранее в своей истории. «То, что казалось несбыточным на протяжении веков, что вчера было лишь дерзновенной мечтой, сегодня становится реальной задачей, а завтра — свершением», — эти слова, сказанные однажды Главным Конструктором применительно к освоению космического пространства, как никогда актуальны в наши дни. □

Неутомимый путешественник

Нынешнему школьнику фамилия А.В. Елисеева ничего не говорит. Его имя даже не упоминается в учебниках по географии. А вот читающей публике XIX столетия оно было хорошо знакомо. Его путевыми заметками, а затем и четырехтомником «По белу свету» зачитывались школяры и публика посOLIDнее...

ГИМНАЗИСТ-БРОДЯГА

Александр Васильевич Елисеев появился на свет 1 августа 1858 года в Свеаборге. Отец, будучи человеком военным, сменил не одно место службы.

Став гимназистом, Саша увлекся чтением произведений о путешествиях и путешественниках. Позднее он напишет: «Чтение географических сочинений, путешествий, чудные картины тропического мира, вольная жизнь сыновей природы, охотничьи приключения во всех странах света — все это падало на богатую почву и давало плоды сторицей». Результатом этих «плодов» стало первое путешествие юного

Александра в Финляндию, куда он отправился вместе со своим товарищем по гимназии. Вместе они обошли почти всю страну, собирая растения, записывая легенды...

По окончании гимназии Александр поступил на естественно-историческое отделение Санкт-Петербургского университета. Но безденежье и дальнейшая перспектива жить на жалкий оклад вынудили его перейти в Военно-медицинскую академию, по окончании которой он получил диплом врача.

Но тяга к путешествиям в неизведанные края продолжала манить юного доктора, и он вновь отправился в очередное странствие. На сей раз он побывал в Карелии, посетил

мя медицинской практики. Он дошел до первых порогов, посетил знаменитые Фивы, а затем через пустыни добрался до Палестины. Это путешествие длилось 70 дней и позднее оно будет описано в книге «Путь к Синаю». Но его по-прежнему влекла Африка...

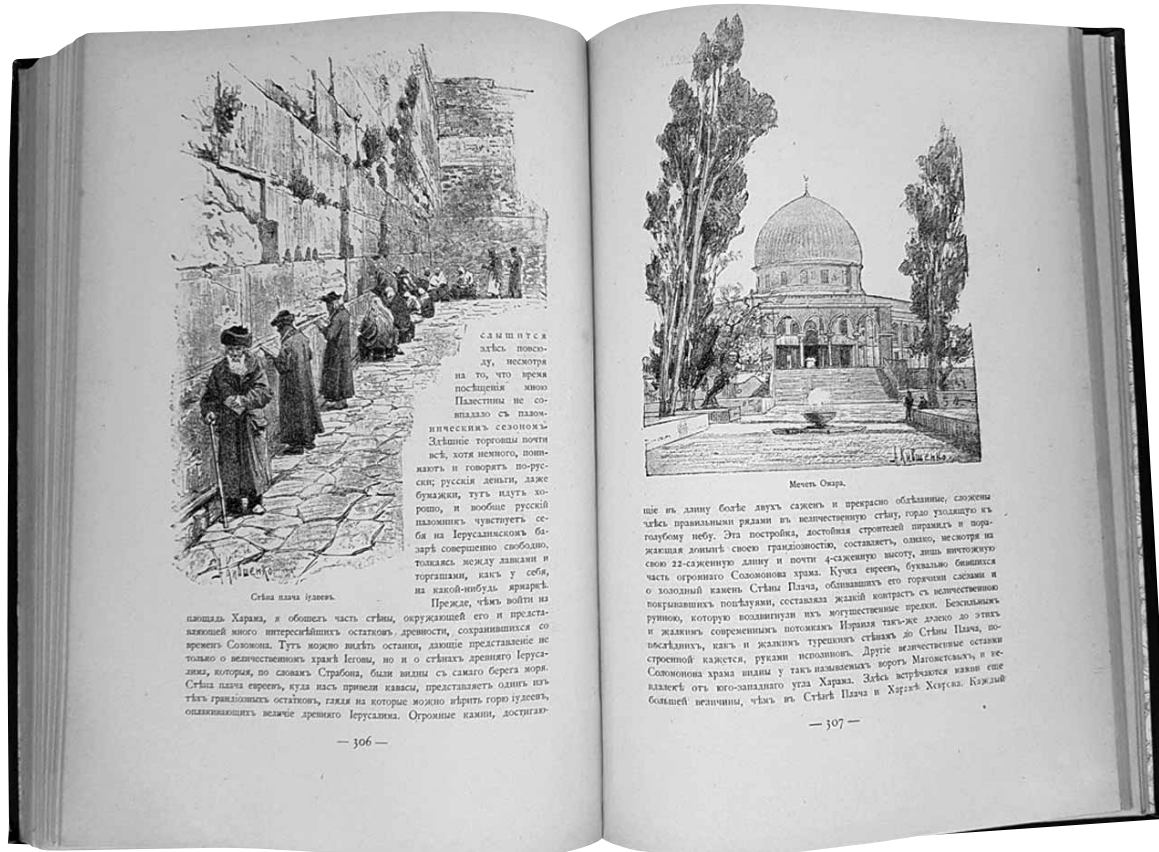
ПО ГИБЕЛЬНОЙ САХАРЕ

На этот раз Александр мечтал исследовать Сахару. Через Грецию, Италию и Сицилию пароходом он добрался до Триполи. В Тунисе дважды посетил развалины Карфагена, принял участие в раскопках, а затем отправился на мыс Бон, где иссле-

Валаамские острова, вновь пересек Финляндию. И все время... пешком. Потом были Олонецкий край, Прионежье, Архангельск, Пермский край, куда Александр отправился с целью поиска следов поселения чуди. Его маршрут проходил по берегам рек Печоры и Вишеры. Он записывал легенды, зарисовывал одежду местных жителей, раскапывал курганы... И при этом продолжал мечтать о Востоке, о загадочной Африке.

Весной 1881 года его мечта, наконец, осуществилась: Александр отправился в Египет, имея в кармане 400 рублей, заработанных во вре-

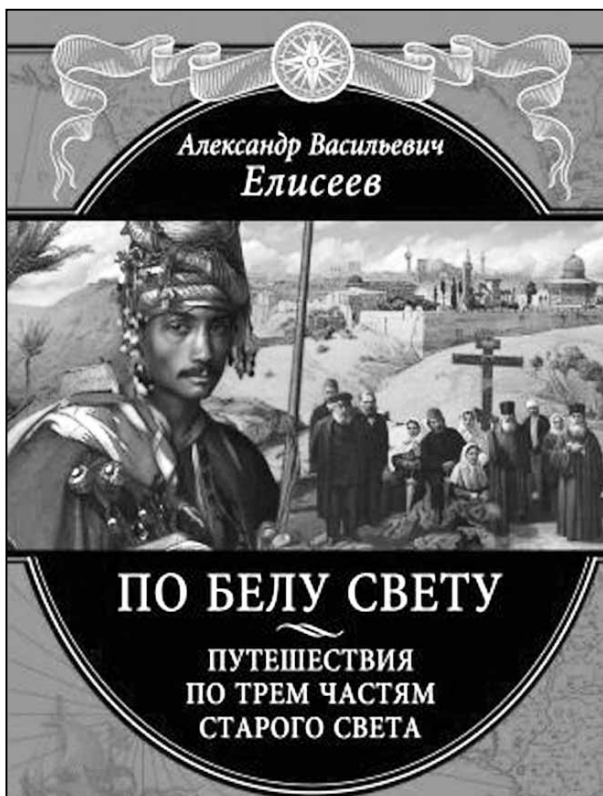

довал пещеры Эль-Хаурие. Из Туни-са по железной дороге он доехал до Алжира, затем на лошади через леса Атласа добрался до Сук-Ахраса, но решил там долго не задерживаться и, отправившись в глубь Сахары — порой железной дорогой, а где и дилижансом, добрался до оазиса Уар-глы. Здесь он нашел проводника Ибн-Салаха и наметил маршрут — пройти песчаные пространства Большо-го Восточного Эрга Северной Са-хары до Гадамеса — оазиса у запад-ной границы Ливии на 30 градусах северной широты. Как пишет Елисе-ев, «однообразно тянулись дни за днями путешествия», «море песков все расширялось». Вскоре встретились и первые трудности — «воды в колодцах не хватало, и порой дава-ли себя знать мучения жажды», кро-

ме того, караваны сбивались с пути и гибли.

Александр Васильевич с другим проводником Нгами «бродил по окрестностям, заходил в окружаю-щие дюны, изучал их строение, зна-комился с флорой и фауной пусты-ни...» По его словам, он здесь на-считал 40 видов растений и 20 «по-род» птиц. От Айн-Тайбы путеше-ственники двинулись на восток и «скоро совершенно затерялись в дюнах». Обычно они вставали в 3-4 часа утра и шли около семи часов. Но страшная жара валила с ног их верблюдов. Разбивался шатер, и они «валялись ... в полной беспомощно-сти, задыхаясь от зноя». А вечером — вновь в путь.

Если проводники не испытывали трудностей, то Елисеев очень стра-

дал. «От страшного света и жары кожа моих рук и лица, несмотря на то, что мы старались их защитить от солнца, слегка припухла, приняв бронзово-красный цвет; губы потрескались и тоже припухли; легкая зудящая сыпь покрыла спину, плечи, бока...» Ему порой казалось, что он не дойдет до очередной стоянки и упадет в изнеможении. Но тем не менее Сахара была прекрасна, когда «заходящее солнце заливает пурпуром, золотом и лазурью горизонт, и однообразно желтоватые верхушки песчаных гор засвечиваются всевозможными оттенками разноцветной радуги...»

Однажды Елисееву пришлось пережить самум. По словам Александра Васильевича, «со всех сторон горизонта от земли и от неба, закрытого песчаной мглой, несло нечто

ужасное, колоссальное, готовое снести все живое на земле». А вскоре «запели пески», и люди, и животные «лежали распростерты на песке, покрывшись с головой плащами и заткнув уши...» Но не прошло и двух часов, как песчаная буря унеслась, а на землю опустилась красновато-багровая мгла. А затем «жгучее золотое солнце выкатилось на небосклон и пустыня загорелась опять всеми яркими красками...»

Путешествуя по Сахаре, Елисеев пришел к выводу, что ее ландшафт не представляет собою совершенно безжизненной пустыни. Здесь им были обнаружены до 80 видов птиц, 15 видов млекопитающих, 20 видов пресмыкающихся, 30 видов моллюсков, до 200 видов насекомых. Были найдены им и каменные орудия труда, свидетельствующие о том, что в Сахаре когда-то была жизнь.

МЕЧТЫ, МЕЧТЫ...

Путешествие по Сахаре заняло 65 дней. Елисеев собрал богатейший материал о туарегах. Он впервые применил свой антропологический циркуль, пользуясь тем, что к нему обращались за помощью, как к врачу. «Под видом диагноза я произвел несколько антропологических измерений, которыми остались довольны как я сам, так и мои пациенты». До сегодняшних дней собранный им уникальный материал о племенах Алжира не потерял научного значения.

Он вернулся в Европу, но ему не сиделось на одном месте. В конце

1886 года он уже в Малой Азии, весной 1889 года как врач сопровождал переселенцев из Одессы во Владивосток. А затем исследовал Южно-Уссурийский край, посетил Цейлон и Японию. Затем была Персия (Иран), где свирепствовала холера.

При всем при этом его по-прежнему манила далекая Африка. Неугомонный путешественник отправился в Судан, где пытался исследовать плато Дарфур и Кордофан. Затем планировал обследовать Ливийскую пустыню. Затем была Абиссиния (Эфиопия). Там Александр Васильевич встретился с наследником негуса Менелика — Маконеном. Именно ему последний поручил отвезти в подарок императору Николаю II свой портрет и... живого льва.

Во время этого пребывания Елисеев собрал богатейший материал по этнографии, антропологии, вел метеорологические наблюдения, произвел картографирование некоторых районов страны, а вернувшись на родину, сделал многочасовой доклад о своем пребывании в Абиссинии.

Надо сказать, что путешествовал Елисеев на скудные средства. «Пробираясь, — как он сам писал, — обыкновенно в одиночку или с одним проводником, нередко неся свой багаж, делая целые сотни верст пешком, частенько голодая, не говоря уже о полном отсутствии всякого комфорта, которым более или менее обставляют себя почти все экскурсанты...» Порой его жизнь висела на волоске. Приходилось прибегать к хитрости, как было с ним в 1881,

1883 и 1884 годах. Например, в Египте ему пришлось выбрить голову, выкрасить бороду и усы и переодеться арабом. В Судане он чуть было не погиб. Зато его полюбили туареги и в качестве почетного гостя пригласили на ночное празднество, где он с удовольствием лицезрел их игры и пляски.

Александр Васильевич вновь собирался вернуться в Эфиопию, мечтал побывать в Америке. Но планам и мечтам так и не довелось осуществиться. Он почувствовал недомогание, приписав ее простой простуде. Но незадолго до этого врач обследовал ребенка, болевшего различным крупом. Это, по-видимому, и передалось ему. 22 мая 1895 года его не стало. Елисееву шел 37-й год... □

Светлана Савицкая

За инверсионным следом

В такой день невозможно не вспомнить наших героев, покорявших космос. Об одном из них — летчике-испытателе 1 класса Марине Попович — и рассказывает автор этого материала, которую с летчицей связывает давняя и крепкая дружба

Фото из архива Светланы Савицкой

Марина Лаврентьевна Васильева родилась 20 июля 1931 года в Велижском районе Западной области (ныне Смоленской), на хуторе Леоненки, в семье Лаврентия Федосовича Коровкина-Васильева и Ксении Логиновны Щербаковой. Детство Марины прошло в деревне Самусенки. В семье было пятеро детей, но после несчастья со старшей сестрой Зоей, которая трагически погибла, старшей стала Марина.

Отец перегонял плоты по Западной Двине, но при этом увлекался

музыкальным искусством, сам делал скрипки, и хорошо играл.

«Мой папа был скрипачом, с детских лет я с ним выступала на концертах (играла на маленьких цимбалах), а дядя Карп — на баяне. Такой был у нас семейный инструментальный ансамбль. Поэтому родители и родственники были уверены: мое будущее — музыка», — позже вспоминала она.

Сестра Марины Валентина окончила консерваторию, стала впослед-

ствии дирижером в театре. Двое братьев матери были летчиками; война подсказала и ей сделать выбор в пользу летного искусства. В начале Великой Отечественной войны семью эвакуировали в Новосибирск, но позже Марина вспоминала: «Мы жили под Смоленском, в небольшом городке Велиже. Нас постоянно бомбили, вот тогда я и насмотрелась ужасов войны... После этого в партизаны ушли мои двоюродные братья Миша и Володя Иванутины, которым было по 9–12 лет. Память войны, она очень крепкая... Вот почему я хотела летать — чтобы отомстить фашистам. Но пока я росла, фашистов не стало, а желание научиться летать — осталось».

Для поступления в авиационное училище у нее было множество препятствий, одно из них — маленький рост (1,50 метра).

«Мои ноги не доставали до педалей. Тогда я поставила себе цель — вытянуть ноги. Нашла альпинистские цапли и просила, чтобы меня подвешивали вниз головой. В результате, то ли я подросла (мне было 16 лет), то ли помогли мои занятия, но мой рост увеличился до 1,61 метра и путь в аэроклуб стал открыт», — вспоминала она.

Марина Васильева начала летать в 1948 году. В 1951 году она окончила авиационный техникум в Новосибирске, после чего работала инженером-конструктором на заводе имени Коминтерна. По окончании Центральной летно-технической школы

ДОСААФ в Саранске она некоторое время работала там же инструктором, а с 1958 года стала летчиком-инструктором в Центральном аэроклубе имени В.П. Чкалова. Чтобы получить право управлять истребителем, Марина добилась приема на военную службу, а позже окончила Ленинградскую академию гражданской авиации.

С 1960 года Марина Попович стала овладевать техникой пилотирования на реактивных самолетах, а вскоре стала единственной в стране военной летчицей-испытателем 1-го класса. Через два года она уже была приглашена в качестве кандидата в космонавты и проходила медицинское обследование в составе второй группы космонавтов (но тогда в отряд взята еще не была).

В 1964 году ее назначили командиром корабля Ан-12 в ГНИКИ ВВС. Именно она первой из женщин летчиков-испытателей преодолела звуковой барьер на реактивном истребителе МиГ-21 (за что получила прозвище «Мадам МиГ»). А в течение следующих нескольких лет установила 102 мировых рекорда.

В 1979–1984 годах Марина Попович работала ведущим летчиком-испытателем в ОКБ Антонова. Позже занимала пост президента летной ассоциации «ВЕРСТО» в Тушино, возглавляла авиакомпанию «Конверс Авиа» при Министерстве авиационной промышленности, работала в центре А.Е. Акимова, занимающемся изучением торсионных полей.

Она налетала 5600 часов, освоила более 40 типов самолетов и вертолетов, испытывала авиационную технику в ГК НИИ ВВС имени В.П. Чкалова и КБ О.К. Антонова в качестве ведущего летчика-испытателя.

Мы с ней познакомились на церемонии награждения в офисе «Трудовая доблесть России». Среди награжденных была я, а в президиуме находилась Марина Попович.

Женщины меня удивляют редко. Но тут другой случай. Моложавая внешность, жизнерадостный смелый взгляд. Во всем образе — энергия движе-

ния, обаяния, силы жизни. На пиджаке — звезда героя СССР.

После награждения я подошла к ней, чтобы познакомиться поближе. И она обняла меня, как родную, просто и непосредственно. Так мы и подружились. А потом я приехала к ней в Центр Рериха, где Марина Лаврентьевна Попович является Генеральным директором, и слушала истории ее героической жизни. Вот некоторые из них.

Уже говорилось выше, что поначалу Марина так и не попала в отряд космонавтов. Сначала бы-

ла отписка по какой-то незначительной одной мелочи в здоровье, потом — в другой, третьей. Короче, придирались к мелочам.

Ее муж Павел Попович на вопрос: «Почему ваша жена не стала космонавтом?» — отвечал: «Она очень много говорит. Она говорит, даже когда ест. А в космосе пицца вылетает изо рта. Ее отстранили потому, что она там просто померет с голоду».

Дочери Марины Попович очень на нее похожи. Возможно, от матери и отца младшей досталось стремление к покорению высоты. В свои пять или шесть лет Оксана собрала таких же сопливых ребятшек, забралась на крышу пятиэтажного дома и объясняла, как будет прыгать на козырек крыши.

Марина Лаврентьевна, когда увидела эту картину, чуть не померла от страха.

— Доченька, что ты хочешь делать? — осторожно спросила она.

Дочь ей смело сообщила, что она намерена делать.

Тогда мать, взяв себя в руки, пошла на хитрость:

— Доченька, ты не так прыгаешь, ты собираешься оттолкнуться правой ногой, а надо с левой. Сейчас я поднимусь и покажу, как надо прыгать.

Не помня себя, через три ступеньки, Марина мгновенно преодолела пролеты лестницы, и оказалась среди кучи любопытных детишек рядом с дочкой. Моментально сняла летчиц-

А потом война. Бомбежки. Ненависть к фашистам и жгучее желание подняться в воздух и отомстить за отнятое счастье у близких людей.

Эвакуация. Их поселили в сторожку на кладбище, где отпевали покойников...

Марина шла в школу через лес. Снег. Сугробы. Она находила на дорожке проталинку, останавливалась на ней и пыталась согреться.

Училась через пень-колоду. С малым багажом знаний, в старых за-

На прием к Ворошилову Марину долго не пускали, пока она не попала к Николаю Петровичу Каманину, который возглавлял ДОСААФ. «Почему женщин не принимают в летное училище?» — спросила у него Марина. «Идите на стройку, — ответил он, — вон, сколько работы после войны!» «Какая стройка, я хочу летать! Хочу стать настоящим летчиком!» И Каманин помог ей добиться встречи с Ворошиловым. Так началась ее летная жизнь...

кий ремень. Она тогда действительно показала Оксане, как надо прыгать. Так показала, что та больше на крышу без разрешения не забиралась.

Папа Марины гонял плоты по Западной Двине. Они жили в Велиже Смоленской области рядом с Белоруссией. Но его призванием была музыка. Это потом, когда Марина стала летчиком-испытателем, она купила отцу скрипку работы Страдивари. А тогда папа учил их музыке и они с сестрой, сидя на бочке, играли бойко на цимбалах...

шитых белых тапочках поехала поступать в авиационный техникум.

— Вы зачислены на сварочный факультет! — сообщили ей.

— Я пришла не щи летчикам варить, а летать! — возмутилась Марина.

— Мы здесь не щи варим. И не летаем. А строим самолеты, — объяснил директор. — А летать учат в аэроклубах и летных училищах...

На прием к Ворошилову ее долго не пускали. Она ночевала на скамейках в парках, пока не попала к Нико-

лаю Петровичу Каманину, который возглавлял ЦК ДОСААФ. Стоит перед ним бойкая девушка, ростом метр с кепкой и возмущается:

— Почему женщин не принимают в летное училище?

— Идите на стройку, — отвечает он, — вон, сколько работы после войны!

— Какая стройка! Я инженер-конструктор. Но хочу летать! Я уже летаю, как спортсменка, но хочу быть настоящим летчиком!

Этот довод и позволил ей добиться встречи с Ворошиловым. А после стать летчицей-испытателем и совершить свой 101 мировой рекорд.

На четыре женщины в летном училище приходилось тысяча мужчин! Поэтому дисциплина была очень строгая. Влюбляться некогда, да и не полагалось. «Не хватало драк через каждую секунду!»

Со своим будущим мужем Марина познакомилась еще в Новосибирске, когда он пел «Дывлюсь я на нибо». Павел прекрасно пел. Он был хоть и небольшого роста, как все космонавты, но очень красивый, складный, крепкий, с удивительно голубыми глазами и пушистыми ресницами.

Когда начались танцы, Марина стояла рядом со своим начальником.

— Товарищ полковник, разрешите пригласить вашу даму на танец! — подошел к ним Павел Попович.

— Во-первых, это не моя дама, а девушка, а во-вторых, она наш курсант и уже летает строем, — ответил командир.

— Как строем? Я еще строем не летаю! Так можно пригласить вашу даму?

... Когда молодая пара расписывалась, девушка в ЗАГСе удивилась:

— Первый раз вижу, чтобы летчик на летчике женился!

Гарнизонная жизнь будущих космонавтов не отличалась от такой же жизни других военных того времени. И их жен тоже. Они жили в одной казарме, где стояли только солдатские койки — ни столов, ни стульев, даже вешалка, случайно захваченная одной семьей, была редкостью.

Московские коммуналки отличались еще и трудным безденежьем и безработицей для жен.

Тогда они с Тамарой Титовой, женой Германа, взяли напрокат полотер и пошли по дому натирать полы соседям. Правда, работала в основном Марина, а беременная Тамара стояла «на шухере», чтобы их не застали за таким неподобающим занятием.

Когда мужья вдруг вернулись с сумками и продуктами, Павел понял все по рукам Марины, потому что в них въелась мастика.

А Звездный городок — место вообще закрытое. Женам работать там практически негде.

Но Марине повезло больше всех. Она ведь сама была летчицей. И подружки с завистью глядели на ее летчицкие ремни, когда провожали долгими взглядами в очередные полеты...

Руки у Марины Лаврентьевны были не удлиненные и не узкие, как у

Блоковских «прозрачных» дам. Они какие-то крепкие и даже чуть ли не квадратные. Короткие пальчики без насаженных накрашенных ногтей. Это говорило о том, что рукам доставалось много работы.

В разговоре оказалось, что я совершенно права.

— Представь, какво управлять тяжелым «Антеем», когда при отказе критического двигателя по крену приходится применять усилие руками до 45 кг, а по педалям — до 100 кг?!

— Аварии случались? — спросила я.

— Однажды на взлете у меня отказал форсаж двигателя «МИГ-21». У этого самолета маленькое крыло, тяга уменьшилась, а створки сопла остались открытыми — самолет упал на взлете, заклинило фонарь. Спас-

ло чудо: фонарь удалось разбить, меня вытащили из горящего самолета. Сначала я не испугалась совершенно. Но вот ночью, снова переживая этот полет во сне, ощутила настоящий ужас. Оклемалась через три дня и снова приступила к испытательным полетам.

А однажды, думая, что имеют дело со слабой женщиной, в Ленинграде двое амбалов-грабителей напали на Марину Лаврентьевну, когда она возвращалась после учебы в академии домой одна. Получив неожиданный отпор, они продолжили нападение, но так получили «добавки», что «мало не показалось» — холку грабителю начистила крепко. Одним словом, коня на скаку...»

Еще Марина Лаврентьевна рассказала случай с Милой Добровольской.

У космонавтов в день старта и в день приземления существует обычай дарить женам, чьи мужья в полете, цветы и отмечать это событие бокалом шампанского.

Когда было объявлено, что задание выполнено, и корабль после длительного, в то время 25-суточного, полета стал возвращаться на Землю, все жены космонавтов, утомленные длительным ожиданием, пришли в квартиру Добровольских.

Уверенные в благополучном исходе полета, расставили на столе цветы, стали открывать шампанское. Но жена Добровольского сказала:

— Нет, девочки, торжества не будет.

Ошеломленные жены космонавтов набросились на нее за такой мрачный прогноз.

— Хочу верить, что в предчувствии я обманулась. Будем пить шампанское, когда Жора сам позвонит с

космодрома. Что они вернулись живы и здоровы, — ответила Марине Мила.

Но Георгий Тимофеевич Добровольский не позвонил...

На мой вопрос, верит ли Марина Попович в «летающие тарелки», она ответила отрицательно, хотя на самом деле видела их несколько раз.

Первый раз это было в Борзугском ущелье в Таджикистане, где по-

гибло много наших десантников. Ее дочь чуть не затащили в эту «летающую тарелку».

Второй раз это случилось на Урале. Но самой интересной оказалась ее поездка на Север. Они остановились на берегу Лоб-озера и еще раз наблюдали невдалеке «тарелку», даже слышали с нее крики. В последний раз она видела ее в Звездном городке, она летала прямо над домами.

— У меня муж — летчик, — рассказывала Марина Лавреньевна, — он летал на «Су-24» в Дубно под Львовом. И вот как-то раз они летели ночью, и вдруг три объекта идут в лоб прямо — против шерсти! Они прошли без звука. Наши летчики прекратили полеты, потому что был риск столкновений, и вообще было недалеко до катастрофы. Потом оказалось, что эта группа прошла дальше — над Польшей, над Германией и над Швейцарией. Из этих стран поступила информация о проходе мощной группы НЛО,

доел. Командующий сам полетел отогнать «тарелку». Он к ней — она вперед. Он форсаж включил — она еще быстрее. Потом у него горючее начало кончатся, аэродром уже далеко, а она развернулась перед носом и ушла. Чтоб ты провалилась! То есть, если они читают мысли, то читают их очень точно.

Я считаю, что сегодня человечество все-таки делает свои первые робкие шаги в космосе. Сегодня там постоянно работают три мощнейших телескопа, и они выдают настоящие

С 1960 года Марина начала овладевать техникой пилотирования на реактивных самолетах, а вскоре стала единственной в стране военной летчицей-испытателем 1-го класса. Через два года она была уже приглашена в качестве кандидата в космонавты (правда, тогда в отряд ее еще не взяли). Зато она к тому времени уже совершила свой 101-й мировой рекорд

в Бельгии даже сфотографировали, как самолеты гонялись за ними.

В другой раз наши летчики полетели на ночные стрельбы, а оно раз — появилось, встало прямо перед ними и никуда не уходит. Летчик должен стрелять, а у него все заклинило. И тогда он достал фотоаппарат и все заснял. В ту же минуту тарелка ушла вертикально вверх.

Был еще случай: руководитель полетов доложил нашему командующему, что слева от взлетной полосы висит и висит какой-то объект, уже на-

чудеса. Например, любимая всеми летчиками Полярная звезда — мы ориентируемся по ней — оказалась больше Солнца в 120 раз. Как показал «Хаббл», Малая Медведица состоит из целых 20 звезд! И одна звезда в этом созвездии выбрасывает энергию в космос на расстояние в триллионы километров. Например, спутник Юпитера Ио выбросил энергию в 6 миллионов ампер, ток этой энергии был направлен точно в центр Юпитера. Еще один из 16 спутников Юпитера, Европа, оказывается, име-

ет атмосферу и может быть вполне пригоден для жизни. Я считаю, очень много человечеству дадут пилотируемые полеты к Марсу...

Марина Лаврентьевна по характеру исследователь, ее интересует очень многое, в том числе еще не исследованное человечеством. Вот, о чем она еще говорит:

— Считается, что многие открытия делаются под диктовку. Помните, Циолковский не мог придумать, на чем послать человека в космос, а ему на небе было видение дымчатого следа. Я была у него в доме, и рассказывают, что ему было написано на небе дымчатым следом, облаком: «На ракете».

Я встречалась с Антонио Раверо, испанским ученым и писателем. Он сказал мне: «Все, что я сделал, было продиктовано».

Также Жан Жак Пети, специалист по гидродинамике, академик, говорит, что все материалы, которые он публиковал, приходили ему по почте, кто-то их присылал. Есть и другие случаи-посылы, люди контактируют, видимо, с высшим разумом.

Мне, кстати, никто никогда ничего не подсказывал. Но когда я выпу- скалась из училища, наш командир Каманин Николай Петрович, он тогда командовал космонавтами, присутствовал на вечере, и во время своего выступления и сказал то, что я запомнила на всю жизнь: «Запомните пять нравственных правил. Каждый человек должен быть безу-

пречным, честным, ответственным, добрым и смелым, и эти правила выполняют все летчики».

Это правда! Летчик никогда не сделает беды на земле, потому что он не имеет возможности извиниться, к такому я пришла выводу. Не имеет возможности извиниться за плохо сделанное или за причиненную беду. Поэтому летчики, так же, как космонавты и моряки, никогда не были атеистами.

Один человек очень мудро сказал — очень давно, когда священники убивали людей за знания, за науку, — что три препятствия есть на земле у людей. Первое из них — невежественность священнослужителей. Убили и Джордано Бруно, и Коперника. Второе — атеизм ученых, которые отрицают Бога. И третье — совершенная безответственность демократов. Вы представляете, что это было сказано в 6 веке до новой эры Пифагором? Сейчас, конечно, священники образованные, но демократы — такие же безответственные.

А мы поднимаем высоту. Позади звуковой барьер. Ребята собираются лететь на Марс и на Венеру. За нашим дымчатым следом новые аппараты будут испытывать новые летчики. Но на тех высотах развития будет и наша высота, пусть на уровне «бреющего полета», но она будет, непременно будет. И это главное. Ведь все мы вместе поднимали высоту неба над нашей родной голубой планетой Земля. □

Жанна Бичевская — легендарная певица советского и постсоветского пространства. Любимая на Родине и за рубежом, народная артистка России, она является исполнительницей и популяризатором русских народных, фольклорных и духовных песен, романсов и баллад. Помогает ей в ее непростом пути супруг, поэт, певец и композитор Геннадий Пономарев, чьи патриотические песни «Русский марш», «Мы — русские» слушают на передовой, помогают бойцам не падать духом. Наше интервью с этой творческой парой — о нелегких судьбах и путях Отчизны, великих и простых именах, а также пророчествах...

Жанна Бичевская

*«Тот, кто
служит
России,
о славе
и наградах
не думает...»*

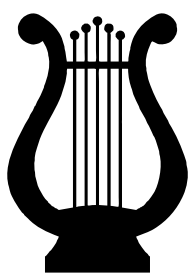

Фото из архива Ивана Ильичева-Волкановского

— Жанна, вы — дворянка по материнской и по отцовской линии, в вас видно это — и стать, и красота. А еще в вашем репертуаре немало белогвардейских песен. Скажите,

пожалуйста, вы чувствуете в себе эти дворянские корни?

— Ну, что значит, дворянские корни? Это заслуга моих предков. Все, что от меня зависит, я делаю са-

ма с помощью Божьей. А что касается моих дворянских корней, то да, конечно, я горжусь своей родней, которая послужила России, и за это и получила свое звание дворянское.

— В одном интервью вы сказали, что песня выбирает своего исполнителя, и Бог дает песню. А вот у вас как все-таки произошло — вы пришли к песне или песня к вам?

— Не могу ответить, знаю только, что моей судьбой руководил Господь. Всю мою жизнь я это чувствовала. Помните, как Он сказал: не вы Меня избрали, а Я вас избрал. Так в Священном Писании написано. Ну вот, раз меня Господь избрал, значит, я ему нужна в этом качестве. И как мне лично сказал старец, отец протоиерей Николай Гурьянов, когда я к нему приезжала на остров Залит: «Что делаешь, не оставляй!» Что я и стараюсь по силам исполнить.

— Каким в вашей памяти запечатлелся Булат Окуджава?

— Окуджава — это событие в нашей российской культуре. Для меня вообще существует только три великих поэта — это Пушкин, Мандельштам и Булат Окуджава — мой «крестный» в творчестве.

— Геннадий, а для вас кто является поэтами-вдохновителями?

— Пушкин — это нечто всеобъемлющее, надмирное, не только сама поэзия, это философия, политика, мораль, глубины премудрости, пророчества. Мне ли говорить о

Пушкине? И ведь свою жизнь он отдал за Россию. Он еще во многом сокрыт, за него до сих пор идет борьба и война. У нас еще все боятся говорить, что последние годы он прожил истинным патриотом, православным христианином, монархистом. Его портрет кисти Тропинина для меня как святыня, он всегда в доме. На даче есть небольшой портрет Пушкина, с Мойки 12.

Также Лермонтов. И еще поэты, на стихи которых мои «ПЕСНИ ПОЭЗИИ», циклы и концертные программы. Их четыре, как четыре евангелиста (смеется). В первую очередь, это Николай Степанович Гумилев — величайший русский поэт, и путешественник, воин, учитель, общественный деятель, герой, дважды награжденный Георгиевским крестом. Второй — его друг, акмеист Осип Мандельштам, третий — Игорь Северянин — я его очень люблю, у него свой, уникальный мир и стиль, и четвертый — Арсений Александрович Тарковский.

Есть, конечно, песни на стихи других поэтов, Сергея Есенина, Марины Цветаевой, Аркадия Кутилова, Пастернака. Из современных — Игорь Гревцев. Я сам бы желал некоторые стихотворения написать так, как он. Конечно, много песен пишу на свои стихи. Недавно вышел мой третий поэтический сборник «Царский крест», так там все стихотворения — песни.

— Геннадий, разговаривая с вами, вспоминаю слова Марины Цветаевой о ее стихах, которым «как

драгоценным винам, настанет свой черед». Долго ли пришлось ждать вам, чтобы получить заслуженное признание и народную любовь?

— Если говорить честно, по большому счету, я до сих пор этого жду. Не потому, что мне всего мало, а потому, что уже лет 25 или 30 стоит «железный», официальный, информационный занавес, не пропускающий Жанну к большой аудитории, ну и меня, конечно. Многие «побаиваются» этих тем, противодействуют, клеветают, обзывают. Почти 25 лет назад тема — русская, в правильном понимании, православная, царская — стала вдохновлять меня. Конечно, мне грех обижаться и сетовать, потому что благодаря Жанне Бичевской эти песни стали широко известными. Жанна очень серьезно, глубоко относится не только к каждой песне, но и к каждому слову, каждой ноте. Так вот, она приняла их сердцем, полюбила и записала, стали распространяться кассеты, диски. Как в Англии говорят: если человека нет на телевидении, то его нет нигде (смеется). А ведь православный мир наш,

он все знает лучше телевидения. Информация по «православному интернету» распространяется, может быть, даже гораздо быстрее, чем по Интернету обычному, потому что мы держим руку на пульсе, читаем наших святых отцов, которые много открыли из того, что было в России и что будет. Некоторые из моих песен в свое время лично благословил Патриарх Московский и всея Руси Алексей II незадолго до своей кончины. Песни «Мы русские!», «Царица Александра», «Победа будет за нами!»

А еще, раз уж мы об этом заговорили, я такой счастливый человек, поскольку знаю о том, что самой любимой песней святого нашего драгоценного старца Николая Гурьянова была моя песня «Царь Николай». Он просил поставить ее, сидел, слушал, молился. И толковал какие-то строки, объяснял их. Иногда просил включить магнитофончик и говорил: «Давай поставь кассету «Мы — русские» и заводи на всю громкость, какая есть, пусть в нашем садике эти песни звучат»...

А Жанна, она как космическая ракета вывела все эти песни на мировую, надземную

орбиту, благодаря ей они получили известность.

— Жанна, а как вы относитесь к своей славе, поскольку она вас «преследует» уже много лет?

— Я об этом не хочу говорить, я служу Богу, поэтому меня это все равно не волнует. Простите, я еще раз повторю, что тот, кто служит России, о славе и наградах не думает. Она меня не волнует, я просто делаю дело, на которое меня поста-

вил Господь, и имею на это право. Вот и все.

— Геннадий, поделитесь, пожалуйста, тайнами творчества. Из чего «растут» ваши стихи, как писала Анна Ахматова?

— Анна Ахматова, она не играла на гитаре, не сочиняла музыку, не пела. Гумилев сначала все советовал ей пойти в балерины. Она писала, конечно, про себя. Что касается меня, я же, в первую очередь, музыкант. А если

говорить о творчестве — заранее ничего не планирую. Но каждая тема приходит ко мне как огромный, неведомый материк, который начинает показываться на горизонте, и ты с корабля, с замиранием сердца его рассматриваешь. Конечно, сильно и постоянно переживаю за нашу Родину, за Россию, за людей простых, воинов, как сказал Григорий Распутин: «Для народушка жить надо, об нем помыслить!» Я себя никогда не отделял, как и Жанна, от народа. Чем и как помочь, особенно сейчас, когда за нас уже все решили и воплощают. Говоря об этом, вспоминаешь про милостыню. Можно дать денег неимущему, кусок хлеба или теплую вещь, чтобы укрыть от холода, а ведь можно и словом, песней творить ее, милостыню. Ободрить, вселить последнюю надежду, переменить жизнь к лучшему. Песня о Святой Царской семье, которую я написал за три года до ее канонизации, не только на крестных ходах поется. В некото-

рых церквях эту песню поют в храме как запричастный концерт, перед Святым причастием. Мне люди даже видео присылали. Я сам почти десять лет пел в храме на клиросе и знаю, какая это честь и ответственность. Песня эта стала поистине народной. Себя же считаю молекулой, каплей огромного русского православного мирового океана. И если океан этот штормит, он сердится, страдает, или если его загрязняют, умышленно гадят в него, то я так же, как и он, страдаю, болею, сопротивляюсь, борюсь — вот отсюда все песни и рождаются. Сейчас время борьбы, стойкости, жертвы и героизма для всех.

— А какая атмосфера вам нужна для вдохновения?

— Это совершенно непредсказуемый и неопиcуемый процесс. Словами почти невозможно описать! Это реальное таинство! Как объяснить словами, формулой, Евхаристию, Крещение, Исповедь?.. Наверное, только Пушкин бы смог. Хотя у меня, конечно, как у любого пишущего человека, есть свои секреты, какой-то опыт. Приготовить себя к написанию песни (я сейчас буду с иронией говорить), это не то, что сначала сходить в баню, к парикмахеру, надеть чистую рубашку, сесть за стол, взять белый лист и ручку и начать сочинять стихи или сесть за рояль писать музыку. Песни так не пишутся. Они — рождаются. Вернее, как бы сниспосылаются в этот мир. Надо только не проспать, успеть включить свой приемник сердца, услы-

шать и зафиксировать. Я вот, например, написал песню «Царственные мученики» за одну ночь и один вечер, и при этом ничего не исправлял. Так же была создана песня «Царь Николай» и многие другие. То есть надо находиться в резонансе, в потоке, в волне... . Переживание должно пробуждать и побуждать душу, уйти глубоко в подсознание, в сердце. Поскольку я пишу песни, а не одни стихи, конечно, потом работаю над нюансами: мелодией, аранжировкой. Поэзия и музыка — это ведь рядом, единое целое, поэтому просто надо ждать ответа на этот посыл в горный мир, внутренний и внешний. А потом, когда ответ начинает приходить, важно, владея ремеслом, не зевать... Хотя бывает, конечно, по-разному. Например, вся музыка

моего диска «К-141» пришла ко мне в одном огромном импульсе, файле, если хотите. А потом, уже в зале, на сцене, когда песня звучит, все это — этот резонанс, это таинство — повторяется, работает, воздействует на людей, почтеннейшую публику. И они сопереживают, радуются, плачут, вдохновляются, аплодируют, внутренне преображаются. Происходит катарсис, который и должно вызывать искусство, песня, картина, фильм.

— Жанна, оглядываясь назад, есть что-нибудь в вашем творческом пути, что бы вы хотели изменить?

— Ну, как можно изменить путь, который ты уже прошел? Он уже пройденный путь, и изменить ничего невозможно, жизнь идет вперед...

— А если отойти от высоких материй, какая Жанна Бичевская в быту?

— Я терпеть не могу готовить, но готовлю, когда приходят друзья. У меня нет прислуги, я все делаю сама по дому и хозяйству.

— Интересно, а как вы проводите досуг: ваши любимые фильмы, режиссеры?

— Я давным-давно отошла от нашей светской культуры. Я не хожу

в театр, не хожу в кино. В Интернете набираю темы только те, которые меня интересуют, читаю книги только те, что меня интересуют, и это духовные книги. У меня дома очень большая библиотека. Когда-то я читала художественную литературу, я ведь выросла на книжках, на беллетристике. Человек, который вышел из книг, он по-другому думает, у него культура мышления другая. У него жизнь другая. Но с тех пор как стала читать духовные книги, весь мир для меня совершенно поменялся. Я по-другому увидела нашу Россию. По-другому осознала трагизм нашей Родины. Все для меня стало другим, раньше я этого не знала и не понимала. То, что

сейчас происходит в мире и в России... как бы это объяснить? Я занимаюсь изучением пророчеств, вы не поверите, с 1991-го года. Вот и посчитайте, сколько лет занимаюсь изучением пророчеств о мире и, в основном, о России. Поэтому мне ни к чему развлечения, чины какие-то — все это за деньги, все это на публику. Меня интересует глубина в наших людях. Меня не интересуют эти внешние дела, потому что я уже человек не светский. Я — человек духовный, и, наверное, имею право так сказать, поскольку живу только духовной жизнью, и меня больше ничего не интересует уже 36 лет. Столько же лет я нахожусь рядом с моим мужем, замечательным поэтом и композитором. Сейчас его песни, его «Русский марш», «Мы — русские», «Царские мученики» и многие другие повсюду звучат, народ их поет и любит.

Геннадий: — Россия — это ковчег спасения для всего гибнущего мира. Она не только сама спасется, но и многих спасет, кто искренне захочет быть с Россией, с Богом, Добром, Любовью, с русским миром, независимо от национальности. Будущая Воскресшая Россия не только для одних нас русских, как сейчас некоторые говорят, она для всех, кто будет с Богом, со Христом.

— Жанна Владимировна, в продолжение нашего разговора: сейчас ситуация, я имею в виду духовную жизнь, стала намного лучше, чем тридцать лет назад, согласитесь. Как-то и молодежь стала воцерковляться, и везде открыто можно исповедовать Христа, и церковные праздники освещают на федеральных каналах...

— Да, народ просыпается, уже понял, что без Бога жить нельзя. Господь кого-то из людей выбирает лидерами, и выбирает хороших лидеров. Я сейчас важную вещь скажу. У нас народ очень добрый, очень хороший, и нам надо выбираться из духовного плена. Без Бога мы ничего не сможем сделать для нашей России.

— Жанна, как вы считаете, если человек предает, он заслуживает прощения?

— Господь через святителя митрополита Московского Филарета Дроздова сказал: «Молитесь о врагах ваших, уничтожайте врагов Отечества и избегайте врагов Христо-

вых!» Вот вам и программа жизни человека!

— Раз уж мы затронули тему Бесов, то не могу не спросить о Достоевском, писателе, который описал нашу душу со всеми ее терзаниями и темными сторонами.

— Да, самый великий поэт России — это Пушкин, а самый великий писатель России — это Достоевский. Никто не описал так русскую душу, как Достоевский. И терзания, и мучения, и путь к Богу, и про веру — все все описал...

— Подскажите, пожалуйста, у вас есть рецепты семейного духовного мироустройства, чтобы, мало того, жить так долго вместе счастливо, так еще и творить, столько создавать песен, нести людям разумное и вечное, как делаете это вы?

— Вы знаете, браки совершаются на небесах. Господь подбирает жене мужа, а мужу жену по человеческим качествам. Это Господь помогает найти нужного тебе человека, достойного тебя. Бывают, конечно, случаи, когда православной жене попадается не такой муж, какого она заслуживает. Но дело в том, что это не была воля Божья, это желание самого человека. Вот Геннадий был моим поклонником. Он жил и работал в Туле, и ему нравилось мое творчество, из его любимых российских исполнителей была именно я на первом месте. И когда он увидел меня, то по-настоящему влюбился. Я увидела это и отозвалась

на его чувства, потому что он прекрасный человек, и он очень талантлив. Я оценила его талант. Дело в том, что когда человеку хочется видеть всю свою жизнь рядом именно незаурядную личность, он должен очень серьезно взглянуться в нее, чтобы понять — кто с ним рядом. А не так, что поженились, а потом пригляделись и разошлись. Не надо шархаться, влюбленность может погубить Любовь. Там, где влюбленность, там отсутствует способность распознать человека, поэтому потом все идет не так. Недаром говорят, любовь — это больше, чем влюбленность. Это хорошее слово — Любовь. Там, где будет только влюбленность, там будут страсти, но это не настоящее глубокое чувство. Нужно понимать, что ты делаешь выбор на всю жизнь, и тебе надо жить с этим человеком всегда. Это не то, что ты сочетался браком, а потом развелся, и снова сочетался-развелся, нет, это должно быть навсегда. Во всяком случае, от нас самих многое зависит, и, конечно, много зависит от женщин, именно на них все держится. Как говорил Хемингуэй в романе «Прощай, оружие!»: мужчина такой, какая с ним женщина.

— Геннадий, а что для вас значит любовь?

— Любовь — это дар Божий. Мы чаще всего ассоциируем это с сильным чувством между мужчиной и женщиной. Меж тем, это один из божественных даров, как Вера и Надежда. Если они есть, то пребудет с

ними и премудрость София. Лучше всего о ней, о Любви, написал апостол Павел. Почитайте! С ней все возможно: и перенести любые испытания, боли, разлуки и искушения, клевету и мучения. Любовь все покрывает, все терпит. Если бы не было любви, я бы, наверное, не написал ни одну из своих песен. Посмотрите, сейчас наши герои-ребята сражаются, гибнут, побеждают, вы думаете, за какие-то льготы или из-за денег? Нет, они любят Россию. Они встали за други своя. Это правда. И поэтому такие подвиги можно совершать только по одной причине — если в тебе есть любовь, в твоей душе, в твоём сердце.

И позвольте Дарья, мне добавить от себя. Жанне Бичевской люди доверяют уже как духовному лицу, авторитету, близкой, родной сестре, учителю, как нестигаемому воину, стоящему до конца за Русь Святую Православную, за Россию, за ее народ. Начав исполнять мои песни Русского, Царского, Патриотического, Православного циклов, песни отца Романа, она прекрасно понимала, на что себя обрекает, на какую борьбу и с кем! Какие брань, клевета, ложь, очернение и теснота ее ожидают. Почти все имена этих хулителей и лжецов я помню и знаю. Иных уж нет, а кто далече... Ей открыто говорили, что, если бы она пела только одни народные и бардовские песни, то была бы в «полном шоколаде», богатстве, славе и не вылезала бы с телевидения. Многие имеют высокие должности, богатство и

власть, но люди, все чувствуя и видя, и половины, четверти такого доверия к ним не имеют. России еще предстоит много борьбы, сражений, работы и испытаний за свое великое будущее, очищение, восстановление и Воскресение! И в этой святой борьбе за нашу культуру, духовность и чистоту есть, несомненно, и весомая подвижническая лепта Жанны Бичевской. А для молодых людей, которые пока «не в теме», я советую в «Рутубе» набрать просто «Жанна Бичевская», и вы, дорогие, услышите и увидите то, про что мы вам здесь рассказывали.

— **Жанна, что для вас является главным в вашем творчестве?**

— Служить России. Знаете, кто служит России, тот о наградах не думает. Я делаю свое дело, потому что я люблю Россию и люблю свой народ — он у нас уникальный.

— **И последний вопрос. Вы несете на себе такую непростую миссию... Легко ли быть Жанной Бичевской?**

— Мне жить в России вообще легко. Ничего мне не страшно с Господом, даже погибнуть за Родину. В каком именно плане не страшно? Когда ты погиб не от ножа случайного, в автокатастрофе — вот это страшно, — а за Родину, за Россию, поддерживая народ, защищая дорогих тебе людей... □

Беседовала **Дарья Парчинская**

От редакции: Николай Иванов — автор окопной прозы. Как правило, свои материалы он добывает в «горячих точках, которые прошел практически все, начиная с Афганистана. Сейчас он работает над повестью о событиях в Донбассе «Пока играет флейта», отрывок из которой мы предлагаем вашему вниманию.

Николай Иванов

Пока играет флейта

1

О, как же война цеплялась за жизни!

На раз-два выгнала с полей комбайны, пустив жать хлеба танки. А тем за счастье перемолоть золотые косточки пшеничных стеблей разлапистыми траками — лишь бы к зиме никаких пирогов, краух и батонов на столе. Где не хватало «бронечудищ», влекую, на три-четыре, поджигались колосья. Спички не нужны, лишь с разворота шугануть перед собой очередью из трассирующих пуль: коси, коса, пока роса. Роса долой — коса домой.

К осени войнушке подросла новая игра-забава с минами-лепестками! Без слез не глянешь на приплюснутых, асимметричных резиновых жабуродиц, которых никто никогда не возьмет замуж. И снова на раз-два щедрой свахой разбросала царевен-лягушек по городам и весям в поисках поклевки. Вон рисует мелом на асфальте «классики» стайка мальков — деток донецких сепаратистов. Беззаботны, улыбчивы, но бестолковы от неведения, как легко «лепестки» разрывают в клочья детские пяточки. Вместе с сандалиями. Самая маленькая девчушка приноравливается запрыгнуть из первого сразу в третий класс. Напружинилась, вытягивается в струнку. Как раз там среди опавших листьев и прикинулся дурочкой «Лепесток» ПФМ — противопехотная фугасная мина. Одна из трех миллионов, лежавшая до поры до времени на складах под Киевом. Дождалась, сердечная, своего часа стать звездным фейерверком. Американские изобретатели научили войну главному: чем больше детей-калек оставишь после себя, тем дольше будешь помниться! А что еще для счастья надо?

Так что жаловаться на забвение войне грех. Все по присказке: всеми любимая, но — родня! Терпите. Привечайте. Взбивайте самую мягкую перину для осеннего отдыха. Вместе с дождями аккуратно к утреннему кофе выходят на авансцену тяжелые прилеты от «арты»: без артиллерии война всего лишь игра в песочнице. Осколки по куполу ближайшей церквушки под звук дождя так убаюкивают, умиротворяют... Кто не поленится заглянуть в это время в сам храм, ему дверь не нужна: в стене рядом с иконой Николая Чудотворца зияет пролом. Заглянет и полюбуется не менее чудотворной картинкой: только что устремлявшие в молитве взоры к небу прихожане с первыми взрывами бегут, спотыкаясь на крутых ступеньках, в самое темное и глубокое подземелье церкви. И это правильно, небо во время войны — оно не для Бога, на него не молиться — его бояться надо.

Не менее сладка прогулка по больничкам и школам с тремя топорами. Люди смешные: непонятно, сколько той жизни им осталось, а обозвали американские гаубицы «Химарс 777» «три топора» и «портвейном». Да хоть горшком назовите, а будет все как в детской игре: кто не спрятался, я не виноват...

— Мама, а меня убьют?

— Как это, тебя убьют, сыночка? Ты даже еще в школу не пошел.

— А это Петькин папка по нам стреляет?

— Не знаю, сына. Может, и он.

— За то, что я носил солдатскую пилотку со звездочкой?

— У них головка заболела, и они сами не знают, что творят.

— Давай их пожалеем.

— Потом, сына. Попробуй поспать.

— Холодно, мама. Как я хочу туда, где войны не было бы. И пусть Петька даже москалем бы меня ругал...

Одна зрада войне на вожделенном пиру — прилетает ответка от тех, против кого ее саму и вывели в чисто поле. Им-то чего не живет спокойно на белом свете? Подумаешь, запретили говорить на родном языке, а дети не цветы жизни, а личинки «колорадов», которых вместе с родителями желательно вздернуть на гиляку. Хотя это и смешно — русский язык вздернуть на виселицу. Вон мечется на той стороне фронта хиленький заряжающий у орудия с буквой Z на стволе. Крестик на тонкой шейке болтается, словно сошел с ума вместе с хозяином, при резких движениях выскакивает из-под камуфляжной майки глянуть на мир хоть одним глазком, ужасается происходящему и — юрк обратно, ища спасения на художничьей груди артиллериста. А тот стреляет и стреляет, не понимая, что восемь лет на бывшей ридной Батькивщине непрерывно работали лишь цементные заводы, и никаким снарядам ни на раз-два, ни на три-четыре не пробить бетонированные укрепления с надписями «Смерть русне».

И она неизбежна, потому что нельзя выстоять одному языку против пятидесяти двух, призвавших ее, старуху, тихо почивавшую после Великой Отечественной в самых дальних схронах: ваш выход, сударыня! Так почему не потряхнуть стариной?

У войны затаилась лишь одна, потаенная обида на родителей: ей самой еще не только не дали имени, но и в самом большом секрете держат место рождения. Прописали вроде на Украине, даже прикупили распашонку-вышиванку и дали время отрастить чубчик. Но если сны снятся на английском языке? Если может переходить с немецкого на французский язык, с итальянского на польский, не имея ни одного диплома за душой? Чья в ней кровь течет в таком случае?

И еще мечта есть, одна-единственная: вернуться домой до наступления холодов. Перезимовать в тепле и сытости. Но куда не сунется со своим знанием языков, родичи мгновенно закрывают окна и двери, как от прокаженной, — иди в Россию, добывай там себе пропитание, ищи кров для сна и отдыха.

Не впервой за последние столетия ей слышать этот адрес от неумных родственничков, и каждый раз крестят при этом, будто видят в последний раз...

2

У войны — самые точные почтовые адреса будущих солдат. Самые настырные почтальоны, готовые найти и призвать их под пули своими повестками.

Телеграфом из Москвы, попутным автобусом из Кызыла, оказией на низкорослой тувинской лошадке доставили документ с синей печатью за подписью военкома и до арбана Куран — бывшего поселка староверов. Значилось в нем подпадавшее под мобилизацию имя — Маадыр Балчий-оол. В Туве все мужчины «оол», что и означает, собственно, мужской род. Европе, с ее маниакальным желанием свести мужчин и женщин к единому среднему полу, никогда не победить тувинцев, которые от момента рождения солнца определили для себя, что «маа» — это всегда девочка, а «оол» — только мальчик.

— И так останется на веки вечные на предмонгольских землях России, — строго зачитала, заглядывая в тетраточку, во время новогоднего концерта староста поселка бабушка Чечек, имевшая среди односельчан почетное имя Коммунист Коммунистович. Она отслеживала новости со всего света, выделяла из них главные и регулярно отсылала мнение земляков в Москву и Брюссель. — Оой, ээй...

Сына-внука Маадыра, выехавшего за повесткой из соседней Хакассии, встречала бабушка Анай. Перебрала в шкафу халаты, остановилась на

голубом, с зауженными рукавами. Хотя они и напоминали крылья летучей мыши, зато при работе не испачкаешься, широкие рукава — они для лентяев и жеманства, как китайский веер...

Подкашливая, Анай зажгла артыш — веточку можжевельника, привезенную с самых высоких саянских гор. Наполнила успокаивающим, таинственным благовонием дом. Последняя веточка осталась из подаренного год назад Маадыром охапка. Ему и послужит...

Она снова перебрала шкаф — теперь уже в поисках пояса, хотя у хворых имелось право носить халат без него. Врачиха посылает в Кызыл на рентген легких, но какая может быть дорога зимой для старого человека? Перебьется таблетками да чаем с козьим молоком до теплого солнца. Сроки не подгоняют, выдюжит.

Погладила обшитый красной нитью плотный оберег на груди, защищающий от непогоды и завистливых взглядов детский напиток жизни: ее молодое время осталось во временах, когда рыба брезгливо считалась водяным червем, а имя новорожденному называл в правое ухо лама...

— Маадыр, — повторила для себя, выглядывая в заиндевшее окно.

Имя у ее мальчика красивое, под стать узору на стекле. И кто сейчас вспомнит, что при рождении лама назвал его «Лишайником» — Кодуром. Не от хорошей жизни пошли на прозвище, пытались отогнать злых духов, забравших у единственной дочери Анай первых двух «маа». Лама и сказал: пока не вырастет и не окрепнет, будет «Лишайником». И приказал забрать внука к себе, растить как собственного сына и развивать легкие, раз пришла в семью болезнь по дыханию. Будь жив отец, может, и по-другому бы все складывалось, да только по упрямству своему сел на необъезженного коня. А тот носить на своей спине чужую настырность не пожелал, опрокинулся навзничь, придавил седока. За месяц до рождения сына. Вот и верь в приметы. Лама же осенью подарил сироте сделанный из высохшего тростника шооб — дудочку на длину вытянутой детской ручонки. Дуть в нее и тем укреплять легкие.

До восьмого класса внук дудел и топтался рядом. Нынешнее имя вписалось при получении паспорта. А где для «оол» паспорт, там жди и повестку в армию, тем более что Маадыр переводится как «герой». Солдатскую лямку протянул всего пять лет назад, вроде наладил гражданскую жизнь, а тут опять государево: «Надлежит явиться...»

Анай не терпелось обнять сына-внука, но и останавливала время, потому что сразу за встречей последует разлука. Да и известие о приезде соседи с телефонами принесли только-только, Маадыр, небось, уже на подходе, потому она торопливо выставляла на стол молоко, которое и не молоко вовсе, а белая пища — ак чем. Мимоходом скатала шарики из сухого творога,

ячменной муки и меда — первая еда к чаю готова. Только ведь в тувинском доме не встречают гостей без жареной лепешки или чебурека с рубленным мясом, а любимой Маадыру шурпе вообще вариться несколько часов. Она удавалась ей всегда, люди хвалили: вкусная, как на поминках.

Хотя и наказала врачиха без особой нужды на холод не выскакивать, да только как в деревенской избе отгородиться от улицы? Выскользнула в стылые сени, занесла оставшийся едва ли не с лета кусок баранины, положила ближе к печи оттаивать. Хорошие печи сложили староверы, для долгой жизни. С чего снялись и подались на север, оставив задаром целый поселок, понять сложно, но проводили их с добрыми пожеланиями...

Крутилась по хозяйству, а со священного перевала Хайыракан надували ветра грустные мысли: нельзя Маадару идти на войну. Злые духи вряд ли забыли, как не дали им приблизиться к «герою» в детстве, наверняка подстерегают вдали от родных пастбищ и стен. Принялась шептать уговоры дать ее мальчику силу всех силачей, ум всех старейшин, хранить от сыпучего песка, от крутых скал, от воды, от злых людей...

С обедом не управилась. Половину из задуманного выставила на стол, как застучали входные двери, и вошел увешанный пакетами, как елка игрушками, долгожданный гость.

Бросилась к Маадыру — то ли согреть, то ли усмирить жар в собственной груди. Подивилась, словно открывала Америку: какого он все же небольшого роста, ее мальчик. Да еще очки появились, за запотевшими стеклами которых и не разглядеть родных прищуренных глаз.

Закашлялась, испугав гостя. Тот отпрянул, снял очки и вопросительно вскинул голову: болеем? Кто разрешил?

— Не замерз? — для бабушки Анай важнее был он сам. — Морозу лень таскаться по степи, вот у нас в Куране и застрял. Поднимай руки.

Провела вокруг него дымящейся веточкой можжевельника, очертив круг от злых сил. Помогая провести обряд, Маадыр дал бабушке провести ардашем под каждой ногой: если что и прилипло плохого по дороге на подошвы унтов, должно отстать.

— Вот теперь раздевайся, а я займусь шурпой. С пшеном.

Прошла к кухонному столу и тут же отстранилась от запаха, исходящего от подтаявшего куска баранины. Неужели пропало? Заслонила мясо от сына-внука, благо тот стал распаковывать гостинцы у окна. Целая гора — на две свадьбы и три дня рождения. Но только это все равно холодная сухомятина, а с дороги и в дорогу без горячего никак нельзя!

— Сынок, пройдишь по людям, все хотят тебя видеть, — не пустила Маадыра к печи погреть руки. — А я как раз с обедом управлюсь. Веди всех, кто сможет.

Тот согласился, наверняка соскучившись по землякам. Вот и вырос: сначала младень, потом сопырник, агуня, балакунчик... Коновязь не успела состариться и завалиться, а уже солдат!

...«Всех» набилось полный дом. Общие посиделки в арбане редки, разве кто свернет с трассы в музей староверов или сами жители найдут силы устроить праздник в клубе. Для него выбрали самый большой дом, перегородили синей занавеской — вот и сцена. За ней, шумно споря, выстраивает хор баба Чечек. Несмотря на врожденную хромоту, мечется вдоль певцов, громко стуча костылями по деревянному полу. Надо бы соткать половички...

— Бабушка, разрешите угостить земляков? — Маадыр приподнял бутылку вина.

Разрешение требовалось: жители на сходе постановили держаться обычаев бывших хозяев, а староверы безоговорочно чтили сухой закон. Так что в арбане рюмку без разрешения могли пригубить только те, кому перевалило за восемьдесят.

— Сегодня можно, — вместо хозяйки разрешила Коммунист Коммунистович. В тувинском доме гость выше отца, но Чечек, перерезавшая при родах пуповину Маадыру, теперь на всю жизнь выше всех. Как крестная у русских. Пристукнула костылями, словно подписала дополнение в поселковый закон: — Можно! Оой!

Хозяйка, счастливая от полного дома гостей, уже разносила горячие, поджаренные на масле рубленые чебуреки — с шурпой все равно не успела бы. Их вкусный запах напомнил Маадыру о протухшем мясе, которое старалась спрятать от него бабушка, и он поискал глазами остатки баранины. Вместо них увидел вывешенную сушиться над печкой козлиную шкурку с белым пятном на холке.

Зачем?!

Передал бутылку землякам, протиснулся к бабушке. Прикрыл от всех, обнял худенькие плечи под атласным халатом. Анай виновато проследила за его взглядом.

— Ничего, родной. Это просто еда.

— Вон сколько всего привез...

— Ты идешь на войну, там тебя могут убить. Я же могу уйти в дальний путь, не дождавшись тебя. Все житейское в этом мире. Стол для гостей не должен заметить этого.

Она говорила вещи, которые в другой момент не произнеслись бы никогда, но оба понимали: одной молитвы и артыша-ладана для солдата на войне мало.

Староста за столом привычно перехватила наставления и подняла рюмку:

— Маадыр, мы знаем, что ты у нас герой. Но что бы ни случилось на войне, помни: хвалить или ругать будут не солдата Маадыра, а тувинца. Оой... Твоя земля здесь, твои предки здесь, твое имя навеки здесь, сынок. А мы тебя будем ждать и молиться. Оршеэ — помилуй!

Пригубив вино, подозвала виновника торжества, оперлась на костыли и набросила ему на плечи кадак — белый шарф, означающий светлую дорогу...

3

У войны нет времен года.

Ей без разницы, солнце в небе или молния, грязь под ногами или бархатная пыль, снег сечет землю или его самого подъедает весенний туман. А если еще в солдатской «отдыхайке» играет флейточка, то ни месяц, ни день недели роли уже не играют.

— Они разных размеров. Это самая маленькая — пикколо.

— Мужик, если играть, то на трубе или барабане, а не в свистульку дуть. Я так думаю.

— Ну-у, товарищи! В музыке нет мужских или женских инструментов. Что из того, что я выбрал флейту?

Спор прерывает майор Журавко, некогда служивший сапером в десантных войсках.

— Десантник — человек свободный. Куда его пошлют, туда он и захочет пойти. А ты — «выберу»...

Из-за отсутствия свободных командных должностей Журавко назначен полковым психологом, а что это такое в армии, не знал, похоже, и Генеральный штаб. Размытые обязанности оказались благом для командира полка и позволяли ему затыкать «психом» все дыры. Тот самый начальник «куда пошлют», которыми так славна армия.

Пока чаще посылает он.

— В колонну по три — становись! «Москвич»!

— Ленушок, солныш, я перезвоню, у нас построение, — отошедший на переговоры с женой москвич Макс смахнул с экрана фото жгучей брюнетки и замкнул колонну.

На освободившиеся в курилке места спикировали вороны: солдатики приходят и уходят, а они остаются. На двести лет вперед. Хозяева жизни в военном городке — они...

— К месту занятий, на «поле дураков», бегооооом...

Когда Черчилля однажды попросили поделиться секретом долголетия, тот усмехнулся: где можно было сидеть, я не стоял. Где имелась возможность идти — никогда не бежал.

— Марш!

В армии бегают все и всегда! Из пункта А в пункт Б, между которыми, как правило, не существует асфальтовых дорожек. Здесь, в лесах под Рязанью, где проходили перед отправкой на фронт тренировки мобилизованные, требовалось не просто добежать, но и не вывернуть ноги на корневидцах. Гранатометчик Вася «Синяк» берцами сорок последнего размера ломает им, конечно, выпирающие коричневые косточки, но чертыхается и он. Даже худющий флейтист Женя с цветочной фамилией Незабудка, вроде и порхающий бестелесно над тропой, готов с благоговением вспомнить раздолбанную дорогу до филармонии. А всего-то из груза, кроме пикколо в деревянном футлярчике, болтается на груди АК-74, пытающийся достучаться через бронежилет до души хозяина: дай передохнуть.

Журавко услышал.

— Стой!.. Подравнялись! Тема занятий «Минно-взрывные действия». — Майор держал, словно мышь за хвостик, за бикфордов шнур тротиловую шашку. Ею же и указывал цели на полигоне, на котором, как на истинном «поле дураков», постоянно что-то роют, прячут, пилят или взрывают: — Перед вами мост — взрываем к едрене фене. Рядом водокачка. Ее тоже вдребезги. И так все до границы с...

Черту, где требовалось остановиться русскому солдату, не определил даже Верховный главнокомандующий, поэтому майору пришлось довольствоваться водокачкой посреди полигона.

— Вопросы есть?

В ответ тишина, если не слушать дятла на засыхающей сосне, высоченным солдатиком примкнувшей к правому флангу взвода. Черно-белый фрак долбоносика совсем не подходил под камуфляж «мобиков», а значит, дятел никакого отношения к армии не имел и мог позволить себе игнорировать команды, добывая пропитание отработанными движениями: сначала сапожником примериться к гвоздику — тук, потом заколотить его по самую шляпку — тук-тук-тук-тук. В награду — личинка короеда.

А для бойцов ощущение, что от мирной жизни только дятел, охраняющий «поле дураков», и остался. Хотя нет, у майора пристегнут карабинчиком к бронежилету плюшевый зайчик. Выпучил стеклянные глазенки, не понимая происходящего, трясется заячьей душой на каждое движение. Скорее всего, дочь подарила при прощании на удачу, а тут его самого в пекло...

— Слышите, дятел стучит? Думаете, по сосне? Это он последний ваш мозг выклеывает. Почему бежали стадом баранов? Автоматы должны быть направлены «елочкой» на все стороны на случай возможной засады.

— Тук-тук, тук-тук-тук!

— Правильно, — вскинул Журавко голову к начинающей засыхать верхушке сосны. — Хоть один умный в строю. Начинаем работу. Маадыр, со

своим интернационалом на мост. Но если навернетесь, доктора с удовольствием покопаются в груди костей, оставшихся в вашем камуфляже.

Майору лучше не перечить. Он зол: уволившись из армии год назад капитаном, загорелся тщеславной идеей занять хоть и в запасе, но майорские погоны. Оправдывался юмором: старшего офицера хоронят уже военкоматы и непременно под армейский салют! Ящик коньяка открыл путь к большой звездочке, однако обмытый возглавивший службу охраны в «Пятерочке» бывший десантник не успел: вышел Указ о мобилизации. А в нем совершенно непредвиденное: старшим офицерам, в отличие от лейтенантов и капитанов, призыв по возрасту обозначили на десять лет выше. И вместо домашнего пивка под завыванье вьюги за окном новоиспеченный майор таскает плюшевого зверька по полигонам. Чтобы не поминал походя салюты на собственных похоронах...

— Вжались в землю! На войне голову склоняют не перед иконой, а перед пулей, — учит майор на пару с зайцем уму-разуму тех, кто избежал предыдущих горячих точек с их боевым опытом. Парадокс времени: Россия огромная, но воюют за нее одни и те же батальоны, одни и те же люди. Сегодня они опять на фронте, но вот запросили для подмоги народец, а он необстрелянный... — Если ума нет, приносите пользу хотя бы самим себе.

Маадыр утюжит снег к металлическим фермам моста. Сзади долговязый «Москвич» отфыркивается от фонтанчиков снега, выбрасываемых ему в лицо из-под юрких валенок сержанта. В ответ сам старается не отбрасывать порошу, оберегая пухлые щеки ползущего следом омича Ермака. Тот чистюля, в военторге скупил все влажные салфетки и протирает каждый пальчик после прикосновения к чему бы то ни было — к ложке в столовой, к автомату на стрельбище, к топору на полигоне, к соседу в строю.

В какой последовательности ползут подчиненные дальше, Маадыр может рассказать с закрытыми глазами. Наверняка «дает дубака» молдаванин «Цыган», хотя ни к молдавской нации, ни, тем более, к цыганам отношения не имел: родился и жил, где работали учителями родители, приехавшие поднимать гагаузское село из Карелии. Дальше по уже проторенному пути ползут остальные. Негласное правило — в цепочке всегда со всех сторон должен быть прикрыт флейтист Незабудка. Музыка надо беречь! Майор пообещал оторвать руки, ноги и головы всем, если кто-то сломает взводный «Цветок». Тыл прикрывает, подбирает отставших бывший сталевар с самым странным позывным в полку — «Ничей». Никто так и не дознался, откуда родом, какой национальности.словно сирота казанская...

Остатки взвода изображали рытье траншей. Момент, когда в солдате просыпается юный натуралист и защитник природы: ходы сообщения роются в обход каждого куста и деревца. Но не о них, конечно, забота, просто

лень рубиться с корнями, которых под землей как щупальцев у осьминога. Только сосны под Рязанью на каждом шагу. Труднее солдатской доли жизнь только у полицейских — казаться вечно злыми, да у священников — являть собой каждодневную благочестивость. На саперов-десантников все давно махнули рукой: не подорветесь на земле, так парашют откажет в небе...

Журавко приперчивал черный юмор:

— У бойца каждая вещь должна быть подписана — майка, трусы, бушлат, обувь. Если разматает на кусочки или шмякнетесь о землю, чтобы знать, какому разгильдяю что принадлежало...

— А как быть с ногами? На каждую ставить клеймо?

Спрашивалось не из вредности: утром на занятиях майор любовно демонстрировал мины нажимного действия, когда при подрыве ноги у манекена разлетались в разные стороны.

— Правильный вопрос, — поддержал любопытство майор, выискивая в строю «умника». Каска Ермака вместе с щеками вросла в бронезилет, но опоздала. Журавко подергал бордовый резиновый жгут, притороченный к ляжке бронезилета. Тот не размотался, не дав повода наказать хозяина за разгильдяйство. — Последний анекдот. Саперный комбат приезжает в госпиталь: вчера боец Ермаков подорвался на mine, в какой палате лежит? — Ермаков? Который подорвался? В третьей, пятой и седьмой.

Грубоватые армейские шуточки — от попытки скрыть напряжение перед отправкой на фронт. Больше всего они напрягают Женю Незабудку, вытщенного в армию из оркестровой ямы Брянской филармонии. При этом он не забывает оглядываться за поддержкой: я ведь не слинял, я же не побежал! Никто не поехал из оркестра на войну, а я тут. С вами!

У каждого своя история с призывом. Ваську «Синяка» привезли на призывной с насиженного места у гастронома, где сшибал копейки на выпивку. Получив через месяц десятки тысяч рублей, скупил в городке весь одеколон. Комвзвода старлей Брусникин, увидев груженого стекляшками подчиненного, конфисковал пакет и так обильно продезинфицировал «Шипром» и «Сашей», вкуче с «Красной Москвой», туалет, что его можно было путать с парикмахерской. Впрочем, самого взводного тоже призвали не без юмора — стал подбивать клинья к любовнице военкома. Та послала его подальше, но еще дальше попутавшего берега владельца автомастерской отправил военком, вызвав повесткой на сборы.

Из кадровых офицеров в полку только командир и начальник штаба. Остальные — запасники, отставники или «незабудки», вчера еще о погонах и о войне не помышлявшие. Только вот у судьбы нет якоря для постоянной стоянки у комфортного пирса, и первая волна мобилизованных уже слушает майора. И дятла. И по команде ползут к местам подрыва,

чертыхаясь от вкрапленных в снег сосновых шишек, попадающихся под локти и колени.

— Чей зад торчит? «Москвич», он тебе больше не нужен? Чем на Арбате будешь крутить, если отстрелят? Вжались в снег, как в любимую женщину.

— Так-так. Так-так-так...

Маадыру стук дятла напомнил топот козленочка по полу у бабушки. Как же давно проходил прощальный обед всем поселком!

На полигоне тоже кормят как на убой — не перед отправкой на фронт будет сказано. В столовой Журавко забирает у соседней тарелки с едой, фотографирует переполненный поднос и отправляет снимки жене — вот как жируем! После фотосессии оставляет себе овощи и чеснок, горкой лежащий на раздаче рядом с компотом. Вариантов сбросить ему вес всего два: меньше есть или больше бегать. Бегать майорам уже не хочется, для этого есть солдаты. За питанием издалека следит жена, но психологу ли не обмануть ее даже в прямом эфире? Это на «гражданке» за фитнес надо платить, а тут за это же самое Министерство обороны еще и доплачивает...

...И мост, и водокачку «взорвали» без проблем. Несколько замечаний сделал дятел, но уже без майора, которого сменил отыскавшийся после ночи комвзвода. Но когда хрен был слаще редьки?

— Место следующих занятий — парашютная вышка, — сжимал кулаки и желваки Брусникин, явно недовольный результатами самоволки. — Перед прыжком все кричат: «Слава ВДВ!» Дальше или шагаете вниз сами, или с помощью пинка под зад. Но десантным войскам все равно — слава!

— Или — Вася, — оскалился «Синяк», вспомнив из времен СССР притказку про лозунг «Слава КПСС — Славе слава».

Зря закусился: юмор не остался без внимания и на этот раз:

— Все Василии — выйти из строя!

Шеренгу покинули трое, даже Ермак, чья фамилия перекочевала в позывной, а про имя кроме писаря уже никто и не помнил. Они и получили команду нести к парашютной вышке приготовленное для дымовой завесы автомобильное колесо. На войне умирают, конечно, в одиночку, но ответственность за любые прегрешения — коллективная.

— «Синяк», ты идиот. Тебе только сидеть в туалете и кричать «Занято»! — пнул «благодетеля» Ермак. Ему вообще-то больше подходил бы позывной «Гиббон», потому как ходит даже в строю исключительно «правая рука-правая нога».

— За мной бегом — марш!

Лейтенанты бегают быстрее майоров, отчего пункт «В» кажется дальше и ненавистнее. Даже гиббонам при беге возвращается нормальная координата: левая рука — правая нога...

— Я сказал — нести, а не катить! — не давал юмору покинуть армейский строй взводный. Впрочем, в армии всегда круглое — толкали, квадратное — катили.

До парашютного городка добежать не удалось: растопыбив тараканьи лапы, над дорогой завис квадрокоптер.

— Противник справа! — бросил старший лейтенант подчиненных на операторов, управляющих «птичкой». А десанникам, поди, плохо порвать в клочья врага при численном превосходстве.

В солдатиков, безмятежно пыхтящих сигаретками, воткнулись два десятка автоматных стволов. Брусникин пальчиком потребовал у пленников пульт управления, те попытались возразить, но угрожающе звякнули затворы: за командира забросим вместо дятла на сосну!

Получив «игрушку» и приноровившись к управлению джостиками, старший лейтенант поднял квадрокоптер над деревьями, увел его в сторону военного городка. Не позволяя никому заглянуть в экран, подвесил «птичку» над местным кафе. Высмотрел идущих на обед женщин и встрепенулся:

— Перекур тридцать минут.

Лейтенанты точно бегают быстрее майоров: «птичка» еще не успела вернуться к истинным хозяевам, а сосны уже заштриховали фигуру Брусникина. Не комвзвода, а свободный углерод — где хочет, там и бывает...

— Занятый у нас начальник, — вздохнул «Синяк», усаживаясь с Васьками на колесо: — Навоюем с таким. Угу, да.

Только кто же загорбным голосом вещает о будущем перед отправкой на фронт? Соседи по колесу спихнули дурня в снег, а настроение перебил Незабудка, в свободную минуту продолжающий обучение Маадыра:

— Вот так губки вытягиваешь, вот так. Дуй!

Под шипение новоявленного духовника рядом с привалом плюхнулась Бабой-Ягой на живот «птичка». Операторы вытащили ее за шиворот из снега и приступочками, от греха подальше, стали отделяться от захватчиков.

— Смотри. — Незабудка выпростал свои губы-ниточки, уложил их на чашечку мундштука, хватнул воздуха и курочкой принялся «клевать» перед собой невидимые нотные зернышки. Из них полилась умиротворенная музыка, под которую, как под дудочку пастушка, послушно поплелся за хозяевами вновь поднявшийся над просекой квадрокоптер.

Десантники в ожидании взводного натаскали сухих веток, разложили костер. В выигрыше оказались Васьки, вольготно расположившиеся перед огнем на колесе, остальные переминались на ногах или довольствовались сидением на корточках. Служба для солдата идет не только во время сна, но в еще большем блаженстве при отсутствии командира.

— Ленушок, роднуш, да не волнуйся ты. Не отвечал, потому что занятия. — «Москвич» занялся привычным увещеванием жены, не обращая внимания, что разговор влетает в чужие уши.

— Выдыхай в прорезь. — На молодожена не обращал внимания только флейтист, продолжая измываться над сержантом, взводом и сидящими на ветках снегирями. — Верхняя и нижняя губа — каждая должна рождать свой звук. Прессом выдавливай изнутри воздух, животом работай...

— Мужики, заткнитесь, а? Дайте «Москвича» послушать, — попросил обычно молчаливый «Ничей».

— А я со своей плохо расстался, — вдруг, ни с того ни с сего, поделился своими проводами и семейной жизнью «Купец». Скорее всего, просто захотел вспомнить на людях — так получается шире, весомее. Ничего, что не о совсем радостном, то, что ковыряет душу — тоже свое, родное. Лишь бы вспоминалось, не исчезало...

— Расставаться надо без злобы. — Ермак, греющий над огнем выскобленные снегом, как наждачкой, руки, попробовал поучить семейной жизни сослуживца.

— Да вот так же заколебала ревностью, — оправдался совершенно без злобы обладатель сигаретного ларька на каком-то рынке в Подмосковье. — Перед отправкой подошли к озеру, уток покормить. Подплыла одна уточка, селезень куда-то, идиот, отвлекся. Даже в этом попрекнула — такой же кобель, одну оставляешь...

Степень доверия к семейной тайне на этом закончилась, закончилась и тема: погружений в свои воспоминания остальным не хотелось — там, несмотря на любые домашние неурядицы, было уютно. А угли в собственном костре нельзя ворошить, тем более чужой кочергой, иначе быстрее прогорят, и останешься вообще без тепла. Вон «Цыган», третий Василий на колесе, кутается в воротник с носом, молдавские глазки остекленели на морозе.

— «Цыган», как тебе заграница?

— В Европе теплее.

— О-о, мы еще и по Европам покатались? — то ли не поверил, то ли позавидовал Ермак, наверняка из Омска никуда не выезжавший, кроме как сейчас на войну.

Молдаванин посидел недвижимым кулем некоторое время, но после семейных драм разговор не клеился, морозец крепчал, без разговорной толчеи он всегда ядренее, и Маадыр на правах старшего подтолкнул к дальнейшему разговору:

— По Шенгенской визе?

— По фронтовой карте.

Немногословность молдаванина мало кого волновала, каждый встал в строй уже со сложившимся характером, и принималась как данность. Но выбор между Шенгеном и военной картой слишком противоположен...

— Куда вывела?

— В Берлин. К рейхстагу.

Помолчали, пока мало соотнося услышанное о Великой Отечественной с нынешним временем. На этот раз молдаванин сам не стал томить:

— У нас отряд поисковый был. Поднимали останки с Великой Отечественной. В последней экспедиции подняли солдатика. Медальон указал родственников в Туле. Как ни странно, сразу нашли. Те попросили привезти останки. А санкции границы закрыли. Только через Европу, Польшу, Беларусь. Решил довести бойца до рейхстага, до которого не дошел в 44-м. Все. Останки захоронили, я сам остался. Теперь с вами.

Над поляной нависла тишина, нарушаемая лишь треском сучьев в костре да тихой мелодией флейточки. Купец, благо имел дело с цифрами, вдруг что-то подсчитал в уме и с удивлением сообщил:

— Мужики, а ведь мы все родились в Советском Союзе. Последние от туда. Получается, что это СССР сейчас защищает Россию. Дела...

Каждый в молчании окинул время, в котором пришлось жить: от дружбы народов в Советском Союзе до войны с продавшейся Западу братской Украиной.

— Хорошо, если кто-то и нас вот так найдет и развезет по домам, — мечтательно произнес «Синяк».

— Идиот! — вторично выпихнул в снег соседа Ермак и вернулся к совсем безобидному: — Тувинец, твоим воем только духов вызывать.

— При чем злых!

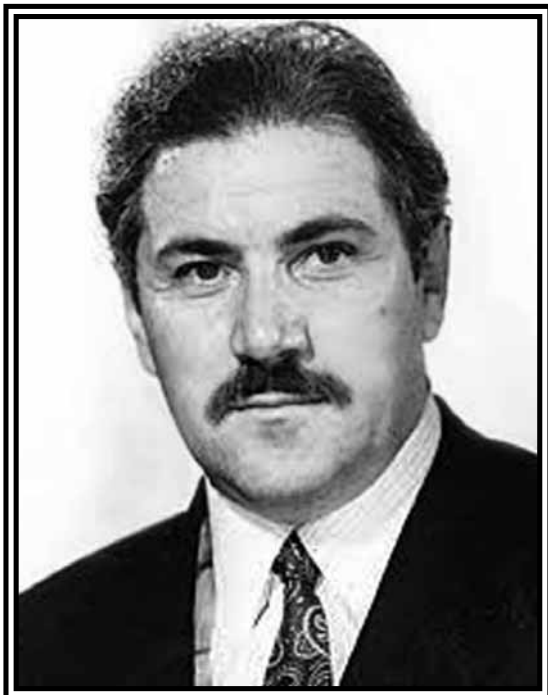
Накаркали: у костра вырос Брусникин. Стер шапкой светящийся на солнце ореол из бусинок пота на стриженной голове. Рейд в кафе, судя по всему, результатов не дал, и «птичка» уже через минуту снова наблюдала бег пятнистой десантной гусеницы с автомобильным колесом на хвосте.

— О-о-о! — стонал «Синяк», не уместаясь на тропе и проваливаясь в снег глубже остальных. — Хоть бы побыстрее или по домам, или на войну... □

Окончание следует.

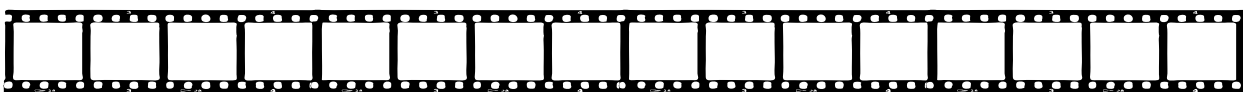
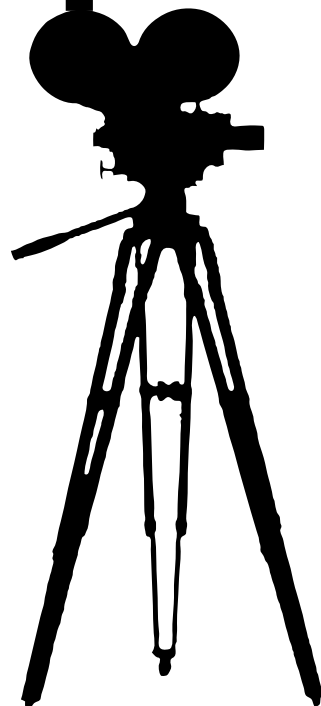
Георгий Кричевский

Григорий Чухрай

и его

КИНО

«Вероятно, я бы не стал режиссером, если бы не Михаил Ильич Ромм». Так пишет в своей книге «Мое кино» наш выдающийся мастер экрана. И продолжает: «Осколки снаряда, которыми я был тяжело ранен на фронте, вновь и вновь давали о себе знать. Но я храбрился, пока однажды — в который раз, и теперь уже прямо со съемок своего дипломного фильма — не угодил в госпиталь. Когда же после лечения вернулся в институт, оказалось, что... группа давно расформирована.

Продолжать работу не с кем, негде и не на что... Чтобы расплатиться с долгами, я продал свою шинель... Больше продавать было нечего... И вдруг — телеграмма из Белгорода-Днестровского. От Михаила Ильича Ромма. Он приглашает меня на картину своим ассистентом... Это была прекрасная школа режиссерского мастерства и режиссерской этики».

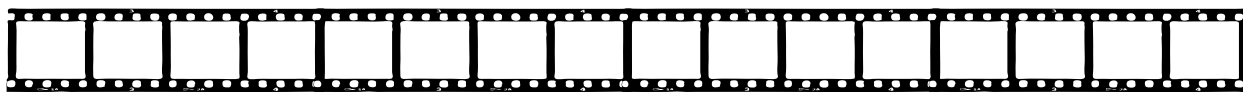
Повезло! Но, как известно, везет тем, кто «везет». Чухрай в этом плане всегда «вез» за двоих. Плюс, разумеется, большой талант,

который он сумел приложить к делу и не разбазарить по пустякам. Он пришел во вгиковские аудитории вместе с поколением режиссеров-фронтовиков, таких, как Станислав Ростоцкий и Петр Тодоровский. И, подобно им, принес в кино с войны свою правду, свою честность, свой характер.

Он сохранил их до конца жизни, один из самых упрямых и несгибаемых корифеев советского киноискусства. На последних страницах своей книги воспоминаний Григорий Наумович делится с читателем сокровенными мыслями, которые пришли к нему с возрастом. «Нас уверяют, что наша общая мечта построить справедливый мир, была мечтой идиотов. Я так не думаю. Это была великая человеческая мечта!.. Не стало великой мечты, и мы перестали понимать друг друга.

Кто-то из политиков сказал: тот, кто не жалеет, что Союз развалился, у того нет сердца; тот, кто хочет его восстановления, у того нет ума. Действительно, прошлого не восстановишь, а разрушенного жалко... Человечеству не запретишь мечтать. А мечты сбываются».

Давно ставшие классикой фильмы Чухрая не подвержены разрушительному действию Времени. Они остались с нами навсегда, воплотив в себе надежду на счастье и веру в завтрашний день.

Григорий Наумович Чухрай родился в мае 1921 года в Мелитополе, на улице, носящей теперь его имя, в семье красноармейцев Наума Зиновьевича Рубанова и Клавдии Петровны Чухрай. В 1924-м родители разошлись, и маленький Гриша остался с матерью, которая участвовала в раскулачивании и коллективизации на Украине, работала народным судьей, училась в Одессе на высших юридических курсах, затем перебралась с сыном в Днепропетровск, откуда, спасаясь от голода, бежала в Кисловодск, потом — в Пятигорск, где устроилась библио-

текарем в санатории «Красная звезда» и получила там же комнату.

На этом ее странствия не закончились, позже она переехала в Баку и служила старшим следователем милиции. А по возвращении в Днепропетровск устроилась на работу в машинно-тракторную станцию и вторично вышла замуж за председателя колхоза Павла Литвиненко, заменившего маленькому Грише отца. В 1935-м отчима направили в Москву на учебу в Академии соцземледелия. По окончании двухгодичного курса он с женой вернулся на Украину, а будущий кинорежис-

*«Баллада
о солдате»*

сер остался в столице продолжать учебу в школе и присоединился к ним в 1939-м после получения аттестата зрелости.

Дальше его ждали работа и летние радости на Синельниковской селекционной станции, откуда в конце года он был призван в РККА. Став курсантом полковой школы связистов, Григорий был переведен в дивизионный подготовительный лагерь радистов и войну встретил в тренировочном походе под Полтавой. На фронте он был бесстрашным десантником, воевал в Тамани, в Сталинградской битве, в донских степях... Был четырежды ранен. Последнее ранение получил в бою на пути к Вене. Среди его боевых наград — орден Красной Звезды и орден Отечественной войны II степени. День Победы Григорий встретил в госпитале...

В Сталинграде, в одном из разрушенных домов лейтенант Чухрай нашел книжку Льва Кулешова по теории кино, и ему очень захотелось стать режиссером. Так судьба привела его во ВГИК, в объединенную мастерскую Сергея Юткевича и Михаила Ромма. Учился он хорошо и подавал большие надежды. Причем случалось ему по-фронтовому проявлять свои мужество и решимость.

Когда незадолго до смерти Сталина в стране развернулась кампания против так называемых «безродных космополитов», Григорий Чухрай, единственный на курсе, открыто вступился за увольняемого в тот момент выдающегося советского кинорежиссера и педагога Сергея Юткевича (снявшего, кстати говоря, знаменитую трилогию о Ленине). По-

добный поступок мог ему дорого обойтись.

К съемкам дипломной работы Чухрай приступил в 1953-м. Однако застарелые боевые раны вынудили его лечь в госпиталь. А после выписки из госпиталя он обнаружил, как пишет в своей книге, что съемочная группа расформирована, декорации разобраны, а финансирование прекращено. Выручил своего ученика Михаил Ромм, вызвав его к себе помощником на съемки в экспедиции «Адмирала Ушакова» и дав ему самому снять несколько сцен, которые в готовую картину мэтра не вошли, но которые Михаил Ильич предложил Григорию смонтировать и представить к защите в качестве диплома.

До первого авторского фильма, сразу прославившего имя дебютанта, оставалось еще долгих три года.

Григорий Наумович провел их, набираясь профессионального опыта ассистентом режиссера на Киевской киностудии имени А. Довженко, а в 1955 году был принят в штат киностудии «Мосфильм».

Год спустя на экраны страны и мира вышел фильм Чухрая «Сорок первый».

Картина была снята по одноименной повести Бориса Лавренева и явилась второй ее экранизацией после немого фильма Якова Протазанова (1926).

«Мне было 17 лет, когда я впервые прочел эту повесть, — вспоминал Григорий Наумович. — Зимой 1943 года я был третий раз ранен... Меня оперировали, вытащили осколки, и я стал поправляться. Библиотекарь принесла мне на выбор не-

сколько книг... Я перечитывал повесть и думал... над проблемами войны вообще и гражданской войны в частности».

Действие повести и фильма происходит в период Гражданской войны в Средней Азии и экзистенциально обострено до предела. По пескам пустыни движется, изнывая от жажды и преследуемый белыми, отряд красноармейцев. В составе отряда — снайперша Мария (Изольда Извицкая) по прозвищу Марютка, на счету которой сорок убитых вражеских офицеров. Она конвоирует захваченного в последнем бою белого поручика (Олег Стриженов), посланного с важным поручением адмиралом Колчаком к генералу Деникину.

С огромным трудом отряд добирается до берега Аральского моря, грузится в баркас, чтобы плыть к своим, и почти целиком гибнет во время шторма. Спасаются только Мария с пленным поручиком — их выбросило волной на берег острова, там они находят приют в рыбацкой хижине. Долго ждут подмоги и... страстно влюбляются друг в друга. И вот, наконец, на горизонте появляется судно. Мария думает, что это возвращаются рыбаки, но, когда судно приближается, видит на нем белогвардейцев. Тут поручик с криком «наши!» бросается к ним навстречу, и, против собственной воли, отчаянно полюбившая врага Марютка стреляет ему в спину...

Послушаем бывшего фронтовика и режиссера-постановщика картины. «Трагическая судьба красноармейки Марютки, влюбившейся в своего врага — белого офицера, а потом застрелившей его, сегодня может показаться неправдоподобной, но у войны свои законы, которые непонятны тем, кто этого ада не прошел. Роковой выстрел Марютки был столь же закономерен в обстановке гражданской войны, как и ее любовь».

Мысль писателя о бесчеловечности войны начинающий режиссер с помощью поднимающегося к вершинам операторского мастерства Сергея Урусевского усилил пластическими образами двух молодых, прекрасных людей, любовь и жизни которых унесла братоубийственная бойня. Впервые в отечественном кино белогвардейца показали ярким, одаренным человеком, по-своему глубоко любящим Россию.

В Союзе фильм посмотрели более 25 миллионов зрителей. На него выстраивались очереди в кинотеатрах Европы. На X Каннском фестивале он получил Специальный приз жюри. То был большой, заслуженный успех, так что первая же картина Чухрая вошла в золотой фонд советского киноискусства.

После «Сорок первого» удержать столь высокую планку было нелегко. Однако окрыленный Чухрай, получивший в творчестве «карт-бланш» от киношного начальства, да и сам

«Сорок первый»

сделавшийся вскоре частью кинематографической элиты, со всеми соответствующими постами и званиями, не подкачал. Его следующий фильм «Баллада о солдате» (1959) — уже о другой, ЕГО войне, Великой Отечественной, — оказался не менее талантлив и значителен, как в идейном, так и в художественном плане.

Это фильм о войне без войны на экране. Подбивший в бою вражеские танки солдат получает в награду шестидневный отпуск и едет домой повидать мать и починить крышу. В дороге драгоценные дни уходят на помощь случайным попутчикам. Остаются только минуты, чтобы обнять мать и тут же попрощаться с нею... А еще Алеша встречает любовь, но вернуться к девушке и к ма-

ме ему уже не суждено. Он погибнет в бою и будет похоронен в чужой земле. Об этом мы узнаем еще в самом начале фильма и это придает картине подлинный трагизм и возвышенный, просветленный пафос.

...Угрюмое, окаменевшее лицо одноногого солдата на перроне, который боится вернуться к ждущей его жене; другая жена, предавшая своего еще живого мужа; смертельно усталая женщина-шофер; разбомбленный поезд с эвакуированными... Вот они, отзвуки недавно начавшейся страшной войны, что разносятся по просторам многострадальной советской страны, по тылу, ставшему вторым фронтом смертельной битвы с фашизмом.

В картине показано, как война неожиданно сближала людей, чтобы

«Чистое небо»

снова разлучить их. И разрушенный железнодорожный мост превращается в поэтический символ всех разрушенных мостов между людьми — материальных, духовных, становится символом искалеченных людских судеб. Вот как глубоко лирично выглядит кинематографический шедевр Григория Чухрая, номинированный на «Оскар», удостоенный приза Британской киноакадемии как «лучший фильм года» и собравший более ста почетных зарубежных призов. Триумфально прошла картина по экранам Советского Союза, ее посмотрели свыше 30 миллионов человек. Сценаристы фильма были удостоены Ленинской премии.

А ведь сценарий В. Ежова и Г. Чухрая поначалу не желали утверждать в Госкино СССР, сочтя

его недостаточно патриотичным. На главную роль режиссер планировал пригласить все того же Олега Стриженова, однако спустя пару дней после начала съемок Григория Наумовича сбила на улице машина, и он несколько месяцев лечился, прервав работу над картиной. А за это время успел переосмыслить ключевые моменты будущего фильма. В результате, 17-летнего солдата сыграл никому не известный Владимир Ивашов, что стало для него, как и для его партнерши по фильму Жанны Прохоренко, поистине звездным часом.

Семья всегда являлась надежным тылом выдающегося советского кинорежиссера. Он был однолюбом и познакомился с будущей же-

ной еще в самом начале войны. Студентка Ираида Пенькова рыла противотанковые рвы, а вечерами ходила на танцы. Война разлучила молодых людей, но настойчивый Чухрай сумел через письмо в газету «Комсомольская правда» отыскать ее во время 14-дневного отпуска по ранению (в котором 10 дней у него ушло на дорогу) и позвать замуж.

Мужем, по воспоминаниям вдовы Григория Наумовича, он оказался просто идеальным — рукастым, нежным, никогда не повышавшим голос на нее и детей. Их у Чухрая двое: дочь Елена, видный киновед, и сын Павел, который пошел по стопам отца. Его режиссерские работы широко известны, в особенности драмы «Вор», тоже номинированный на «Оскар», и «Водитель

для Веры». Как и у отца, каждая новая картина Павла Чухрая рождается долго и трудно. Зато результат налицо.

Третий культовый фильм Чухрая-старшего, «Чистое небо» (1961), на пути к экрану преодолел немало сложных препятствий.

Начать с того, что права на сценарий Д. Храбровицкого принадлежали Свердловской киностудии и перешли к «Мосфильму» в результате длительной тяжбы, хотя Чухрай готов был снимать полюбившийся ему сценарий там же в Свердловске (нынешнем и прежнем Екатеринбурге). Далее, подключившись к драматургу, он настоял на существенных переработках сценария. Так, сперва авторы не затрагивали тему осуждения и недоверия, с которыми

столкнулись на родине бывшие советские военнопленные. В итоге эта тема вышла на первый план.

Последняя треть текста сценария переписывалась уже после запуска фильма в производство. Причем руководство «Мосфильма» требовало завершения съемок к концу года. Начаты же они были ранней весной, в Ярославле, где снег почти везде стоял, а по сюжету в картине был ряд зимних сцен. Пришлось привозить снег грузовиками с берега Волги, а крыши домов в кадре покрывать мелом...

Неожиданности подстерегали создателей фильма и в самой сценарной истории. В ее первоначальной версии отважный советский пилот (его очень убедительно сыграл Евгений Урбанский) первым в мире преодолевает звуковой барьер. Выяснилось, однако, что рекорд этот принадлежит зарубежному ассу. В результате, герой-фронтовик, по воле обстоятельств попавший в гитлеровский плен и бежавший из него, преодолевает в картине не скорость звука, а черствость и отчуждение партбюрократии.

После смерти Сталина летчика Астахова, лишившегося любимой профессии и достойного места в жизни, вызывают в Минобороны, вручают Золотую звезду Героя Советского Союза и возвращают в авиаотряд испытателей. Григорий Чухрай воплотил в сюжете картины боль от разочарования его поколе-

ния в сталинизме, разоблачил атмосферу подозрительности и равнодушия, тесно связанную с «культом личности», вынес приговор произволу, оправдывавшему огромные жертвы «великой целью».

Фильм режиссера-фронтовика «Чистое небо» еще и антимилитаристский. Он показывает противояственность войны, и в символическом эпизоде переполненного воинского эшелона, убыстренным ритмом неотвратимости судьбы пронесшегося мимо вышедших встречать мужчин с войны женщин и детей, и в будничных тыловых невзгодах и страданиях девушки Саши (Нина Дробышева), и в образе взывающего в небо реактивного самолета...

В этом замечательном фильме Чухрая мы находим отклик на колотовские «Летят журавли» и продолжение «Судьбы человека» Сергея Бондарчука. Причем визуальные метафоры картины, напоминающие о сталинской поэтике, органично сочетаются с новыми, уже «оттепельными» мотивами. Гранд-при Московского международного кинофестиваля и признание «Чистого неба», по опросам журнала «Советский экран», лучшим фильмом года подтвердили массовый зрительский успех ленты.

Пожилая чета Гусаковых, лишившись крова из-за пожара, отправляется в Заполярье к дочери,

*«Жили-были
старик
со старухой»*

жизнь которой не складывается. Такова фабула следующей «негромкой» картины мастера «Жили-были старик со старухой» (1964). Начальные кадры ленты о несбывшихся людских мечтах словно возвращают нас к одноименной сказке Пушкина. Только вместо волн синего моря перед нами речка в сельской глуши.

Характеры персонажей выпуклы и разнообразны, это простые люди, и им веришь. При этом их взаимоотношения достаточно сложны и эмоционально впечатляющи. В погоне за счастьем весьма сомнительным кажется положение Гали. Возможно, через какое-то время она перестанет довольствоваться бесцветным и никчемным мужчиной, который с ней рядом. А старуха, образ

которой убедительно воплотила на экране Вера Кузнецова, примет в финале картины единственно верное решение, доказывая, что с мужем они всегда стремились «слышать» друг друга и поступать во благо ближним...

Незатейливая, но глубоко человеческая и тонкая киноповесть Чухрая была тепло встречена зрителями разных стран и удостоилась на Каннском фестивале приза за исполнительское мастерство В. Кузнецовой.

Умение работать с актерами и добиваться от них наивысшего результата всегда являлось отличительной чертой Чухрая-режиссера. Эта способность в полной мере проявилась и в последней крупной

«Жизнь прекрасна»

работе стареющего мастера — совместном советско-итальянском фильме «Жизнь прекрасна» (1980). Действие его происходит в неназванном государстве, в котором правит жестокая военная хунта (имеется в виду Португалия времен диктатора Салазара). Таксиста-подпольщика сыграл Джанкарло Джанини, а его подругу официантку — Орнела Мути. В картине снялись также видные советские актеры: Е. Лебедев, Ю. Бурдайтис, Р. Адомайтис, И. Ясулович.

Бывший летчик, а ныне водитель такси, Антонио хочет остаться в стороне от борьбы, однако жизнь заставляет героя сделать выбор, который осложняет его возлюбленная Мария. В итоге он оказывается вместе с несколькими подпольщиками в тюрьме, подвергается пыт-

кам, организует дерзкий побег и на угнанном самолете покидает страну... Динамично и выразительно режиссер снял фильм о свободном человеке в несвободной стране.

К концу жизни, как это нередко случается у нас с большими художниками, народный артист СССР Григорий Наумович Чухрай занимался преимущественно руководящей, общественной и преподавательской деятельностью. Бессменный секретарь Союза кинематографистов, член коллегии Госкино и Советского комитета защиты мира, художественный руководитель Экспериментального творческого объединения «Мосфильма» и член его худсовета, он много лет набирал курс и вел режиссерскую мастер-

скую ВГИКа, делился творческим опытом со слушателями Высших курсов режиссеров и сценаристов.

Надо отметить, руководителем он оказался столь же талантливым, как и режиссером. Возглавлявшаяся им Экспериментальная творческая киностудия (ЭТК) явилась поистине инновационной с точки зрения экономики и организации кинопроизводства: она была самоокупаемой и даже приносила существенную прибыль. И все благодаря достаточно экзотичному в условиях социалистической плановой системы принципу личной заинтересованности.

«Чтобы совершенствовать планирование, — пишет в книге «Мое кино» Г. Чухрай, — мы решили воспользоваться американской системой... при создании ракеты «Поларис»... В условиях дутой отчетности она не действует. У нас же прижилась и дала возможность существенно сократить сроки производства. Особенно эффективна она была в подготовительный период. Съемочный период нуждался в совершенно другом способе планирования, и мы его тоже нашли... Он позволял при срыве плана на день (заболел актер, не прислали игрового транспорта, не та погода) быстро переориентироваться на другую съемку, возможную при создавшихся условиях. Система пакетов... помогла нам вместе с другими новшествами сократить съемочный пери-

од до трех месяцев без ущерба для качества».

Книги «Моя война» и «Мое кино» Григорий Чухрай писал, работая с германским кинорежиссером Р. Шюбелем над документальным телефильмом «Смертельные враги» (1992), куда вошли волнующие интервью с участниками Сталинградской битвы.

...Он скончался на 81-м году жизни после тяжелой болезни и похоронен на Ваганьковском кладбище. Живут его фильмы, живет память о нем, убедительно состоялись в режиссерском творчестве его именитые ученики.

В год смерти художника, в 2001-м, вышла исповедальная книга Григория Чухрая «Мое кино». На ее последних страницах есть и такие строки:

«К старости я стал многое забывать, но стихи я помню, хотя никогда их не учил. Они всплывают в моем сознании каким-то непонятным для меня самого образом... Меня всегда удивляло, что война кончилась, а я остался жив. Почему именно мне достался такой подарок судьбы? Может быть, для того, чтобы продолжать дело, за которое отдали свои жизни миллионы моих сверстников?.. А служение этому делу и составляет цель моей жизни.

Сегодня ровно два годика нашей правнучке, Анечке. Я счастлив, что дожил до этого дня. Дай Бог ей в этой жизни счастья!» □

Лидочка

Лидочка горько плакала в сестринской. Опять эта «капитанша» забрала себе возможный приработок. И ведь оборачивает все так, как будто заботится о ней, о Лидочке. Только почему бы ей не вспомнить о своей «заботе», когда она ночные смены распределяет?

Нонке, своей протезе, долговязой костлявой перезрелой девице с горором, как хобот у слона, ставит ночные дежурства, от силы, дважды в месяц: не может эта фифа по ночам работать, голова у нее кружится от недосыпа, видите ли. Чего тогда в медицинское училище пошла со своей головой? Сидела бы где-нибудь бухгалтером (цифры у нее в голове, кстати, гораздо лучше приживаются, чем названия новых препаратов для инъекций). А Лидочка не меньше двух раз в неделю дежурит: может — не может, а выходит.

Лидочка в медицину влюблена. Давно и навсегда. И рука у нее легкая, не то, что у некоторых. Так, как она, уколы и капельницы в отделении никто не ставит. И вену всегда находит, и колет не больно, и шишек-синяков не остается. Немудрено, что больные к ней в очередь выстраиваются. А те, кому дополнительные инъекции назначают — продолжение лечения после выписки, Лидочку просят на дом к ним приходиться. Она с удовольствием хватается за каждый новый заказ: деньги в их с сыном маленькой семье вовсе даже не лишние.

А эта змея подколодная, Алиса Капитоновна (которую коллеги за глаза «капитаншей» зовут), уши держит на макушке, а «антенны» (две толстые косы, баранками закрученные с двух сторон головы) держит постоянно включенными, и как только пациент к Лидочке с просьбой — старшая медсестра тут как тут, соловьем разливается: «Лидочка у нас мать-одиночка, некогда ей по адресам разъезжать, домой она после работы спешит. Пожалейте Лидочку. Вот Нонна — свободная девушка, она может к вам в любое время приехать. И даже иногда в рабочее, если очень нужно будет, — сладко улыбается «капитанша», — отпущу ее к вам на укольчик».

И смотрит на Лидочку так, что та даже возразить не смеет. А как возразишь, когда «капитанша» все отделение под себя подмяла. Главврач и тот под ее дудку польку пляшет. Умеет Алиса Капитоновна льстивые речи говорить, умеет все в свою пользу оборачивать. Вот и отбирает крохи, которые Лидочка могла бы заработать. Не всегда, к счастью, ей это удается. Больные ведь тоже не дураки. Кто не в первый раз, Нонку знают, и руку ее тяжелую на себе испытали, шарахаются теперь от услуг горе-медсестры. Тихонько с Лидочкой договариваются. Но как противно это: скрываться, тайком телефон свой писать. Но ничего не поделаешь. Жить-то надо.

И вот сегодня Лидочка так надеялась на подработку: новому пациенту десять капельниц выписали и уколов на две недели расписали. Можно было сынишке, Ванечке, на хороший подарок заработать. Лидочка уже размечталась, а зря. «Капитанша» вмиг нарисовалась и перехватила выздоравливающего. А он глазами хлопает: мол, мне все равно, кто будет делать. Ну а раз все равно, значит — Нонкин выход.

Ну, плачь, не плачь, а надо идти работать. А то «капитанша» начнет ехидно интересоваться, уж не из-за кавалера ли наша Лидочка всхлипывает. А какие уж тут кавалеры, когда в голове только сыночек ненаглядный, работа на полторы ставки и вечный вопрос: «Как свести концы с концами?» Не до романтических отношений, не до лирики.

Да и не лежит ни к кому Лидочкина душа. Сколько не пытались молодые врачи и пациенты к ней подкатывать, сколько не приглашали на свидания, цветами одаривая и шоколадками, в ответ Лидочка лишь мило улыбается и смущенно отказывается. Никто не обижается. На Лидочку вообще сложно обидеться: всегда приветлива, корректна с персоналом и больными, если нужно, поможет, если срочно, подменит.

Никак Лидочка не выбросит из сердца Ванюшиного папу. Крепко влюбилась она тогда, шесть лет назад, в Егора, молодого талантливого хирурга, привязалось к нему сердечко толстой ниткой, и не перерезать ее, не разорвать. А Лидочка и не думает об этом. Некогда ей размышлять да нюни разводить. Конечно, когда она вернулась после отпуска и узнала, что хирург больше не работает в больнице, то была в полной растерянности.

Они перед ее отъездом повздорили. Егор приревновал Лидочку к симпатичному медбратау, который активно ухаживал за ней. А девушка возьми и скажи: «Ты вот скрываешь наши с тобой отношения, мы прячемся по углам, домой вместе не уходим, утром разными дорогами в больницу добираемся, чтобы никто не подумал, что ты пользуешься служебным положением. Вот и ухаживают за мной другие. Я же с виду свободная». Егор

вспылил, Лидочка обиделась. И уехала домой. А когда вернулась, Егора перевели на повышение в областной центр. А Лидочка осталась одна. Ну, как одна — с Ванечкой в животе.

Она, может быть, и стала бы разыскивать любимого, да только девчонки медсестры как-то в разговоре вскользь упомянули, что Егор вроде бы шуры-муры с докторшей одной закрутил. Правда или нет, но гордости Лидочке было не занимать. Позвонила родителям, без утаек рассказала правду. Родители у нее хорошие, душевные. Все поняли и не ругались, не возмущались, как у одной из Лидочкиных подружек: ее, когда она без мужа забеременела, родители скоренько на аборт отправили, мол, нечего безотцовщину плодить. А Лидочкины в один голос заявили: «Будешь рожать, и точка. Чем сможем, подсобим». Мама приехала на месяц, когда Лидочке пришла пора рожать. Сидела с Ванечкой, пока дочка экзамены в училище сдавала, а потом забрала обоих домой, в деревню.

Лидочка год в декрете продержалась, изредка массажи односельчанам делала и уколы ставила. Только хотелось настоящей работы, в настоящей больнице, ведь у них в деревне даже фельдшерский пункт прикрыли: проверяющие сказали: «Не рентабельно». А куда прикажете хворым старикам деваться, которые в больницу, что в соседнем поселке, не доедут: не на чем, да и сил нет?

Лидочка, когда в училище поступала, мечтала, что потом в институт пойдет, офтальмологом хотела стать, зрение людям возвращать. Да что уж теперь... Куда ей с маленьким ребенком в институт? Это же вам не заочное обучение, не дистанционное. Медицина — дама капризная, впускает лишь тех, кто ей верой и правдой служить намерен, кто до донышка себя отдает.

Так что Лидочке была одна дорога — работать. Тетка, мамина сестра, позвала к себе в город, от их деревни недалеко, в тридцати километрах. У них больницу новую отстроили, места рабочие образовались. Лидочка и поехала. Взяли ее медсестрой в травматологию, комнатой в семейном общежитии обеспечили, сына в детский сад помогли определить.

Тетушка бездетная, к Лидочке вполне себе хорошо относится. Первое время она с Ванечкой сидела, пока племянница в ночные смены ходила. А потом тетушкино здоровье начало «шалить», а вместе с ним и характер испортился. Капризная стала тетка, обидчивая. Чуть что не по ней, в слезы да обвинения: мол, я тебе Ванечку сколько нянчила, а ты мне теперь стакан воды не подашь. Лидочка старается изо всех сил. Если время свободное есть, прибежит и в магазин сходит, и полы помоеет, и поест приготовит. Только редко получается. Где его взять — время это свободное?

С тех пор как тетушка сняла с себя обязанности няни, Лидочке пришлось туго. Днем Ванечка в детском саду, присмотрен и накормлен. Воспитательницы не вредничают, если она немного задерживается, знают, что и так спешит изо всех сил. Да только в больнице форс-мажоры — обычное дело: то больного по «скорой» в конце смены привезут, то перевязка затянется. Такая она — работа медсестры.

И опять же, если кому из воспитателей или нянечек назначат уколы проколоть или капельницы поставить, Лидочка никогда не откажет и денег не возьмет — потому персонал и дожидается спокойно, если Ванина мама опаздывает. Полезно такого специалиста среди мам иметь.

А вот когда ночная смена выпадает, то хоть караул кричи. Ванечке всего пять лет, одного дома не бросишь: ну как она работать будет, если сынок останется в их временном жилье? Да у нее сердце разорвется от тревоги. Пришлось Лидочке к главврачу на поклон идти: просить, чтобы Ваня с ней дежурил. Главврач — человек с пониманием, у самого дочка без мужа двоих девчонок подымает, сделал исключение из правил, но предупредил, чтобы Ванечка никому не мешал. Мальчишка и вел себя тише воды ниже травы (первое время, правда).

Лидочка ему в комнате отдыха медперсонала уголок оборудовала, шторкой передвижной отгородила. Ночные смены пролетали незаметно, Ванечка сопел за шторкой, Лидочка спокойно работала. А вот если дежурство выпадало на выходной, тут уж попробуй, удержи шестилетнего парнишку в четырех стенах. Поначалу Ваня сидел смирно с книжкой или рисовал в свое удовольствие на черновиках, которых в отделении скопилось видимо-невидимо. Потом потихоньку стал ходить за мамой симпатичным таким хвостиком. Больные с улыбкой встречали вихрастого паренька с конопатым, курносый, как у Лидочки, носиком. Ванечка только и взял от мамы нос да конопушки, а в остальном оказался копией своего отца: кареглазый, темноволосый, худощавый, с артистичными пальцами. У него даже большая родинка на шее в форме неровного овала в точности копировала отметину на шее Егора.

Со временем Ванечка стал помогать больным: кому горячей воды для чая принесет из столовой, кому апельсин почистит, с кем-то просто поговорит, о делах своих мальчишеских расскажет — все время быстрее пролетит. В больнице-то оно вон как тянется, словно резинка жевательная, а для тех, кто сам ходить не может после операции, время и вовсе останавливается: лежат, ждут сначала назначенных процедур, а ближе к вечеру начинают посетителей поджидать. Но если не навещает никто? Вот тут-то Ванечка приходится ко двору: стихи декламирует, которые в садике учит, книжку с картинками приносит и давай читать вслух. И все довольны.

Вот только Алиса Капитоновна кривится при виде Ванечки. Сделать она, к ее большому огорчению, ничего не может — главврач ведь разрешил. Но на лице у нее каждый раз появляется такое выражение, что хочется немедленно нырнуть под кровать. Под кровать Ванечка, конечно, не прячется, но при первых же звуках громогласного, двухмачтового, как смеются больные, корабля, из палаты выскальзывается и исчезает из поля зрения.

Лидочка присела на диван, прикрыла красные от недосыпа и напряжения глаза и распрямила спину — устала. Сменщица заболела, и пришлось после ночного дежурства остаться на боевом посту: а что делать, больные ждать не могут, пока медперсонал отдохнуть будет.

— Мамочка, ты устала, давай, я тебе чаю принесу и вафлю, меня дядя из третьей палаты угостил, — звонкий голосок сына заставил Лидочку разлепить веки.

— Мне уже лучше. Спасибо, сынок. А вафлю ты зря взял, — я же тебе говорила, не стоит ничего брать у больных. Это нехорошо.

— Почему нехорошо? — удивленно приподнял бровки Ванечка. — Ему целый пакет принесли, он всех угостил. И меня тоже. Сказал, что столько ему не съесть, он же не бегемот.

— Ну, если всех, тогда ладно, — Лидочка притянула сына к себе, потрепала по вихрастой макушке и вздохнула. — Надо идти, а ты, артист мой любимый, оставайся здесь, а то влетит тебе от «капитанши». Сиди как мышка и читай книжку.

— Ладно, — Ванечка понурил голову, но уговор есть уговор. Маме лучше знать, когда можно высовываться, а когда нет. — А меня сегодня тетя одна заплаканная спрашивала, кто я такой, — вдруг вспомнил он.

— Какая еще тетя? Пациентка?

— Нет, — помотал головой Ванечка. — Она здоровая и красивая такая. Только грустная. Она с кем-то приехала. Говорила, что он сильно поломался, а это может стоить разрушенной карьеры.

— Карьеры, наверное?

— Наверное, — покладисто согласился Ваня. — Тетя на кушетку в коридоре присела, а я там тоже сидел, ждал, пока можно будет в палату зайти после кварцевания. Она потом спросила, чей я сын. Я ответил, что мамы Лидочки сын. Я правильно сказал, мам?

— Правильно, сынок. Все, я побежала.

— А мне говоришь: «Не бегай по отделению!» — хитренько подмигнул Ваня.

К вечеру Лидочка уже считала минуты до окончания смены. Больше не удалось не то, что прилечь, даже чай с пирожком пришлось пить на бегу. Некогда было даже к сыну забежать.

Сдав смену, она присела рядом и с нежностью смотрела на любимое личико. Сынок тихо посапывал, обняв плюшевого енота — потрепанный временем и объятьями талисман, которого Ваня везде таскал с собой. Хотелось прилечь рядом в тишине и никуда не ходить. Но больничная тишина обманчива: скоро начнется вечерний обход, перевязки, уколы и раздача лекарств...

Весь следующий день Лидочка крутилась как электрометелка: помыть, приготовить, убрать, накормить, развлечь. И все это с улыбкой. А как же еще? Ванечка — ее свет в окошке, так редко видит маму не в белом халате, а в смешном переднике с белкой и зайцем (сам выбирал маме в магазине на Восьмое марта). Днем гуляли в парке, кормили белок, а вечером смотрели мультфильм и ели наскоро испеченный медовик. Хорошо им вдвоем, тепло и уютно.

Выходные почему-то всегда пролетают незаметно, и наступает новый рабочий день. Ну, так это и есть жизнь. Разве нет?

К счастью, следующее суточное дежурство маячило где-то вдалеке, и можно было рассчитывать на обычную, хоть и суматошную, смену в отделении.

В обеденный перерыв Лидочка собралась сбежать в магазин, посмотреть зимнюю куртку для Ванечки. Скоро зарплата, и, кажется, даже обещали премию, так что можно будет немного пошиковать. Только немного, конечно.

Лидочка уже стояла в дверях, когда в сестринскую заглянула высокая темноволосая женщина с покрасневшими то ли от слез, то ли от недосыпа глазами.

— Простите, а где я могу найти Лиду?

— Это я. А вы, наверное, чья-то родственница. Вы что-то хотели узнать?

— Да, хотела узнать... Меня зовут Инна. А вы — мама Вани?

— А что случилось? — Лидочка мгновенно встревожилась. — Что-то не так?

— Нет-нет, я просто хотела с вами поговорить. Но это не на две минуты, пожалуй, а вы явно торопитесь. Давайте я позже подойду.

— Нет уж, раз речь идет о Ванечке, я никуда не спешу, — Лидочка решительно сбросила куртку. — Только пойдете вниз, там столовая, где можно спокойно поговорить.

— Я тогда сразу начну с главного, — обхватив руками чашку с горячим чаем, Инна внимательно смотрела на Лидочку. — Ваш сын поразительно похож на моего брата.

— Как вы сказали? Похож? — улыбнулась Лидочка. Ну так мало ли на свете похожих людей.

— Он не просто похож, — покачала головой Инна. — Я вам сейчас фотографию покажу, мне мама прислала, а вы сами сравните.

Лидочка посмотрела на снимок в телефоне неожиданной нарушительницы ее планов и увидела своего Ванечку, разве что с прямым носом и без конопушек. Да еще одежда на мальчишке явно была не современная.

— Это и есть мой брат. — Ну что, похож?

— Похож, — огласилась Лидочка. Так бывает. Иногда. — Она сжалась на стуле, уже понимая, что ее размеренная жизнь вот-вот даст трещину.

— Так бывает, если мой брат и ваш сын — родственники. Тем более что родинка на шее Вани точь-в-точь, как у Егора.

— Егора? — Лидочка вздрогнула всем телом. — Вы сказали, Егора? — Трещина расширялась, норовя расколоть тщательно выстроенную изгородь вокруг их с Ваней мира.

— Да, мой брат — Егор Истомин. Хирург.

— Что ж, Егор действительно отец моего сына. Но я никогда ничего от него не требовала. Впрочем, он и не знает о Ванечке, — с горечью добавила Лидочка.

— А почему?

— Неважно. Это только наша с ним история, и ничья больше.

— А вы любили его?

— Очень. Но это тоже касалось только нас.

— Да вы поймите, Лида, я в безвыходном положении... — Из глаз Инны потоком полились слезы. — Вся семья, все друзья, — мы не знаем, что делать. Егор был внизу, когда сошла эта злосчастная лавина. Они с друзьями приехали в отпуск на неделю. Каждый год выбирают сюда покататься на сноубордах. А тут — лавина. Он и бросился спасать тех, кого завалило... В общем, второй сход его тоже придавил. Правая кисть раздроблена так, что при самом хорошем раскладе он только ложку сможет ею держать. А о хирургии можно забыть.

— Как же так? — В глазах Лидочки промелькнул ужас. — Он же не просто хирург, он гений в операционной. Ему нельзя без этого!

— Вот и я о том же. В общем, он лежит во второй травматологии. Завтра Егора перевозят в нашу областную больницу, будут пробовать хоть частично восстановить руку. Но он третьи сутки молчит. Как узнал, что с ним, так и молчит. А тут — как подарок с небес — я на Ванечку наткнулась

в коридоре. Сначала подумала, что мне из-за слез померещилось, потом пригляделась: нет, вылитый Егорка в детстве. А уж когда мальчик сказал, что он мамы Лидочки сын, у меня и щелкнуло: Егор после того, как в нашу больницу перевелся (я тоже врач, физиотерапевт), мрачный ходил, на вопросы не отвечал. Однажды лишь проговорился после приличной дозы алкоголя на семейном празднике, что медсестра Лидочка его покой отняла. И все, больше ни слова я из него не вытянула. Он и в детстве такой был: если проблема, то замыкается и молчит.

— Покоя, говорите, лишила? Он сам уехал, а мне ни словечка. И новый роман завел. — Лидочка вытерла слезы и добавила: — Но это дела давние. Что вы сейчас от меня хотите? Чтобы я его навестила? Так вряд ли он захочет меня видеть через столько лет.

— Я хочу, чтобы вы с Ванечкой к нему сходили. Поймите, он мой младший брат, я всю жизнь за него переживаю. Уверена, что новость о сыне выдернет его из депрессивного состояния.

— Его выдернет, — насмешливо покачала головой Лидочка. — А о Ванечке вы подумали? Мальчишке-то каково будет? Вдруг, ни с того ни с сего, папа появляется. А нужен ли он этому папе — большой вопрос. Нет, Инна, я не стану рисковать благополучием сына. И не просите. Я могу сходить к Егору одна. Хотя для меня это тоже будет непросто. А с Ваней — нет. Простите, у меня перерыв заканчивается, мне нужно возвращаться в отделение.

— Восьмая палата во второй травматологии! — вслед ей крикнула Инна.

Лидочка шла по коридору, не видя и не слыша ничего, словно глухой тесный кокон окутал ее, сдавил со всех сторон и не давал вздохнуть. Она сдержалась при сестре Егора, не подавая вида, что не зажило еще, не заросло, не утихло все, что ныло и саднило в душе много лет. Можно сколько угодно обманывать других. Но себя-то, себя не обманешь.

«Что делать? Идти к Егору? Пытаться ему помочь? Да она бы с радостью полетела и сделала все что в ее силах. Но... у нее есть Ванечка, ее сокровище, ее солнышко. Разве можно разрушить его спокойный мир ради призрачной надежды помочь Егору? А нужен ли ему сейчас хоть кто-то, когда жизнь рухнула, и мечты разлетелись, как осколки хрустального бокала?»

— Лидочка, вы не в себе? Я вам третий раз говорю, что в пятой палате нужно поставить капельницу, а вы смотрите на меня, как будто увидели привидение.

— Привидение? Ой, простите, Алиса Капитоновна! Я действительно увидела привидение.

— Дожили! Медсестры начали шутить. Что дальше будет? — «Капитанша» поджала тонкие губы и важно прошествовала по отделению раздавать указания и нагоняи.

Сдав смену, Лидочка забрала сына из детского сада, поиграла с ним в любимую железную дорогу, накормила ужином и уложила спать. «Завтра его перевозят в другую больницу, — то и дело она мысленно натыкалась на слова Инны, — и я снова его не увижу. Возможно, больше никогда. Ну и пусть. Жила столько лет без него, и ничего, справилась. Он был далеко. А сейчас он рядом, и ему плохо...»

— Лидочка, ты что так поздно? Да и смена вроде не твоя? — Охранник удивленно открыл перед ней входную дверь.

— Я на минутку, забыла кое-что забрать. До завтра не терпит.

— Ну, беги, Маша-растеряша. А хвостик твой где?

— Соседку попросила присмотреть. Я же ненадолго.

В восьмой палате второй травматологии горел ночник возле одной из кроватей. Пациент с гипсом на левой руке и перебинтованной кистью правой руки лежал, уставившись в потолок, в сотый раз пересчитывая уже ставшие знакомыми трещины. Остальные пациенты выползли в коридор к телевизору. А что еще делать после ужина? Это вам не горнолыжный курорт.

— Здравствуй, Егор, — негромко сказала Лидочка.

— Лидочка? — Мужчина удивленно приподнялся на локтях и сморщился от боли. — Ты откуда здесь?

— Это, скорее, вопрос к тебе, — уголками губ улыбнулась девушка. — А я здесь работаю. Медсестрой в первой травматологии.

— Ты же учиться дальше собиралась. Не поступила?

— Не поступала. Как ты себя чувствуешь? — перевела она тему.

— Я себя не чувствую, — прикусив губу, проговорил Егор. — Видишь, как вышло. Одно мгновение, и все мои планы полетели к чертям собачьим вместе с этой проклятой лавиной.

— Егор, я все понимаю, но жизнь на этом не заканчивается.

— Не заканчивается, ты права, — горько усмехнулся Егор. — Она закончилась. Для меня хирургия — это все. А теперь это все для меня недоступно.

— Знаешь, шесть лет назад, когда ты уехал, не оставив мне ни единого шанса, я тоже думала, что моя жизнь спела мне прощальную песенку. Мечты рухнули, надежды с грохотом раскололись на мелкие кусочки.

— Но ты же сама уехала с этим красавчиком... как его, забыл имя... с медбратом. Я рвал и метал, а потом подвернулась новая должность, я и решился: раз тебе не нужен, у тебя другой, не буду мешать.

— Что за бред?! Не было никакого другого. Я уехала на каникулы домой, одна.

— А мне сказали... — Егор запнулся.

— Вот и мне сказали, что у тебя роман с докторшей.

— Да не было никакого романа!

— Мы что-то узнали, кому-то поверили. И начали новую жизнь, — покачала головой Лидочка. — Строили новые планы, как-то справлялись. Искали новый смысл этой самой жизни.

— Да где он, этот смысл? В чем? — Егор отвернулся к стене. — Я теперь, даже зная, что произошло на самом деле, не могу тебе сказать: «А давай заново начнем?» Это тогда я был перспективным хирургом, а теперь кто? Буду сидеть где-нибудь на приеме страждущих бабушек, прострелы лечить и ушибы йодом обрабатывать.

— Тебе не идет быть слабым, Егор, — тихо проговорила Лидочка и, поднявшись, добавила: — Пойду, пожалуй. Я оставлю тебе кое-что, на досуге посмотришь. — Она положила на кровать белый конверт с фотографиями.

— Что это? На передачку больному не похоже, — съехидничал Егор.

— Это новый смысл моей жизни...

...

— Пап, а мы на лыжах кататься пойдем? Пап, а когда мама вернется? Пап, а ты мороженое нам купишь? А куда Ваня ушел?

— Анютка, тархтелка моя любимая, сделай перерыв в своих вопросах, я не успеваю отвечать. — Мужчина подхватил маленькую курносую девочку на руки и закружил.

— Папка, у меня елки в голове кружатся! — завопила девочка.

— Елки — это серьезно. — Егор поставил дочку на пушистый снег, выпавший за ночь и укутавший город белым покрывалом.

— Отвечай на вопросы, — потребовала Анютка, сморщив курносый носик. — Мама говорит, что нельзя увиливать даже от самых неприятных вопросов.

— Ну, раз мама говорит, — улыбнулся Егор, — отвечаю по порядку. Мама сегодня учится. Ты же знаешь, она совсем скоро станет настоящим врачом. Будет людям глазки лечить. У нее сейчас сессия, а потом у нас у всех будут каникулы. Вот на каникулах мы и поедем на лыжах кататься.

Ваня — в школе. А мороженое девочкам, у которых недавно болело горло, противопоказано.

— Ну пап, — захныкала Анютка. — Ну, ты же врач, ты меня вылечишь, если я заболēju.

— Я же не лор, я — хирург. А хирурги они такие — чуть что не так, сразу за скальпель хватаются. — Егор сделал страшные глаза.

— А я и не боюсь не капельки. Мама говорит, что ты добрый доктор, и стараешься лечить без операции.

— Стараюсь, — по лицу отца мелькнула тень. — Потому что операции я разучился делать.

— Разучился?

— Видишь ли, дочка, есть такое правило: надо все делать хорошо или не делать вовсе. А я с моими тремя пальцами на правой руке не могу держать скальпель так, как раньше. Так что теперь лечу без операций.

— Ты грустишь, потому что не можешь? — Анютка повернула к себе голову отца и нахмурилась.

— Не грущу, — покачал головой Егор. — У меня же есть ты, Ванечка, наша мама. Зачем же мне грустить? А пойдём-ка, Анютик, маму встретим. Устроим ей сюрприз.

— Как ты устроил маме и Ване давно-давно, когда меня еще не было? Мне Ваня по секрету рассказывал.

— Именно, как тогда, — эхом отозвался Егор и улыбнулся. □

В третьем номере, не по вине редакции, произошла досадная ошибка: автором рассказа «Кунцевская» является Всеволод Шадловский.

Евгения
Гордиенко

Балерина века

Ее ученики называли себя «семеновский полк», и совершенно оправданно — эта миниатюрная женщина держала их в самой строгой узде, которая чувствовалась даже на этом, привыкшем к некоторой жесткости поприще — балетном. Никто не позволял себе спорить с ней, а кто пытался — переставал для нее существовать. Прожившая больше века (назло Кшесинской), она стала легендой балета. К сожалению, собственно ее танец видели совсем немногие — так давно это было, так мало записей, увы, сохранилось...

Марина Семенова родилась в мае 1908 года в рабочей семье, где кроме нее было еще пятеро детей. Ее отец, Тимофей Семенов, умер рано, а мать довольно быстро снова вышла замуж за Николая Шелоумова, бывшего моряка, теперь тоже рабочего. Несмотря на то, что семья была «простой», здесь любили искусство. Марину поначалу отдали зани-

маться в танцевальный кружок, который вела подруга ее матери — актриса Екатерина Карина. И именно по ее настоянию танцевальное образование решено было продолжить — в 1918 году десятилетняя девочка поступила в Петроградское хореографическое училище. Поначалу она там никому не понравилась — неловкая, маленькая, слишком худая

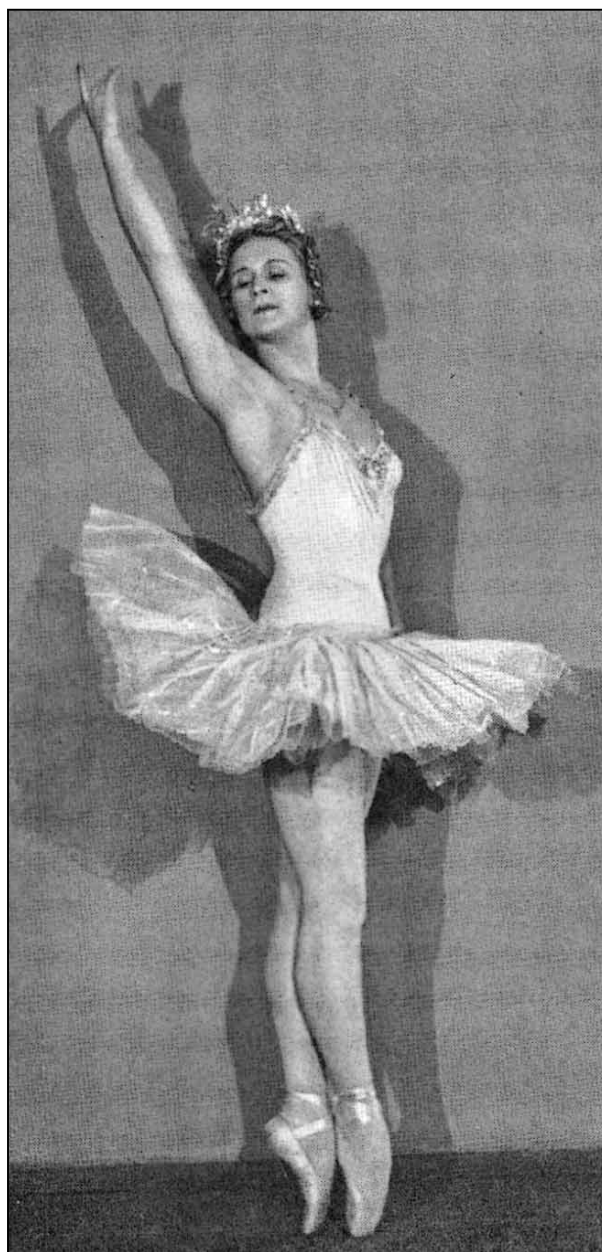
(как будто для балерины может быть слишком!), но директор училища Виктор Семенов (однофамилец Марины) словно увидел ее будущее и велел зачислить Марину в класс.

Первым ее педагогом стала Мария Федоровна Романова, мать Галины Улановой. Но способности девочки были таковыми, что ее почти сразу перевели из первого класса в третий, где она училась у Агриппины Вагановой, чьим именем впоследствии училище и будет названо. А возглавлять его будет последний и любимый ученик самой Семеновой — Николай Цискаридзе. Как причудливо тасует-ся колода!

К тому моменту как Семенова окончила училище, в стране уже произошла революция, и служить она стала в бывшем Мариинском театре, причем, миновав обычный для выпускниц этап кордебалета. Ее взяли сразу ведущей балериной.

Следует отметить, что в начале 20-х годов воздушное искусство балета считалось в советском государстве пережитком прошлого, атавизмом — с его *grandjete*, *battementu fouette*. К тому же особенно некому было танцевать: великие балерины прошлого — Спесивцева, Павлова, Карсавина, Кшесинская — покинули страну и не планировали возвращаться.

Но представители комиссариата народного просвещения, пришедшие на выпускной экзамен училища, были заморожены танцем Марины Семеновой. Ваганова выбрала для нее «Ручей» Делиба — старинный балет,

впервые поставленный в 1866 году в Париже. И яркая, уверенная в себе, темпераментная и технически безупречная балерина поразила сердца чиновников. Стало ясно, что и балет может быть революционным искусством. Вскоре вышел правительственный указ: взять на государственное обеспечение балетные труппы Большого и бывшего Мари-

инского театра, а также открыть несколько новых балетных школ по всей стране. Так Марина Семенова спасла, можно сказать, русский классический балет в революционном Петрограде.

У нее к тому моменту завязался роман с Виктором Семеновым — тем самым, который взял ее в училище. Пара поженилась и вскоре покинула Ленинград, чтобы переехать в Мо-

менитый советский дипломат, разведчик, заместитель наркома иностранных дел Лев Карахан.

Официально они свои отношения не оформляли, что, учитывая последующие события, возможно, было и к лучшему. Этот интереснейший человек, безусловно, заслуживает отдельного рассказа, но все же он был рядом с Семеновой, а не она — рядом с ним. Марина жила своей театраль-

Представители комиссариата народного просвещения, пришедшие на выпускной экзамен училища, были заморожены танцем Марины Семеновой, яркая, уверенная в себе, темпераментная и технически безупречная балерина поразила сердца чиновников. Стало ясно, что и балет может быть революционным искусством. Вскоре вышел указ: взять на государственное обеспечение балетные труппы Большого и бывшего Мариинского театров, а также открыть несколько новых балетных школ по всей стране

ску, где они получили предложение вступить в труппу Большого театра.

В столице Семенова пришла к двору, быстро подружившись со многими артистами, театральными деятелями, да и всей московской интеллигенцией в целом.

Она очень нравилась мужчинам. И дело было не столько во внешности (хотя она была хороша), сколько в той живости и страсти, которые бурлили в ней. Суламифь Мессерер, балерина, педагог и тетя Майи Плисецкой, пророчила, что в самое ближайшее время Семенова из рук своего мужа окончательно «выпорхнет». Это оказалось правдой: следующим спутником жизни балерины стал зна-

мой жизнью, довольно часто ездила в Ленинград к Вагановой, чтобы позаниматься с ней. Ученицы Агриппины Яковлевны вспоминали, что она появлялась, бросала на кресло шубу, а в ее ушах сверкали бриллиантовые серьги...

Именно Ваганова и посоветовала Семенову, когда к ней обратился Серж Лифарь, желавший станцевать на одной сцене с кем-то из загадочной Советской России. Не сразу, но Марину Тимофеевну все-таки выпустили на зарубежные гастроли, первые в ее жизни.

В Париже она танцевала «Шопениану», «Жизель» и «Лебединое озеро». Разумеется, среди публики было

много русских эмигрантов, которые внимательно следили за всем, что происходило на родине. Лишь одна дама «блистала своим отсутствием» — светлейшая княгиня Романовская-Красинская, в прошлом — балерина Матильда Кшесинская.

Успех гастролей был настолько огромным, что ревнивый Лифарь на смерть рассорился с Семеновой, справедливо полагая, что ею публика восхищалась больше, чем им самим. Помирились они спустя 43 года в Москве, куда Лифарь прилетел на празднование 200-летия Большого театра.

Благодаря этим гастролям Семеновой и Карахану удалось вместе совершить путешествие по Европе. Тем более что времена наступали непростые. Дипломат еще «ленинского призыва», блестящий, умный, образованный, в 1937 году Карахан был арестован 3 мая, а уже 20 сентября приговорен к расстрелу, который был осуществлен в тот же день.

А у Марины Тимофеевны уже был приготовлен «тревожный чемоданчик» — она ждала, как и многие в те годы, либо ссылки, либо расстрела. Но ее миновало и то, и другое. Сыграло ли роль то, что она не была официальной женой Карахана, или что-то другое, уже не узнать. Есть версия, что ее не тронули, потому что Сталину нравилось, как она танцевала. Но в это верится слабо.

Ее «всего лишь» на некоторое время отстранили от спектаклей, ей было запрещено покидать свою квартиру в Брюсовом переулке. Через

какое-то время стали появляться роли, но — эпизодические. Чтобы не сидеть без дела, Марина Тимофеевна стала брать себе танцевальные эпизоды в операх, и многие зрители специально приходили, чтобы увидеть, как она танцует вальс в «Иване Сусанине» или партию Персидки в «Хованщине».

После расстрела Карахана Семенова некоторое время была одна, но затем в ее жизни появился актер Всеволод Аксенов. Его описывали так: «Очень красив. Высокий, стройный, с прекрасной фигурой», «Благородные черты лица, выразительный, графически четко очерченный про-

филь, большие серо-голубые глаза, светлые волосы», «Красивый, элегантный, всегда прекрасно одетый и внутренне аристократичный».

Семенова сама обратила на него внимание несмотря на то, что он был женат. Почему она остановила свой выбор на нем? Когда ее спрашивали об этом, она, по слухам, отвечала, что «искала красивого отца для своего ребенка». Ее отговаривали — как это скажется на карьере? Но много позднее в интервью журналу «Большой театр» она призналась: «Я сама решала свои проблемы. Когда я дочку хотела родить, сколько слышала: «Что вы делаете? Вы не любите свое искусство!» Я сказала: «Остановитесь! Я люблю свое искусство. Но я хочу, чтобы у меня была дочь. Пройдут годы, появится кто-то молодой, вы отвернете от меня головы в другую сторону, а с чем я останусь?» И все от меня отстали».

Увы, совместная жизнь у пары не сложилась — Аксенов вернулся к

жене. Зато у Семеновой уже была дочь Екатерина, подарившая ей впоследствии внуков, и Марина Тимофеевна счастливо избежала одинокой судьбы многих служительниц искусства, проводящих свои дни лишь в воспоминаниях и редких визитах особенно совестливых учеников.

Всю войну она провела, работая. Сначала в Москве, затем — в эвакуации в Тбилиси. После победы танцевала в «Раймонде» героиню, дождавшуюся с войны своего героя. Овации на этом спектакле не смолкали полчаса.

Несмотря на свою исключительность, танцевала Семенова все меньше. В 1952 году в первом акте «Лебединого озера» она сильно потянула стопу. После антракта появилась с перебинтованной ногой и танцевала, по воспоминаниям очевидцев, великолепно, но на следующий день была уволена с лживой формулировкой «в связи с утратой профессиональной формы».

После смерти Сталина у Большого театра начались зарубежные гастроли, но Семенова в них уже не участвовала. Только через много лет как педагог она будет путешествовать по миру, и, несмотря на свой возраст, получать от этого колоссальное удовольствие, посещая музеи, пробуя вкусную еду и наслаждаясь происходящим.

Будучи педагогом, Марина Тимофеевна вырастила настоящих звезд: Нина Тимофеева, Людмила Семеня-

ка, Наталия Бессмертнова, Надежда Павлова, Нина Ананиашвили... Она была строга, ученики вспоминали ее с ужасом, но были ей благодарны — ее школа, ее «семеновский полк» был знаком качества.

Последним — и самым любимым — учеником и другом стал для нее Николай Цискаридзе. Значительную часть автобиографии он посвятил именно ей, как своему другу и педагогу. Он вспоминал: «Как Семенова меня штырила! Она заставила освоить, что учат в первом, втором и так далее классах. Но главное: я получил хореографию Петипа из первых рук! Казалось, она была легкомысленна и богемна, любила покутить, поиграть в карты, но служила балету беспрекословно».

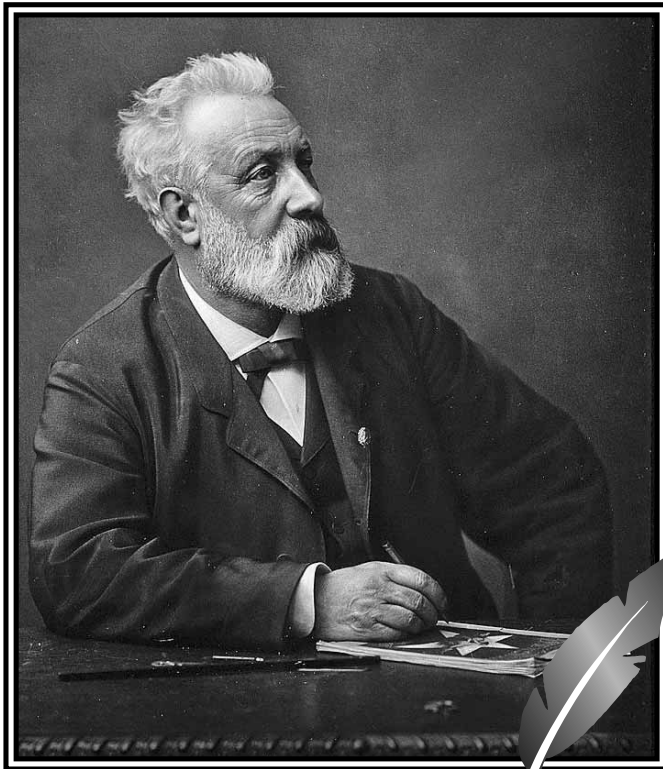
Семенова преподавала до 95 лет. После спектакля, посвященного ее юбилею, сказала: «Все, я устала...» И больше в театре не появлялась.

Она дожила до 102 лет, почти до последних дней пребывая в уме и памяти. Ее часто просили об интервью, но соглашалась она крайне редко. Однажды ей предложили встретиться с корреспондентом The New York Times, чтобы тот написал о ней статью. Марина Тимофеевна ответила, что о ней писали Стефан Цвейг и Алексей Толстой, и The New York Times ничего к этому добавить не может.

Ее похоронили на Новодевичьем кладбище, где теперь стоит серая стела с православным крестом и надписью «Великая русская балерина». □

Алла Зубкова

Дети капитана Верна

Многие выдающиеся ученые, изобретатели и путешественники, среди которых Менделеев, Циолковский, Жуковский и Нансен, с гордостью утверждали, что именно этот писатель помог им выбрать путь в жизни. Он умел заглядывать в будущее — из 108 его научных фантазий 98 уже сбылись.

Имя этого писателя — Жюль Верн. Он родился 8 февраля 1828 года в Нанте, портовом городе, расположенном на Луаре, недалеко от места ее впадения в Бискайский залив. С самого рождения Жюля Габриэль Верна (таково полное имя мальчика) его отец, преуспевающий адвокат Пьер Верн, надеялся, что сын пойдет по его стопам, совершенно не интересуясь желаниями самого Жюля. А мальчик все свободное от занятий в школе время проводил в порту. Там он слушал разговоры бывших моряков, жадно

разглядывал суда, приходящие из дальних стран. В десять лет Жюль уже неплохо владел морским жаргоном, хорошо был знаком с оснасткой судов, едва ли не наизусть знал «Робинзона Крузо» Дефо и зачитывался морскими рассказами Фенимора Купера и капитана Мариэтта.

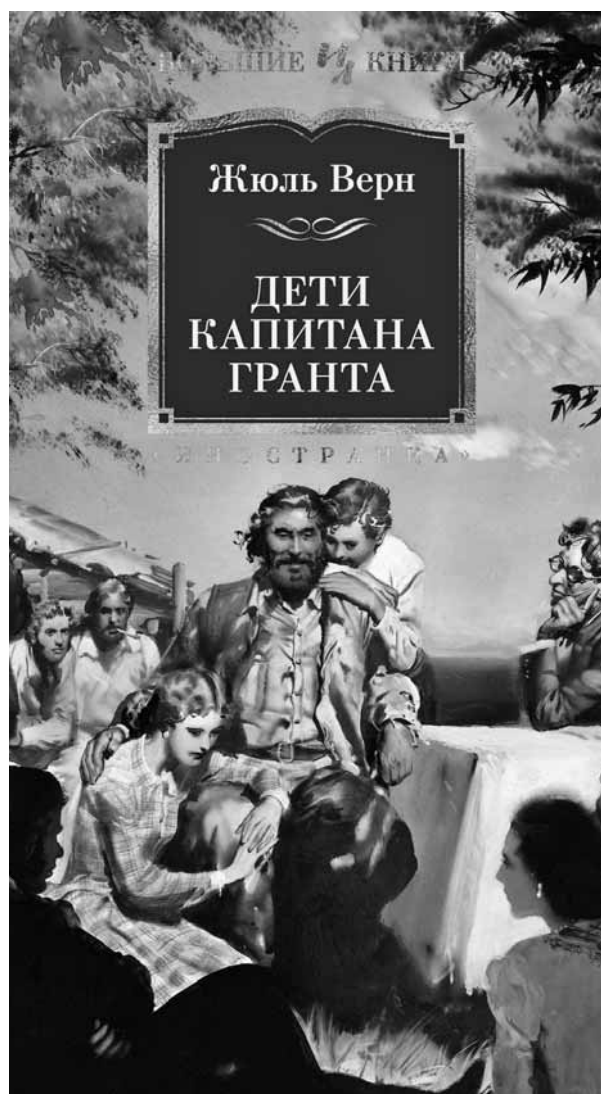
Когда Жюлю исполнилось одиннадцать, он решил убежать в заморские страны. Мальчик ухитрился наняться юнгой на шхуну, отплывавшую в Индию. Судно с новым юнгой на борту уже успело дойти до устья Луары, чтобы с утренним от-

ливом выйти в океан. Верн-старший, узнав об этом, действовал очень быстро и решительно. За каких-нибудь полчаса был снаряжен паровой катер — гордость нантского порта, и Пьер понесся вниз по Луаре вдогонку за блудным сыном. Настигнутый беглец держался достойно и гордо, и лишь заплаканной матери обреченно обещал, что никогда не отправится путешествовать — разве что только в мечтах...

Шло время. В шестнадцать лет Жюль с успехом окончил школу и поступил в Нантский королевский лицей. У него появились новые интересы: театр, музыка, но главное — литература. Верн начал делать в ней первые, пока еще робкие шаги. Сначала это были стихи, романсы, сонеты, шуточные мадригалы, посвященные матери и сестрам. Затем — трагедии в стихах. Все это, разумеется, было пока незрело и наивно.

Весной 1847 года выпускник лицея все-таки совершил небольшое путешествие: он поехал в Париж сдавать экзамены на звание лиценциата права. Однако в столице Жюль прежде всего хотел собственными глазами увидеть главных обитателей французского литературного олимпа. Несмотря на неопытность, в молодом человеке уже был виден талант, поэтому очень скоро Верн познакомился с главными мэтрами — Виктором Гюго, Теофилом Готье и Дюма-отцом.

Автор «Мушкетеров» отнесся к юноше особенно сердечно, стал вся-

чески поощрять его литературные опыты, и Жюль продолжал упорно работать. Впрочем, не забывал и об учебе: успешно сдал экзамены и получил диплом лиценциата права.

Домой он, однако, возвращаться не спешил и писал отцу: «Я предпочитаю стать хорошим литератором вместо того, чтобы быть плохим адвокатом». Возмущенный этим Пьер сократил сыну денежную помощь, думая, что это заставит его образумиться. Тщетные надежды. Жюль недоедал, влез в долги, но ничто не могло отвлечь его от творческих замыслов.

Жюль Верн в молодые годы

Летом 1850 года ему как будто улыбнулась удача. На сцене основанного Дюма-старшим Исторического театра была дана премьера водевиля в стихах «Сломанные соломинки», написанного Жюлем Верном совместно с Дюма-сыном, будущим автором «Дамы с камелиями». Пьеса имела успех, но денег Жюлю почти не принесла.

Его путь к золотой жиле в творчестве был не прямым и не простым. Еще достаточно долго свои честолюбивые планы он будет связывать с театром, писать, одну за другой, исторические драмы и лирические комедии, водевили и либретто для оперетт. Но большинство из них так и не дошли до сцены, а те, что уви-

дели свет рампы, не принесли ему ни славы, ни материального благополучия. Ради денег он какое-то время служил в нотариальной конторе, а потом стал секретарем директора парижского Лирического театра.

Жюль пробовал себя и в качестве журналиста, работая в журнале «Мюзе де фамий» («Семейный музей»), который редактировал его земляк Питр Шевалье. Первые рассказы Верна были выдержаны то в духе приключенческой экзотики Фенимора Купера, то в стиле романтических фантазий Эдгара По. А их названия «Путешествие на воздушном шаре» и «Зимовка во льдах» в какой-то мере предвосхищали тематику его будущих великих романов. Все чаще Жюля посещала мысль о том, что его призвание все-таки не драматургия ...

В беседах с ним Дюма-старший как-то заметил, что история для него была тем гвоздем, на который он вешал свои картины. Почему бы для Жюля таким гвоздем не могли стать география и естественные науки? Постепенно перед молодым автором все более отчетливо вырисовывались контуры нового жанра — романа о науке и ее беспредельных возможностях. Но такая задача, помимо литературного таланта, требовала и энциклопедических знаний, а их пока не было. И Жюль начал неделями и месяцами просиживать в библиотеках, изучая труды по самым различным отраслям зна-

ний и отыскивая жемчужины сведений, которые могли бы пригодиться в будущем. В середине пятидесятых он уже чувствовал в себе достаточно сил, чтобы, наконец, постучаться в закрытую дверь, ведущую в мир невероятных приключений. Но тут произошло событие, надолго отвлекшее его от исполнения задуманного ...

капливалось все больше тетрадок с выписками и заготовками к новому роману.

В августе 1861 года у Жюль и Онорины родился сын. Мальчика назвали Мишелем, и ему суждено было остаться единственным ребенком Жюль Верна.

Онорину не очень интересовало, что именно, ежедневно, вставая

Как-то в беседе с Жюлем Дюма-старший заметил, что история для него была тем гвоздем, на который он вешал свои картины. Почему же для Жюль таким гвоздем не могли стать география и естественные науки? И постепенно перед молодым автором все более отчетливо вырисовывались контуры нового жанра — романа о науке и ее беспредельных возможностях

В мае 1856 года Верн отправился в Амьен — на свадьбу к приятелю, и вместо четырех дней провел у него две недели. Причиной этого стало знакомство с очаровательной двадцатилетней вдовой Онориной Морель, в которую Жюль безумно влюбился. Их свадьба состоялась в январе 1857 года. Чтобы обеспечить семью (у Онорины были две маленькие дочери), Жюль занял у отца крупную сумму и вступил пайщиком в одну из брокерских контор на парижской бирже.

Коммерческие сделки и биржевые операции уводили его все дальше от литературы. Пять лет он почти ничего не писал. Тем не менее, в ящиках его письменного стола на-

в пять утра, пишет ее муж в своем кабинете перед тем, как идти на биржу. Она считала, что это — очередной водевиль, который, как обычно, не примет ни один театр.

То, что случилось в 1863 году, стало неожиданностью даже для самого Верна. Он, неприметный биржевой маклер, драматург-неудачник, внезапно проснулся знаменитым. Его роман «Пять недель на воздушном шаре», вышедший накануне, имел оглушительный успех. Книжки были, что называется, нарасхват. Один из ведущих парижских издателей, Пьер-Жюль Этцель, имел все основания хвалить себя за проницательность, ведь именно он разгадал в Жюле блестящего и оригинального

автора. Согласно заключенному между ними договору, писатель должен был передавать Этцелю по две книги в год. Причем вознаграждение, которое получал молодой автор, было столь высоким, что почти не

Романы Жюль Верна вызывали восхищение не только у десятков тысяч рядовых читателей, но и у его маститых коллег по перу. Его книги обожал Александр Дюма-сын. Жорж Санд, получив от автора два романа:

Один из ведущих парижских издателей — Пьер Этцель разгадал в Жюле блестящего и оригинального автора, и в 1863 году неприметный биржевой маклер, драматург-неудачник внезапно проснулся знаменитым. Его роман «Пять недель на воздушном шаре» имел оглушительный успех. Все будущие произведения Верн с Этцелем решили объединить в одну серию, названную «Необыкновенные путешествия», и читатели с нетерпением ждали появления каждого нового романа

уступало гонорарам таких знаменитостей, как Бальзак и Жорж Санд.

Все будущие произведения решено было объединить в серию, названную автором «Необыкновенные путешествия».

Читатели с нетерпением ждали появления каждого нового тома, наслаждаясь приключениями капитана Гаттераса на пути к Северному полюсу, путешествиями к центру Земли и от Земли до Луны. В первые годы своей работы над этой серией Верн до такой степени вживался в образы своих героев и обстановку действия, что, когда, к примеру, писал о путешествии к Северному полюсу, испытывал симптомы простуды и озноб от холода, ощущая себя вместе с героями романа пленником ледяного царства.

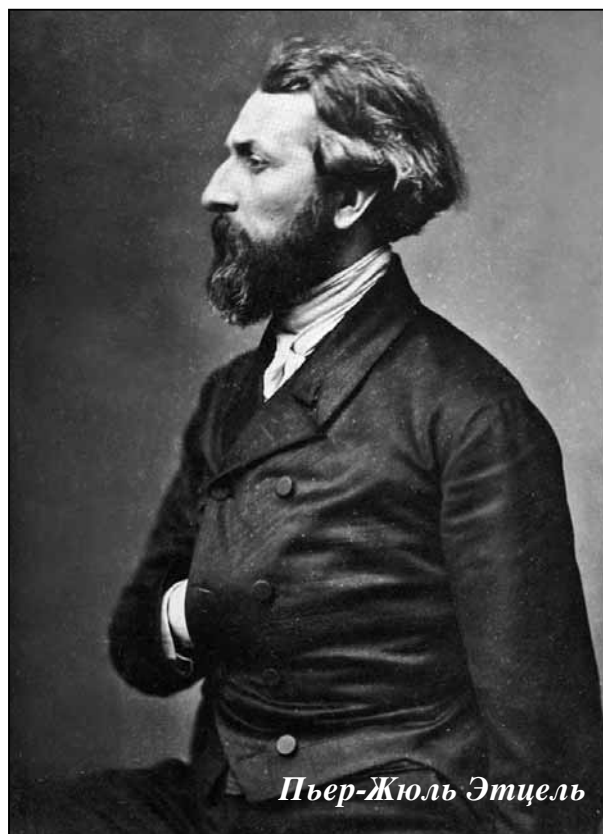
«Пять недель на воздушном шаре» и «Путешествие к центру Земли», прислала ему восторженное письмо: «Оба романа великолепны. Огорчена я только тем, что слишком быстро их проглотила... Я надеюсь, что скоро вы увлечете нас в глубины морей и заставите ваших героев путешествовать в подводной лодке, которую усовершенствуют ваши знания и воображение».

Жорж Санд навела Жюль на мысль написать роман, которому суждено было принести писателю мировую славу: — «Двадцать тысяч лье под водой». В то же время он работал над своей книгой «Дети капитана Гранта», однако, в свободные часы уже начал обдумывать устройство «Наутилуса».

В этом романе, пожалуй, ярче всего проявилась замечательная спо-

способность Жюль Верна воплощать в своих произведениях поразительные догадки о будущих достижениях науки и техники. Ведь именно ему принадлежит приоритет идеи создания подводной лодки с двойным корпусом. Таков был «Наутилус» капитана Немо. Лишь тридцать лет спустя инженер Лебеф построит субмарину по этому принципу, назвав Верна своим соавтором. Однако «Наутилус» предвосхищал и подводные корабли гораздо более позднего времени. Ведь длина его составляла 70 метров, водоизмещение — 1500 тонн. Это приблизительно габариты средних ракетносцев 60-70-х годов XX века.

Впрочем, предвидения и догадки Жюль Верна поражают нас не только в описаниях подводных приключений капитана Немо. Немалое количество их рассеяно на многих страницах других его книг. Иногда интуиция писателя граничит с мистикой. Так, его алюминиевый вагон-снаряд в романах «От Земли до Луны» и «Вокруг Луны» по своим размерам и весу почти точно совпадает с американским космическим кораблем «Аполлон-8», который в 1968 году сделал несколько витков вокруг Луны. Кроме того, «Аполлон» тоже был запущен из Флориды и приводнился в Тихом океане всего в четырех километрах от места, определенного Жюлем Верном. Не говоря уже о том, что экипаж «Аполлона» состоял из трех человек (столько же было посланцев «Пушечного клуба»), и что полет совершился, как и в книге, в декабре.

Пьер-Жюль Этцель

Научная осведомленность писателя, его эрудиция поражали современников. Некоторые были убеждены, что Жюль Верн — это коллективный псевдоним группы литераторов, географов и путешественников. Ведь не может один человек обладать такой продуктивностью, разносторонними знаниями и, вдобавок, придумывать столько оригинальных сюжетов!

Это была не единственная легенда, распространившаяся в то время о Жюле Верне. Весьма популярной стала версия о еврейском происхождении писателя. Многие газеты утверждали, что он — польский еврей, уроженец города Полоцка близ Варшавы, и настоящая его фамилия Ольшевич (от русского слова «ольха», что соответствует старо-фран-

цузскому «верн»). Он якобы отрекся от иудаизма, чтобы жениться на польской аристократке, а затем, после того как брак расстроился, поступил на службу в Министерство внутренних дел Франции и получил гражданство этой страны.

Но больше всего слухов и домыслов распространялось о том, писал ли Жюль Верн только об увиденном своими глазами, объехав весь мир, или же создавал свои удивительные книги, пользуясь лишь атласами и свидетельствами очевидцев, не выходя за порог рабочего кабинета. Как часто бывает, истина находилась где-то посередине. Да, он путешествовал, но не так много, как хотел бы. Верн посетил Англию и Шотландию, объездил всю Скандинавию, побывал в Соединенных Штатах и Канаде. Это были туристические поездки. Но как можно воспевать море и понимать его поэзию, не общаясь с ним постоянно? Наряду с людьми,

героями его романов становились корабли: яхта «Дункан» лорда Гленарвана в «Детях капитана Гранта», «Форвард» капитана Гаттераса, «Наутилус» Немо.

В 1866 году сбылась давняя мечта Жюль Верна — он стал владельцем собственного судна. Писатель приобрел старый рыбацкий баркас и переоборудовал его в парусник, которому дал имя «Сен-Мишель», в честь покровителя французских моряков. С тех пор большую часть своего времени — с весны до осени — он проводил в «плавучем кабинете» — на борту «Сен-Мишеля». Здесь все было приспособлено для работы, и каждый предмет, вплоть до чернильницы-«невылевайки», предохранялся от качки особыми креплениями. Чтобы иметь возможность постоянно выходить в море, Жюль нанял двух бретонских матросов, ветеранов военного флота. В морской робе, с загорелым, обветренным лицом «капитан» Верн стоял на крохотном мостике и уверенно командовал своим «экипажем». Однако стоило разыгаться шторму, как команду брал на себя один из ветеранов, а писатель покорно подчинялся...

«Сен-Мишель» обычно ходил вдоль берегов Франции, заходя иногда в бельгийские, голландские и британские воды. Честно прослужив хозяину десять лет, он уступил место своему более совершенному собрату — «Сен-Мишелю-2», который, впрочем, пробыл у писателя весьма недолго, так как ему предоставилась

возможность приобрести за 55 тысяч франков (в то время целое состояние) великолепную яхту, построенную для одного французского аристократа.

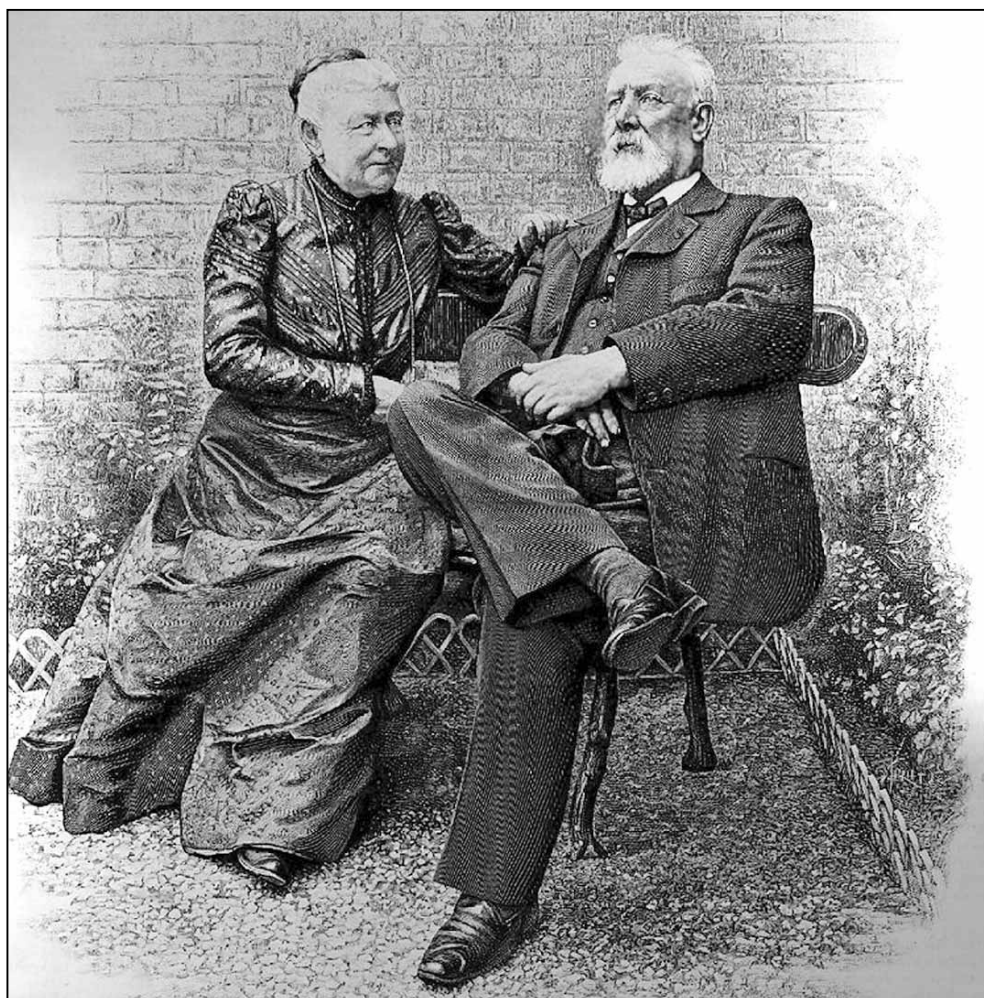
На этом судне, названном «Сен-Мишель-3», Жюль Верн дважды обогнул Средиземное море, побывал в Италии, Англии, Ирландии. Заходил даже в африканские воды. Кроме того, ему давно хотелось посетить Санкт-Петербург. Однако этому путешествию, предпринятому в июне 1880 года, помешали два мощных циклона. «Сен-Мишелю-3» не удалось даже выйти в центральную часть Балтики. Свидание с

Санкт-Петербургом так и не состоялось.

Трудно переоценить значение морских путешествий в жизни Жюль Верна. Он пользовался любым случаем, чтобы как можно чаще выходить в море. К сожалению, это объяснялось не только его страстью к водной стихии. После женитьбы на Онорине Жюль довольно скоро понял, что совершил ошибку. Его образ жизни не совпадал с привычками жены. Онорина вообще не понимала, что такое умственный труд, литературную работу считала блажью; и только когда убедилась, что и такие занятия могут приносить боль-

Слева:

*Мишель,
сын Жюль
Верна*

*С женой
Онориной*

шие деньги, смирилась. Мир парижских магазинов казался ей не менее грандиозным, чем Вселенная — Жюлю Верну, книги же мужа оставляли ее глубоко равнодушной. Кроме того, дочери Онорины от первого брака упорно не признавали отчима, осложняя его и без того нелегкую семейную жизнь. Однако разорвать эти узы, по условиям того времени, было практически невозможно. Вполне естественно, что писатель стремился как можно меньше времени проводить дома, предпочитая палубу и каюту своих верных «Сен-Мишелей».

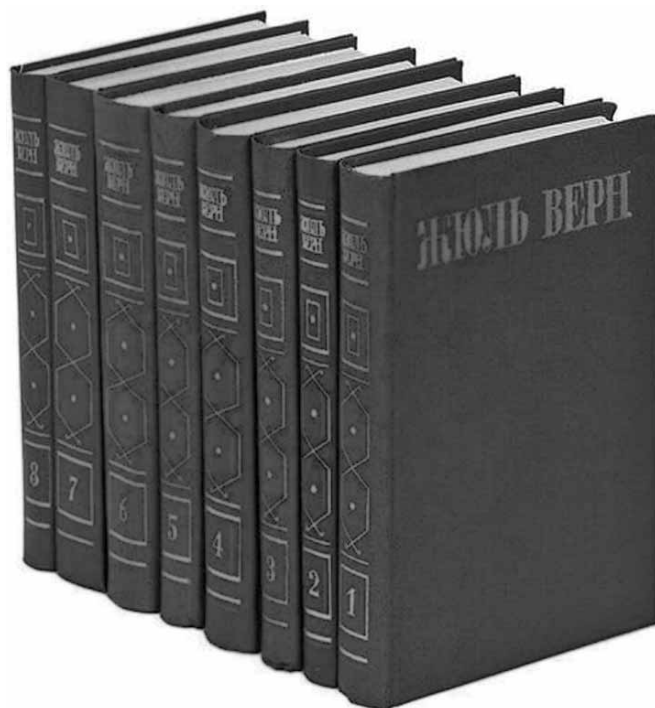
В 1871 году он с семьей переехал из Парижа в Амьен, надеясь удержать Онорину от парижских соблазнов и безудержных трат. Впрочем, его се-

мейная жизнь от этого счастливее не стала. Он довольно часто ездил работать в Париж, и Онорина знала, что у него там есть женщина.

Имя этой женщины — Дюшень. О ней известно крайне мало. Она жила в парижском пригороде Аньер и, судя по всему, была ровесницей писателя или даже немного его старше. Жюля Верна связывала с ней редкая духовная близость. Дюшень была достойной собеседницей, отличалась начитанностью, широтой кругозора и, главное, разделяла литературные и научные интересы писателя. Любопытно, что Онорина никогда не устраивала мужу сцен по поводу его отлучек в Париж. Вероятно, она понимала, что эти отношения выходят за рамки банального адюльтера, и пытаться разрушить их было бы неблагоразумно и небезопасно.

Дюшень скончалась в Париже в середине 1880-х, и ее смерть была для писателя тяжелейшим ударом.

Роман «Пятнадцатилетний капитан» Жюль Верн написал в первую очередь для своего сына. Ему хотелось, чтобы Мишель своим отношением к жизни, упорством в достижении цели был похож на главного героя книги — Дика Сенда. Увы, отца ждало разочарование. Человек очень неглупый и способный, Мишель Верн был крайне неуравновешенным и превратился в типичного представителя «золотой молодежи». Он вел беспутную жизнь, попадал в неприятные истории, делал бесконечные долги. Скандальные похож-

Н аучная осведомленность писателя, его эрудиция поражали современников. Некоторые были убеждены, что Жюль Верн — это коллективный псевдоним группы литераторов, географов и путешественников. Ведь не может один человек обладать такими разносторонними знаниями и, вдобавок, придумывать столько оригинальных сюжетов!

дения Мишеля не только стоили отцу больших денег, но и омрачали его жизнь. И даже позже, когда Мишель несколько остепенился, его коммерческие аферы, как правило, кончавшиеся банкротством, выбивали Верна из колеи.

В середине 80-х годов жизнь обрушила на писателя один удар за другим: постоянные переживания из-за сына, смерть Дюшень, уход из жизни старого друга, редактора Пьера Этцеля. В 1886 году его постигло новое несчастье. Племянник

Гастон, молодой человек, которому предсказывали блестящую карьеру дипломата, в припадке умопомешательства дважды выстрелил в Жюль Верна из револьвера, серьезно ранив его в ногу. Согласно одной версии, он совершил это, охваченный манией преследования. По другой — он якобы желал привлечь внимание к своему гениальному дяде, которого мир не оценил по достоинству. Как бы то ни было, Гастон оказался в психиатрической больнице, а стареющий писатель

превратился в инвалида, так как пулю из сустава извлечь так и не удалось.

На морских путешествиях пришлось поставить крест, и Жюль Верн расстался с дорогим его сердцу «Мишелем-3». Впрочем, ему, скорее всего, и так пришлось бы продать любимую яхту. Он, как никогда, нуждался в деньгах. Отчаянием дышит его письмо к брату: «Дела мои складываются так плачевно, что меня страшит будущее. Мишель ничего не делает и не может найти себе применения. Я потерял из-за него 200 тысяч франков. Что и говорить, конец мой печален».

И все-таки он любил своего непутового сына. Мишель остался, по существу, единственным человеком, с которым Жюль мог быть искренним. Тоска, одиночество и нужда в деньгах толкали старого писателя к еще более интенсивной работе, превратившейся под конец жизни в маниакальную страсть. Почти ослепший, глухой, страдающий от подагры и диабета, от мучительных резей в желудке, он практически не ел, не спал и продолжал исступленно работать. Чаще всего Верн диктовал тексты своим внукам, иногда писал сам при помощи особого транспаранта, позволяющего ощущать расположение строк.

В начале 1905 года вышла, как всегда, точно в срок, очередная книга «Необыкновенных путешествий». Это был роман «Властелин мира». Но силы писателя были окончатель-

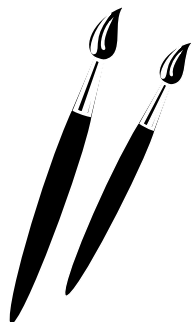
но истощены, и вскоре после выхода книги он скончался.

Жюль Верна похоронили около его дома в Амьене. В его архиве оставалось огромное количество рукописей. В итоге, до конца 1910 года через каждые шесть месяцев, как это делалось на протяжении сорока двух лет, продолжали выходить новые тома «Необыкновенных путешествий»...

В России писатель-фантаст пользовался большой популярностью, о его произведениях с огромной похвалой отзывались многие известные русские писатели. Уже его первый роман «Воздушное путешествие через Африку» был тут же переведен на русский язык и опубликован в журнале «Современник», издаваемом Н.А. Некрасовым, вместе с рецензией Салтыкова-Щедрина. Очень высокого мнения о писателе были И.С. Тургенев и Л.Н. Толстой. Лев Николаевич так отзывался о Жюле Верне: «Романы Жюль Верна превосходны, я ими восхищаюсь. В построении интригующей, захватывающей фабулы он удивительный мастер. А послушали бы, как им восхищается Тургенев! Я прямо не помню, чтобы он кем-нибудь еще так восхищался...»

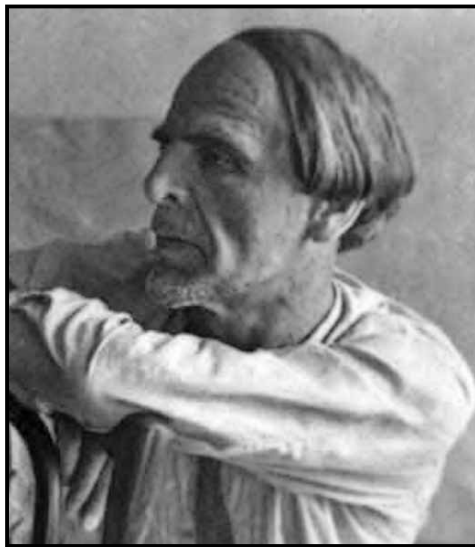
Этот удивительный и гениальный писатель-фантаст, предрекший многое, что стало для нас обыденностью, и сегодня остается одним из любимых писателей не только старшего поколения, но и молодежи. □

Ирина Опимах

АПОСТОЛ ПРЕКРАСНОГО – *Михаил Соколов*

Совсем недавно в московском Музее изобразительных искусств имени Пушкина проходила выставка «Образы Испании. Русское искусство XIX–XXI веков». На выставке можно было увидеть живопись и графику самых разных художников, однажды вдохновленных Испанией и ее культурой — Венецианова, Поленова, Кончаловского, Гончаровой, Яковлева, Волошина, Головина, многих других. Были там показаны и работы Михаила Соколова, созданные в сталинском лагере. Культура чужой, далекой страны, да и само искусство спасали зека Соколова от отчаяния, от потери себя, от смерти духовной и физической...

*Михаил Ксенофонтович
Соколов*

Михаил Ксенофонтович Соколов родился в Ярославле 19 сентября 1885 года. Его отец, вполне процветавший бондарь, мечтал, что сын продолжит его дело, но у мальчика оказался талант к живописи — он рисовал все, что ему попадалось на глаза. И отец отдал его в Городские классы рисования — так называлась школа, где будущих ремесленников учили азам рисования, чтобы они потом смогли больше преуспеть в своем ремесле. В этой школе учил ребят Петр Александрович Рома-

новский (1867–1914). Выпускник московского Строгановского художественно-промышленного училища, он, приехав в Ярославль, преподавал рисование и черчение в ярославских учебных заведениях. В 1896 году Романовский основал Городские классы рисования, где могли учиться ребята из самых разных слоев населения. Это был человек, преданный искусству и умевший замечать дар у своих подопечных. Заметив талантливого ребенка, он пытался найти мецената среди ярос-

лавских богачей, дабы тот пожертвовал средства на дальнейшее обучение способного мальчика, и ему это удалось. Благодаря поддержке Романовского, юный Миша отправился в Москву учиться искусству, в ту самую Строгановку, которую окончил его учитель.

Старший Соколов совсем не приветствовал такой поворот дел — мечтать о том, чтобы стать настоящим художником — большей глупости не придумаешь! Видно, нрав у Соколова-старшего был крутой, и решение его стало очень суровым: Михаил оказался абсолютно без всякой материальной поддержки со стороны отца. Но у юноши тоже характер был твердый, и он решил, что проживет сам, без отцовских денег!

В Строгановке Миша, несмотря на то, что порой голодал и носил нищенскую одежду, оказался среди

самых талантливых студентов, и его работы уже показывали на выставках в Москве и Ярославле!

В училище преподавали прекрасные художники — Маковский, Ягужинский, другие известные живописцы, но Соколов уже все решил для себя — больше они ничего не смогут ему дать, он и так уже все умеет. Самоуверенности этому молодому человеку было не занимать. В общем, он решил уйти из училища и... попал в армию, вернее на флот (это был его выбор, поскольку юноша всегда мечтал о далеких странах, мечтал увидеть большой мир за пределами России). Вот, наконец, он и посмотрит, как живут люди за границей! Да только обстоятельства сложились так, что попасть дальше Финляндии ему не удалось.

В 1909 году он, моряк Балтийского флота, демобилизовался и продолжил самостоятельное обучение живописи. Теперь его учителями были великие мастера прошлого. Соколов изучал коллекции Эрмитажа, Щукинского собрания, Третьяковки... Вот где его настоящие университеты. Он жадно впитывал в себя старое искусство, перенимал приемы российских и западноевропейских живописцев.

В 1914 году его снова призвали во флот, но, теперь ему уже не хотелось покидать Петербург. К счастью, удалось устроиться при Генштабе и продолжать заниматься искусством. В это время Соколов познакомился с Николаем Николаевичем Пуниным,

известным искусствоведом, сотрудником артистического журнала «Аполлон» и Русского музея. Пунин написал о молодом художнике статью, и это было уже почти признание. А потом о нем написал и критик Николай Михайлович Тарабукин, его приятель по Ярославлю. Они познакомились еще в 1909 году, когда Тарабукин только окончил гимназию и размышлял, что делать дальше. Под влиянием Соколова он поступил в Московский университет — изучать историю искусств.

В 1918 году Ярославское художественное общество устраивало большую выставку местных художников, и Соколову выделили целый зал! Пригласили и Тарабукина — объяснить картины друга. Тот сделал все возможное, но провинциальная ярославская публика была еще не готова воспринимать и понимать кубист-

ские, футуристические картины Соколова.

А 6 июля в Ярославле началось антибольшевистское восстание, организованное членами организации Бориса Савинкова. 21 июля оно было подавлено — жестоко, безжалостно. Погибли сотни человек. Во время уличных боев были разрушены здания, торговые ряды, церкви, ценные памятники истории и культуры, и власти прислали в город реставраторов и художников, целью которых было хотя бы частичное восстановление того, что погибло или было разрушено. Приехал в свой родной город и Соколов. Вместе друзьями он основывал пять художественных свободных мастерских. Но в Ярославле ему почему-то было неуютно, и в 1920 году он уехал вместе с Тарабукиным в Тверь — преподавать в местном училище. Но, увы, задержаться там

не получилось: через два года Михаила уволили «за конструктивизм».

А еще через год Соколов уничтожил все свои работы, созданные в стиле левого направления. Сохранилось только то, что было им подарено друзьям или приобретено музеями. (Многие его картины остались у его друга Сергея Николаевича Юренева, археолога и искусствоведа. Позже, в 1930-е годы, Юренева арестовали. Потом он жил в Бухаре, но все эти годы хранил картины Соколова, понимая их ценность, и в своем завещании просил передать их Третьяковке.)

Уволенный из училища Соколов снова жил в полной нищете. Редкие заказы не спасали. Рассказывали, что художник так голодал, что вынужден был собирать ракушки и пи-

таться моллюсками. Но рядом с ним всегда оказывались добрые друзья. Вот и в тот раз они нашли ему место в Яхроме и спасли от голодной смерти.

А потом верный Тарабукин помог Соколову вернуться в Москву — все понимали, что в глухой провинциальной Яхроме он погибнет как художник. Соколова устроили в Пролеткульт, руководить студией ИЗО. Но денег по-прежнему не хватало, и он покрывал старые, стертые ботинки лаком, чтобы уж не выглядели так страшно. А когда не было носков, он просто расписывал ноги красками. Вполне творческое решение!

Работы становилось все больше — теперь он преподавал в Московском училище имени 1905 года, в Ярославском художественно-педагогическом техникуме. И много писал, постепенно становясь заметной фигурой в художественном мире страны. В 1925 и 1929 годах в Государственной академии художественных наук уже проходили специальные научные заседания, посвященные его творчеству. Обсуждались его графические циклы «Святой Себастьян», «Прекрасные дамы», «Страсти Господни».

Соколову, видно, не очень нравилось время настоящее, а потому на его картинах — не рабочие и крестьяне, которых воспевали мастера соцреализма, а герои ушедших эпох. Его темы — надвременные, и его герои — на все времена: Христос,

персонажи Великой французской революции, прекрасные дамы, странствующие комедианты. На его пейзажах — Москва, Ярославль, но как они напоминают Париж, итальянские города...

В 1927 году Михаил женился на Марине Баскаковой. Она была на 18 лет младше его. Дочь расстрелянного врага народа и материлишенки жила в Полтаве, потом переехала в Москву и, встретив Соколова, полюбила его. К этому времени она была замужем за весьма небедным человеком, но выбрала нищего художника и поселилась вместе с ним в его десятиметровой каморке в коммунальной квартире на Арбате, где были только топчан (вместо кровати), стол и кресло. А потом появились книги — они оба

любили литературу. Им приходилось непросто — очень часто на завтрак были только баранки да теплая вода вместо чая. Но это не мешало Марине стать Прекрасной дамой для Михаила — он покупал ей затейливые шляпки, платья, а потом писал ее портреты, где она была загадочна и обворожительна. И водил в музеи — показывал любимых Ренуара, Ван Гога...

В 1931 году Марина, поучившись на курсах машинисток, устроилась на работу в один из академических институтов. Заработок в семье прибавился, и стало немного легче.

Они прожили вместе 8 лет. И все это время Михаил много работал — акварель и пастель. И новые герои — цикл «Воспоминания о старой Испании», «Музыканты» (Паганини, Мо-

царт, Сальери, Вагнер). Он очень любил музыку, но денег, чтобы купить билет на концерт, не было, и приходилось только слушать радио.

А еще Соколов много занимался иллюстрациями к книгам — Гофмана, Диккенса. В издательстве «Академия» вышла книга Вольтера «Орлеанская девственница» с его иллюстрациями.

Казалось бы, жизнь потихоньку налаживалась, он стал одним из признанных в стране художников! В 1934 году его приняли в члены Московского отделения Союза художников РСФСР (МОСХа). У него яркая внешность, он очень харизматичен, и Эйзенштейн даже пригласил его сниматься в кино.

В первой половине 1930-х годов Соколов познакомился с дочерью философа Розанова Надеждой Розановой-Васильевой. Это знаменательное событие произошло благодаря все тому же Тарабукину. Розанова была замужем, но ко времени их встречи уже развелась. Она, будучи тоже художницей, работала на Союзмультифильме. Попав под очарование мощной личности Соколова, Надежда стала его ученицей и на долгие годы преданным другом.

В 1936 году состоялась большая выставка МОСХа, и работы Соколова были показаны широкой публике. Многим его творчество понравилось, но были и такие «знатоки», которые нашли в его картинах «буржуазность и несоответствие боль-

шевиристскому духу». Однако Соколова все-таки включили в список претендентов на мастерскую в знаменитом доме на Верхней Масловке (там работали многие советские художники). Но жаждущих получить мастерскую от государства было много; кроме того, Соколова многие не любили — уж такой характер был у этого сильного человека, хорошо знавшего себе цену. Николай Тарабукин писал: «Он был предельно самоуверен. Он посещал все выставки с одной целью — сделать вывод, что никто не равняется ему. В своих суждениях о художниках был крайне невыдержан. Москва живет сплетнями, и, конечно, «mots» (словечки) Соколова доходили до авторов. Это создавало ему много врагов».

В общем, Соколова вычеркнули из списков, но потом его друзья написали письмо Сталину, и художника снова вставили в очередь. А через две недели после получения долгожданной мастерской, осенью 1938 года, Михаила арестовали по доносу одного из его учеников. В результате — 58 статья и 7 лет лишения свободы.

На следующий год Соколов, пережив несколько этапов, оказался в Сибири, в лагере на станции «Тайга». К счастью, ему разрешили переписку, и он писал письма Розановой, своим друзьям, отправлял им свои рисунки, рассказывал о своем страшном бытии словами и образами. Здоровьем Михаил ни-

когда не отличался, и тяжелый лагерный труд отнюдь не пошел ему на пользу. Он писал Розановой в октябре 1939 года: «Мой дорогой, дорогой друг! Так много времени прошло от моего последнего письма — больше года, и так много изменилось в судьбе моей, увы, в худшую сторону... Сейчас я нахожусь в бараке — болен», а в январе 1940 года: «Здесь каждая вещь обременительна, так как при передвижении (а сколько я их имел — невероятно) весь груз падает на тебя. Сколько раз я под этим грузом падал, падал прямо в грязь, а грязь здесь, о которой вы не можете иметь никакого представления. Если бы вы меня увидели — ужаснулись бы, насколько я не похож на себя и имею убийственный вид».

Попав в феврале 1940 года в больничные барак, Соколов все-таки находил в себе силы работать. Он использовал папиросную бумагу, самые простые карандаши (когда ему в руки попадал цветной — это был праздник!): «За время пребывания в больнице я сделал десятка четыре-пять рисунков на курительной бумаге (которая продается маленькой пачкой в 30 лист.). Дело в том, что позволил себе роскошь порисовать. В бараке, когда выйду из больницы, трудно будет написать и письмо. Теперь наступила забота, как их сохранить, так как при первой же оказии они могут погибнуть. А мне не хотелось бы этого, так как среди них есть

довольно интересные по выполнению...»

Соколову дали первую группу инвалидности и перевели в барак для инвалидов. Его письма с описаниями реальности, в которой он оказался, страшно читать: «В нашем бараке в настоящее время сто десять человек. Нары по обе стороны в два этажа (я — на верхнем). Здесь много теплее, но от табаку, а тут курят махорку, более душно, так как все запахи и дым, все идет кверху. Все это набито до отказа, и все инвалиды — хроники, многие предельного возраста, свыше 70 лет...» Но и здесь этот удивительный человек продолжал творить, пытался сохранить себя, свою личность. Он писал своему другу В.С. Городецкому: «За последние дни принялся опять за рисунки и сделал, применяя к карандашу мел (который достал здесь с большим трудом). Рисую у себя на нарах в очень, очень неудобном положении. Света мало, и можно пользоваться лишь серединой дня, когда больше всего барак освещен. Но все это преодолевалось в надежде, что сделанное перешло вам, Владимиру Сергеевичу».

Он создавал миниатюры размером со спичечный коробок и советовал разглядывать их через стекло — так лучше видно. Друзья слали ему в лагерь продукты, какую-то одежду, а он отправлял им свои миниатюры и очень волновался, чтобы они дошли до адресатов в сохранности — ведь это его жизнь. «В этих

маленьких рисунках я нахожу последнюю отраду и делюсь ею с вами. ... жаль, что сейчас я имею только свинцовый карандаш, коричневый у меня стащили еще в больнице».

Да, стащили коричневый карандаш, но изобретательный Соколов находил другие способы создавать свои маленькие шедевры. В его руках спичка становилась пером, для создания нужного фона он процарапывал бумагу острым предметом или размачивал ее, растирал грифели цветных карандашей и смешивал их с мелом, а если не было мела, в дело шел зубной порошок, и получалось нечто вроде пастели. Он так и называл эти смеси — «пастелями в кавычках»: «Ставлю кавычки, т.к. эти «пастели» делаются при помощи акварели, одного, двух карандашей (это цвет) и простого мела, которым создаю видимость пастелей». На его картинках возникали образы, рожденные великими художниками прошлого, исторические персонажи, снова прекрасные дамы, всадники на фоне романтических пейзажей, картинки далекой жизни, а также образы Испании... И, конечно же, пейзажи тайги, лагерные пейзажи. О тайге он писал и в письмах, причем очень поэтично. «Сибирь и каторга стали синонимами. Но здесь свои красоты — это небо совсем южное, итальянское, как у Веронца (Соколов имеет в виду Веронезе), то изумительно зелено-голубоватого цвета. Вечера же, как у Терне-

ра, — торжественны и великолепны. Золото и серебро во всем своем блеске — края же сиреневые и голубые, а местами как будто слегка прошла по ним гениального художника рука бархатным углем...» (31.05.1941)

А еще он рисовал себя — это глубоко психологичные автопортреты, на которых мы видим человека яркого, сильного, не сломленного. А вот так он описывает себя в письмах: «К своему виду я немного привык, но все же голая, стриженная голова меня раздражает, и я ношу, не снимая, черную шапочку, а иногда белую повязку, которая дает очень «интересный» вид, право!»

Понятное дело, все его письма проходили цензуру, но он все равно старался высказать свое мнение по тому или иному поводу.

А потом началась война, и переписка Соколова с внешним миром закончилась. Он все больше слабел, резко ухудшилось зрение, и, в конце концов, лагерная администрация, осознав полную непригодность художника к труду, к примеру, на лесоповале, отпустила его на свободу. Списала с лагерного баланса, обрекая, таким образом, на голодную смерть.

Но он все-таки выжил! Каким-то образом добрался до Свердловска, где жил после эвакуации его ученик Сергей Эйгес вместе со своей семьей. Дочь Эйгеса вспоминала: «Он пришел к нам в арестантской одежде, обросший. Вид у него был ужас-

ный, буквально дистрофический. Соколов упал на пороге. Его внесли в комнату. Впервые я увидела отца плачущим — он от жалости просто не мог смотреть на Михаила Ксенофонтовича».

Немного подлечившись и чуть-чуть окрепнув, Соколов уехал в родной Ярославль. Там он сразу же попал в больницу. Ему было очень плохо. Но, к счастью, возобновилась его переписка с Розановой. «Сколько мне хотелось бы сказать вам, поделиться последними мыслями перед смертью, но и это не суждено... Мне ведь от бессилья трудно поправить рукой одеяло. Можете судить, какова моя слабость. Похудение настолько сильно, что самому страшно и противно смотреть, вместо ног две палки, которые подпирают меня, и

на них натянута кожа. Никогда не думал, что могу превратиться в такую жуткую фигуру, но, к большому удивлению, лицо не похудело, только совершенно белое. Такова картина моего состояния», — писал он в апреле 1943 года. Лежа на больничной койке, он предельно откровенен: «Пять лет, несмотря на трудности «там», я держался и могу с гордостью сказать, что те условия, в которых я находился, как действуют на других, на мне не оставили следа. Я сохранил себя вполне, каким вы знали меня, и эти годы только утончили мои чувства ко всему. Я, если не работал практически, то мысленно проделал колоссальную работу — и вот меня гнетет мысль, что практически я лишен возможности ее осуществить. Ах! Если бы вы

знали, как хочется работать! 24 часа в сутки было бы мало, а вот я лежу как труп, без надежды подняться и взяться за кисть».

После выхода из больницы Соколов снова оказался бездомным. Его семья (мать, сестры и брат) побоялись приютить бывшего зека, врага народа, — кто знает, чем это могло им грозить в то суровое, военное время. И вновь Соколов победил судьбу. К счастью, несмотря на его трудный характер, не знающий компромиссов ни в чем, у него всегда были настоящие друзья, и они нашли ему работу в Рыбинске — место преподавателя в изокружке при местном Доме пионеров. Конечно, его и его искусство тут никто не понимал,

но Соколов мог делать то, что ему хотелось: он снова создавал пейзажи, картины для своих старых циклов и новых. В них его мятущаяся душа, его сомнения, его представления о жизни и смерти, о красоте и добре. Рисовал он и миниатюры — на исторические, романтические сюжеты, а потом отправлял в подарок своим друзьям и знакомым. «Маленькая-большая живопись» — так называли их художник Николай Леман. Михаилу удалось восстановить связи со своими старыми друзьями, и главным для него другом снова стал Тарабукин, который высоко оценивал новые работы художника, и эти оценки большого критика, выдающегося искусствоведа, были очень ценны для

Соколова. Они помогали ему жить и творить. А еще ему помогала Надежда Розанова, верная, умная, тонкая, любившая его и его искусство.

В 1947 году они стали мужем и женой. Но, увы, счастье их было недолгим. Михаил Соколов умер 29 сентября того же года от рака желудка. Его похоронили на Пятницком кладбище. Незадолго до смерти он писал: «...Я хочу вечности! Смешно, не правда ли? Уж такой я жадный сейчас до жизни, до всего живого... Как мне хочется поделиться с вами этой жаждой жизни, чтобы вы поняли все очарование жизни, ее непререкаемое — что никакие катаклизмы не могут изменить ее течения, они — рябь на воде, небольшое пространство на луже от прошедшего дождя, а жизнь — полнокровный океан, безмерный, вечный, таящий в себе чудеса (чудо, которое не снилось и мудрецам и небу, правдой бедный Гамлет)».

26 июня 1955 года он был полностью реабилитирован. Но эта реабилитация уже ничего не могла изменить в его судьбе.

В «Материалах для биографии Михаила Соколова» Н.М. Тарабукин пишет: «Соколов был романтик в жизни и искусстве. Искусство было его кумиром, а он его жрецом. Искусству он служил как средневековый паладин даме своего сердца... Он был апостолом прекрасного. Оно было его эстетическим кредо».

Творчество Михаила Соколова, его картины, сохраненные благода-

ря множеству его друзей и почитателей, которым он щедро дарил свои работы, и прежде всего Надежде Розановой, сегодня вернулись к нам. Большую роль в изучении его наследия играет ярославский искусствовед Нина Голенкевич. Выходят научные труды-воспоминания, посвященные художнику. Произведения Соколова хранятся в лучших музеях страны, большое его собрание — в Ярославском художественном музее. Его работы можно увидеть на самых разных выставках. Вот и на недавней, проходившей в Третьяковке, живут его образы Испании, созданные в страшном Сиблаге в селении Тайга. □

Легенда советского кино

Актриса Любовь Орлова гордо носила титул советской иконы стиля, любимицы Сталина и супруги гениального кинорежиссера. Она была кукольно изящна: рост — 158 см и талия — 43 см. По Орловой вздыхали миллионы мужчин. До 72 лет актриса играла юных девушек, но ее непростую судьбу выдавал тяжелый взгляд. Какой была на самом деле Любовь Орлова, и что скрывало ее сердце от вспышек фотокамер?

Первая тайна связана с ее рождением и происхождением. В паспорте актрисы была указана дата ее появления на свет: 29 января (11 февраля по новому стилю) 1902 года. Однако некоторые ее знакомые утверждали, что на самом деле она родилась раньше. Фаина Раневская, например, говорила: «Никто не скажет, сколько ей лет. Она вообще гениальна: когда выдавали паспорта в начале тех же

тридцатых, никаких документов не требовали — можно было назвать любую дату рождения и любое имя тоже... Так Любочка не растерялась и сразу скостила себе десяток лет! Это я, идиотка, все колебалась: стоит ли? Потом подсчитала, что два года я все же провела на курортах, а курорты, как говорят, не в счет, так и появилась в моем паспорте новая дата рождения: вместо 1895-го 1897-й. И только! До сих пор не мо-

гу себе простить такого легкомыслия!»

Знаменитая блондинка при жизни любила сочинять легенды о своей личной истории. А после ее смерти дело продолжили поклонники Орловой — сценаристы, режиссеры и биографы.

Одна из сотворенных ею легенд — происхождение. Судьба якобы обласкала будущую актрису при рождении. Отец — наследник Рюриковичей, мать — дальняя родственница самого Льва Николаевича Толстого...

Подняться с социального дна 20-летней Любаше помог настоящий мужчина. Она ожидала принца на белом коне и с тяжелым кошельком, но спасителем оказался обычный агроном Андрей Берзин. Правда, довольно успешный и состоятельный, еще и с отдельной жилплощадью. Он вызволил красавицу из бедности, но... не сумел отдать молодой жене всего себя.

Берзин сутками пропадал на работе, а Орлова спасалась от одиночества в гедонизме и расточительстве. Чтобы оставаться в хорошей форме, она начала брать уроки в частной танцевальной студии. Ежедневно измеряла талию. Если показатели отклонялись от эталонных 43 см, тут же садилась на диету. Подобная строгость дала свои плоды: до конца жизни актриса не прибавила ни одного лишнего грамма.

Вскоре мужа арестовали и посадили в тюрьму — увы, такое было время. После пережитых ужасов Любу одолела светобоязнь. С тех пор она не могла уснуть, если в помещение проникал даже слабый луч света.

Желание показать свою красоту и талант привели Орлову в балет и хор, были даже эпизодические роли в кино. Но вот ей уже 30 лет, а известность все не приходила. Она, конечно, умело скрывала возраст при помощи элегантной одежды и макияжа, но время все равно утекало...

Однажды кто-то из знакомых рассказал ей о режиссере Григории Александрове. Он три года проработал в Голливуде и на тот момент искал главную героиню для своего мюзикла.

Это был шанс, и Любаша устроила для Александрова незабываемую встречу. Попросила подругу, лично знавшую режиссера, позвать его на чай. И явилась сама, грациозная и манящая. После того вечера Орлова получила главную роль в фильме, а вместе с ней и сердце киногения. Тот настолько потерял голову от белокурой бестии, что на съемках в Гаграх флиртовал с ней на глазах у жены и ребенка.

После выхода «Веселых ребят» Александров все же оставил семью и ушел к новоиспеченной советской звезде. Картина произвела фурор в Штатах, получив приз Венецианского кинофестиваля и признание

*«Волга-
Волга»*

самого Чарли Чаплина. А Орлова в одночасье проснулась знаменитой. Наконец-то случилось то, чего она так долго ждала! Актриса купалась в любви поклонников, снималась для журналов, давала десятки интервью и шикавала в роскошных платьях. Даже гастролировала за рубежом и водила дружбу с голливудской богемой.

К слову, родина не сразу приняла «Веселых ребят». Критики назвали фильм калькой голливудских мюзиклов. Действительно: в образе Анюты в цилиндре проглядывалась знаменитая певица и актриса Марлен Дитрих. Поговаривают, что Александров хотел создать советскую версию немецкой артистки из своей музы.

Так, Любовь Орлова стала одной из первых клиенток советских пластических хирургов. На экране

она была яркой и эпатажной, но в жизни — худенькой, маленькой и невзрачной. По словам племянницы актрисы, красавицей ее сделал знаменитый супруг: Александров снимал Орлову так умело, что она даже казалась выше ростом.

Но что же «Веселые ребята»? Неужели советскому зрителю не суждено было насладиться музыкальной кинокомедией? Волей судьбы картина дошла до самого «отца народов». Во время просмотра Сталин заразительно смеялся, а затем подвел итог:

«Отдохнул — словно отпуск провел!»

Картина получила «зеленый свет». А после выхода «Цирка» Сталин, то ли в шутку, то ли всерьез, бросил режиссеру: «Берегите Орлову. Обидите ее — расстреляем!»

*«Светлый
путь»*

За «Веселых ребят» Александров получил участок площадью в гектар. Его белокурая супруга наняла шведского архитектора, который спроектировал поместье под ее личные вкусы.

В большом подвальном кинозале с огромным камином устраивали частные кинопоказы, играли на рояле. Второй этаж был разделен на две половины. Одна из них, с женскими покоями, гардеробной и ванной комнатой, была «священной цитаделью» Орловой. Вторая — с кабинетом, камином и раковиной — принадлежала Александрову. Еще второй этаж украшала большая танцевальная терраса. Но здесь никогда не проводили танцевальных вечеров.

Антикварная мебель, персидские ковры и роскошный для тех времен собственный телефон — все это об-

служивало только их двоих. Редкий гость едва мог рассчитывать на лишнюю кушетку. Каждый посетитель имения знал о крутом нраве его хозяйки. Ее нередко за глаза именовали «гадюкой». Орлова могла целый час наносить несколько слоев пудры, алую помаду и накладные ресницы ради пятиминутного выхода перед гостями мужа, чтобы произнести высокомерную фразу:

— Господа, Григорию Васильевичу через минуту подадут ужин!

Вот и приходилось визитерам быстро вставать и с извинениями покидать «звездное» жилище.

Ее звали Любовью, но она не любила людей, друзей, гостей. Ею восхищались, но боялись, и Орлову это вполне устраивало. Почему же все так гладко получилось с Александровым? И гладко ли?

*«Ошибка
инженера
Кочина»*

Оба супруга были показательно артистичны. Их семейная жизнь — сцена, на которую она спускалась к чаю с безукоризненным макияжем, в шелковом французском пеньюаре. А он уже ждал ее за столом — при пиджаке и галстуке — и откладывал газету, чтобы подвинуть Любви стул. Изысканные манеры, все разговоры на «вы». Но после маленького представления каждый неизменно удалялся в свою спальню.

Безупречный облик этого брака скрывал от публики темную тайну Александрова. Орлову все устраивало в их отношениях. Несколько раз она беременела от редких супружеских интимных связей, но каждый раз избавлялась от ребенка. Всем говорила, что беременность омолаживает, но не гнушалась опасных для жизни подпольных абор-

тов. Она не хотела детей. Красивые туалеты приносили ей гораздо больше радости. Об этом иронично отзывалась Фаина Раневская:

«Гардероб Любви Петровны настолько велик, что живущая там моль так и не научилась летать!»

Орлова не собиралась делить мужа с его единственным сыном. Маленький Дуглас был сиротой при живом родителе и после смерти матери оказался в детдоме. Мальчик выучился на оператора, унаследовав отцовский талант, но знаменитая мачеха закрыла ему все дороги на «Мосфильм». Втайне от жены Александров устроил Дугласа в КГБ. Но попрощаться с сыном после его смерти от инфаркта режиссер так и не пришел.

Чтобы сыграть простых советских девчонок (ткачих, домработ-

Любовь Орлова выступает перед солдатами на фронте

ниц, почтальонш), Орлова готовилась очень тщательно: пару дней разносила почту перед съемками «Волги-Волги», а перед «Светлым путем» три месяца трудилась в институте текстильной промышленности.

Дворянка по крови, она отморозила пальцы во время революции, когда с сестрой Нонной таскала на базар тяжелые бидоны с молоком, поэтому ни в одной картине мы не увидим ее рук крупным планом. В жизни актриса прятала их под перчатками.

Она искала спасение от одиночества, стресса и «липовой» семейной идиллии в алкоголе. Когда о пьянстве звезды поползли слухи, Александров резко прекратил этот беспредел. Возможно, пригрозил отстранить ее от съемок или развестись. Любовь Петровна сумела пе-

ресилить себя и бросила пагубную привычку.

По словам Раневской, однажды Григорий Александров предложил ей сыграть бабушку Орловой, чем актриса была очень возмущена — ведь они были почти ровесницами! Зная острый язык Раневской, биографы Орловой считали, что 10 лет — это явное преувеличение, но при этом допускали, что Любовь Петровна лукавила в отношении своего возраста...

Во многих биографиях Любви Орловой утверждается, что ее род происходил от графа Григория Орлова — фаворита императрицы Екатерины II, но эта версия многим исследователям кажется надуманной и необоснованной. Достоверно из-

«Веселые ребята»

вестно только то, что дед актрисы, Федор Орлов, состоял в чине действительного статского советника и был женат на дворянке Анастасии Вашкевич. У них было три дочери и один сын — Петр Федорович, отец Любови Орловой. Он принадлежал к дворянству Полтавской губернии. Мать Орловой, Евгения Сухотина, происходила из старинного дворянского рода и состояла в родстве с Львом Толстым (ее дядя был женат на его старшей дочери). Однако точных сведений о дальних предках Орловой не существует. По одним предположениям, ее род происходил от младшего брата Григория Орлова Федора, по другим — появился позже и не имел с ними ничего общего, так как прадед актрисы был военным врачом, рожденным в семье священника. В любом случае, о своем дво-

рянском детстве Любовь Орлова предпочитала в советские времена не упоминать. В анкете в графе «происхождение» она писала: «Из служащих».

В наше время нередко появляются публикации, в которых утверждается, что своим стремительным взлетом в карьере Любовь Орлова была обязана Сталину, благоволившему актрисе, и своему мужу, режиссеру Григорию Александрову. Завистники и недоброжелатели были уверены в том, что актриса была любовницей Сталина. Однако, согласно официальной версии, Орлова виделась с ним всего один раз — во время торжественного приема по случаю награждения деятелей искусства. И эту возможность актриса использовала для того, чтобы узнать о

«Цирк»

судьбе своего первого мужа — Андрея Берзина, бывшего заместителя Наркома земледелия. С тех пор как его арестовали, она ничего о нем не слышала. Тогда Орлова узнала, что он жив и находится в ссылке.

В некоторых публикациях говорится, что режиссер и актриса на самом деле никогда не были мужем и женой, и что их брак был своего рода взаимовыгодным партнерством, где оба были заинтересованы друг в друге исключительно из карьерных соображений. Однако в таком случае их брак вряд ли бы продержался 42 года! При этом оба не уставали благодарить друг друга за годы, проведенные вместе, и постоянно писали записки с признаниями в любви.

Наверное, самый распространенный миф об Орловой — то, что она

одной из первых прибегла к помощи пластических хирургов и сделала за границей чуть ли не десяток операций. Биограф актрисы Михаил Куницын пишет:

«В фильме «Светлый путь» (1940), «Весна» (1947), «Встреча на Эльбе» (1949) мы еще видим лицо Орловой до пластических операций. В 60-е годы она обратилась к услугам эстетической медицины. Да, она действительно делала пластику. Но не так много, как про нее рассказывают, и не за счет Чаплина (это еще один миф). И вообще, не за границей, а на родине. У нее, видимо, была одна круговая подтяжка и одна пластика век. Это то, что удалось доподлинно установить. Мало того, Орлова пользовалась простыми кремами фабрики «Свобода», она их очень любила, сама их с чем-то смешивала... Для нее бы-

«Весна»

ло очень важно следить за собой. В своем спектакле «Милый лжец» Орлова со сцены произносила слова: «И мне никогда не будет больше 39 лет, ни на один день!» Такой вот была и сама Любовь Петровна».

В свою очередь муж актрисы заботился о том, чтобы в кадре она всегда выглядела эффектно. Чернобелая съемка в мягком свете была максимально выгодна для внешности, Орлову снимали под определенными углами и с подсветкой снизу — так сглаживались морщины, и теней на лице было минимум. Любительских фотоснимков звезда всегда старалась избегать, особенно в зрелом возрасте. Александров «лепил» из нее кинодиву по образу Марлен Дитрих, с которой виделся во время своих поездок за грани-

цу, и превратил брюнетку Орлову в ослепительную блондинку.

Одной из самых сильных фобий актрисы был страх старости. Когда в 1972 году ей исполнилось 70 лет, она лично обратилась к партийному руководству с просьбой не упоминать в прессе ее возраст. И эта просьба была выполнена. А спустя два года Орлова после долгой паузы снялась в фильме «Скворец и Лира», где играла 25-летнюю героиню. Однако на этот раз, несмотря на все усилия съемочной группы, ее возраст на экране скрыть не удалось, и острословы тут же переименовали этот фильм в «Склероз и климакс».

Она долго болела. Причиной были не камни в почках, как ей тогда сообщили, а последняя стадия рака

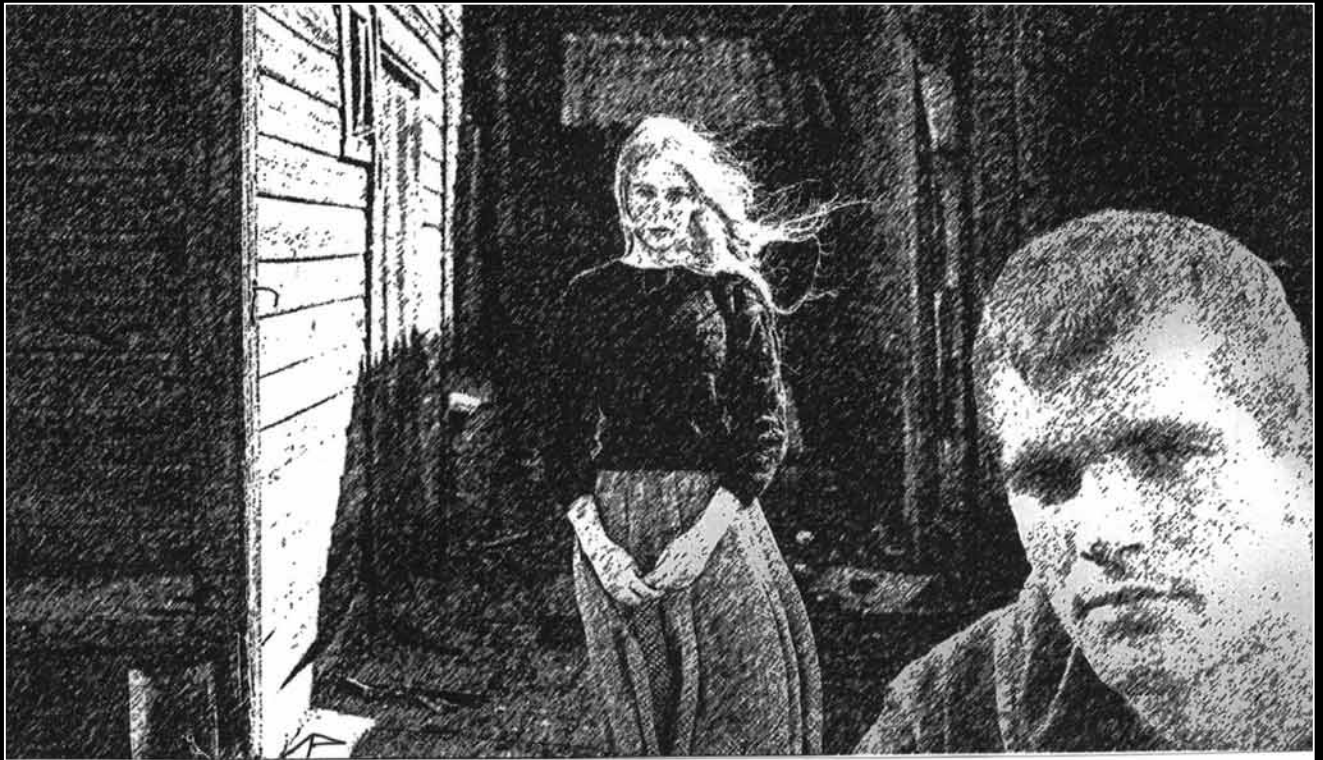
поджелудочной железы. О смертельном диагнозе Орлова так и не узнала. Когда ей стало чуть легче, даже потребовала у мужа добыть ей балетный станок. Уже в больнице умирающая актриса с тяжелыми муками каждое утро по полтора часа истязала себя тренировками. Она падала в обмороки от сильных болей, но вновь и вновь заставляла себя возвращаться к станку...

Хоронили всенародную любимицу в день ее рождения, который она так не любила. Из уважения к артистке, с ней, по ее желанию, прощались в закрытом гробу — ей хотелось запомниться поклонникам светловолосой королевой, а не маленькой сморщенной старушкой. По мнению врачей, именно ее неу-

толимая страсть к корсетам и диетам запустила страшную болезнь.

Александров ушел из жизни спустя во-семь лет после кончины Орловой. Он женился на супруге покойного сына, чтобы оставить ей свое наследство. Снял документальный фильм о своей необыкновенной жене и последовал вслед за ней в вечность. Гений и его муза мирно почивают рядом на Новодевичьем кладбище.

Сегодня о ней говорят, что лучшая сыгранная ею роль — это роль самой себя. Наверное, это действительно было так, и она всю жизнь существовала между мифом и реальностью, но ведь без этого бы и не родилась легенда... □

ДУРОЧКА ИЗ ПЕРЕУЛОЧКА

Глава 12

Валентина отнеслась к этому событию довольно сдержанно, она явно предпочла бы видеть меня рядом с собой в качестве помощницы. Пробурчав что-то типа «и так рабочих рук не хватает», она ушла в отведенную ей комнату и долго сидела там над своими записями и схемами. Я же тем временем известила редактора о том, что мое место заведующей отделом науки и культуры в нашей газете еще долго будет пустовать, поскольку меня ждут более «высокие материи». У редактора было доброе сердце, и он благословил меня на будущую славу....

Во время ужина у меня уже была полная определенность — уезжаю завтра вечером, обратно прибуду неизвестно когда...

— О, так завтра у тебя есть еще целый день! — оживилась Валентина.

— Да. На сегодняшний поезд я уже не успеваю. Но мне надо собраться, все обдумать. Билет купить, в конце концов!

— Ерунда! Серж пошлет кого-нибудь в кассу, которая их обслуживает, и билет тебе будет. Собраться сейчас успеешь. А завтра со мной — в больницу. Попробуем прорваться через запреты врачей. Мне одной идти не хочется — будет не хватать твоей мягкости, осторожности, ты меня часто сдерживаешь, сама того не зная...

— Почему же? Зная.

Окончание. Начало в №3, 2024.

— Да? А я знаю, почему у тебя это получается. Ты стараешься не видеть в людях дурного. То есть не замечать, какие они есть на самом деле. Ты видишь, прежде всего, хорошее и на этом концентрируешь все свое внимание...

— Это что, плохо?

— Ты живешь в нереальном мире...

— Я живу в своем мире. И мне хочется жить в нем дальше. А ты, Валя, смотри на это с другого боку. Видеть хорошее в человеке — это значит умножать положительные эмоции. А они передаются как по цепочке — от одного к другому. И в результате ими можно заполнить весь мир... Тебе, кстати, явно не хватает таких эмоций...

— Да где же мне их взять-то? Видишь, чем занимаюсь? У меня просто нет времени на подобные чувства. Ферштейн?

— Ферштейн-то ферштейн, но...

— Один администратор чего стоит... Со вчерашнего дня его поисками занимаются по всей стране... Не зря меня еще тогда эти подшитые брюки насторожили, о которых рассказала Нина Серженко... Пришлось обратиться и в свое собственное агентство, и подключить Сорокина, нового моего сотрудника, умного парня... Но поговорим о наших визитах в травматологическое и кардиологическое отделения. Врачи стараются подольше не пускать нас к больным, поэтому применим всю свою изобретательность... Думаю, мама с дочкой уже оклемались...

— Но вряд ли они виделись — это разные корпуса, и даже выходят они на разные улицы, — заметила я.

— Это хорошо. Охрану, кстати, попросили, чтобы они за этим проследили...

Утром мы с Валентиной отправились в больничный городок. Еще накануне вечером через Сержа я заказала себе билет, а утром получила сообщение, что он дожидается меня в кассе номер такой-то, куда я должна явиться с паспортом в любое время, хоть перед самым отходом поезда.

Мы шли по утреннему городу и старались не думать и не говорить о Хромовых — придем на место, и пусть все будет, как будет. Миновали небольшую речку, затем путь нам пересекла березовая аллея, на которой был убит Алик Токарев, и мысли наши вновь невольно закрутились вокруг страшных событий...

— Гера узнал нож, которым был убит Хромов. Этот нож он видел у Василия Евдокимовича на рыбалке. Надо спросить об этом и Дину, если все так, должна подтвердить, — размышляла Валентина.

— Конечно, должна. К тому же я думаю, что жена обычно знает, где у мужа хранится такой нож... То есть незнакомый убийца вряд ли рассчиты-

вал сначала отыскать в столе своей жертвы орудие убийства, а уж потом пустить его в ход... Чужь получилась бы...

— Ты определенно делаешь успехи! — воскликнула Валентина. — Разумеется, ножом воспользовался тот, кто отлично знал, где он лежит... Но знать это могли и в филармонии, и в комитете охраны природы, и те же картежники... Знаешь ведь, как это бывает — дядя Вась, дай-ка твой ножичек отменный — открыть там что-то или нарезать... Собутыльники-то уж точно знали...

— В этом здании у него не было собутыльников.

— Или мы про них не знаем...

Вдруг Валентина перескочила совершенно на другую тему.

— Интересно, а этот Герман... Как ты думаешь, он даст Лоре развод, если она его об этом попросит?

— Я не спрашивала. Но мне показалось, что да. И еще мне показалось, что он был как-то чересчур спокоен, словно знал, что Лора находится где-то в надежном месте...

Так, в разговорах, мы подошли к дверям травматологического отделения...

Двери оказались заперты. Мы постучали, нам тут же открыл охранник и, увидев нашу сумку с признаками передатки больному, предупредил, чтобы мы проходили в нужную палату побыстрее и как можно тише, потому что сейчас начнется врачебный обход. Потрясающе! Он даже не поинтересовался, кто мы и куда идем.

Я осторожно заглянула в дверь. Дина Ергазиевна полулежала на подушках — и где она только их взяла, больным положено лишь по одной, и тихо переговаривалась с подругами по несчастью. Подруг на сей раз было три. Валентина быстро оценила ситуацию, шагнула в палату первая и попросила женщин выйти на пару минут, оставив нас одних с больной Хромовой. Те нехотя покинули палату.

— Дина Ергазиевна, — начала Валентина, — я — частный детектив Валентина Васильевна Орлова, работаю в вашем городе для того, чтобы найти убийцу вашего мужа, а также администратора филармонии... Думаю, вы помните, что они погибли примерно в одно и то же время... Я, собственно, уже беседовала с вами и выразила вам свое сочувствие... Вы были тогда в плохом состоянии, и не знаю, помните ли об этом... Так что выражаю вам свои соболезнования вновь... Мне бы хотелось знать, кого вы подозреваете в убийстве мужа? Есть ли у вас на это счет какие-либо соображения?

Больная отрицательно покачала головой.

— Жаль. Убийство на почве пьянства исключается — в тот вечер ваш муж не был пьян... Да и посторонних в здании не наблюдалось. Во всяком

случае, так утверждают свидетели... — Тут Валентина сделала маленькую паузу и вдруг тем же спокойным тоном, словно в ее словах не таилось ничего особенного, спросила: — Ведь вас же нельзя считать посторонней, правда? Вы — жена, мать, и, наверное, часто приходили проведать мужа на работе, принести ему кофе горячий, например... А в тот вечер и дочь ваша на работе задержалась, так что повод оказаться там у вас был двойной... Ведь так?

Дина по-прежнему молчала.

— Только не надо говорить, что вас там не было, — продолжала Валентина. — Вас видели... И не только на первом этаже, где работал ваш муж, а и на втором... Странно, правда? Зачем вам понадобилось туда подняться? Вы поднялись наверх и пошли к кабинету администратора Тапочкина... Бориса Демьяновича... Помните его, да? Конечно, помните... Вы вошли в его кабинет и увидели, что администратор мертв... Что он буквально плавает в луже крови...

Какое-то время Дина смотрела на нас как на привидения. А потом... Потом на лице ее, еще минуту назад прочно забронированном, отпечатались все, о чем она думала: боль, страх, недоумение, обреченность, усилие что-то скрыть от нас...

— А если это не так? Если вы ошибаетесь? — тихо, но внятно заговорила она, решив, видимо, не разыгрывать больше необратимо травмированного человека.

— Нет, Дина, не ошибаемся. Там, в кабинете Тапочкина, вас и ударили... Кстати, вы знаете, чем?

— Нет... — удивленно ответила Дина.

— Бюстом Бетховена. Чугунным. Как вам вообще голову не проломили, непонятно, — вклинилась я в разговор. — Это счастье, что вы живы остались... И чего вас туда понесло?

Дина проигнорировала мой вопрос.

— Бюстом каким-то... Но я ничего не помню... А кто ударил?

— Думаю, убийца Тапочкина.

— Но этого не могло быть...

— На бюсте остались частички волос... Их сравнили с вашими... От этого факта не уйти, — продолжала Валентина.

— Нет, я сойду с ума! Я уже схожу с ума!

И вдруг Дина тихо засмеялась, поднеся к губам свою стиснутую руку.

И вправду не сошла бы с ума, подумала я. Валентина, казалось, не вникала в эти тонкости и продолжала свое:

— А теперь я спрошу вас прямо — зачем вы туда пришли и кого, помимо мертвого Тапочкина, вы увидели в кабинете?

— Ха-ха-ха ... — продолжала Дина. — Все не так, все неправда! Я не видела...

— Что не так? Что — неправда? И кого вы видели, а кого не видели? Не молчите же! У меня, честно говоря, такое впечатление, что вы не хотите говорить правду, так я вам не советую этого делать!

— Я от вас устала, — перестав смеяться, спокойно сказала Дина. — И вы ничего не знаете. Говорите мне тут всякие глупости. Никакого администратора в луже крови я не видела. А побежала я туда за помощью... Увидела, что с Васей случилась беда... Что его — и поверить-то не могла! — убили... Куда же мне бежать? На первом этаже уже и не было никого... Вбежала на второй этаж и по коридору пошла к администраторской...

— А почему вы были уверены, что там кто-то есть? Увидели свет? Услышали голоса?

— Свет... Нет, света мне оттуда не видно было. А разговор точно услышала, вроде как ругань даже. Подумала еще, что Борис Демьянович по телефону с кем-то ругается... Вошла в комнату и увидела, что сейф открыт... Прошла к нему и тут заметила Бориса Демьяновича, стоявшего у окна, и сказала:

— Борис Демьянович, там с Васей моим несчастье...

— А Борис Демьянович что?

— Ничего. Тут же за мной двинулся. Я сделала шаг и — больше ничего не помню! Только было ощущение, что меня куда-то волокли...

— А вы уверены, что это был администратор?

— Да как же! Конечно. У меня зрение нормальное...

— В комнате, кроме него, еще кто-то был?

— Я не видела, не знаю. Но мне показалось, что никого не было... Хотя... Да, у меня было ощущение, что кто-то там еще есть... Тогда я находилась в таком состоянии, что не придавала этому значения... А теперь мне кажется... Да, там точно кто-то был... Я уверена в этом!

— Почему же вы минуту назад не были уверены, а сейчас... — Валентина спросила об этом с некоторой иронией, но Дина как будто ничего не заметила.

— Потому что сейчас я вспомнила, что, когда ему говорила про Васю, он на кого-то посмотрел... Голову направо повернул, и... ну, не кивнул, а посмотрел так, как смотрят на человека, не на вещь... Понимаете?

Мы понимали. Если все это было правдой, то, следовательно, вахтер был убит первым, а у администратора находился кто-то, кого мы не знаем — возможно, убийца...

— А что было в сейфе, вы не заметили?

— Заметила. Он был пустой.

— А очнулись вы...

— ... уже на улице... Не знаю, как я там оказалась... И по инерции пошла в сторону дома... Я ничего не помнила... Не осуждайте меня за Васю...

— Кстати, вашего мужа убили его же ножом...

— Да, я знаю...

— Многие знали, что он хранит в столе нож?

— Конечно... И многие им пользовались...

— Дина, вот сейчас я вам поверила, — с редкой для нее теплотой сказала Валентина. — И потому соберитесь с мыслями и подумайте — кто и за что мог убить вашего мужа? Не хочу вас обижать и тем более пугать, но подозреваемая номер один — это вы...

Дина побледнела, и я вновь подумала, что, возможно, мы не так уж далеки от истины.

— Это почему же я? А, так вот зачем вы меня обо всем спрашиваете! Была в здании, не была, да на каком этаже...

Странно, думала я, неужели она так глупа, что с самого начала не поняла, зачем мы ее обо всем спрашивали... Не может этого быть!

— Разумеется, и поэтому спрашиваем, и для того, чтобы восстановить картину преступлений, — спокойно ответила Валентина. — Но, заметьте — не допрашиваем. Пока. А мотивы у вас были довольно веские: муж вас всю жизнь обижал — пил, бил, Надя вон вспоминала, как вы зимой босиком в чужом подъезде прятались... Зло копилось годами, а тут еще появился Роман Петрович...

— А причем здесь он?

— Ну, нам кажется, что он к вам равнодушен... И вы к нему, судя по тому, как вы сейчас изменились в лице...

Лицо ее действительно переменилось — в нем появилась какая-то досада, наверное, оттого, что сейчас он становился для нее еще одной проблемой.

— И все-таки вот сейчас, когда с вами посидела, на вас посмотрела, я стала склоняться к мысли, что вы, пожалуй, чисто физически не смогли бы этого сделать... — сказала Валентина, вынула из своей сумки какой-то лист бумаги и подала Дине: — Вот, возьмите...

Дина взяла лист, повертела его и спросила:

— Зачем?

— Вы держите лист левой рукой...

— Да я все делаю левой рукой!

— Я хорошо помню положение ножа в спине жертвы. Думаю, что такой удар трудно было нанести левой рукой... А ваша дочь — тоже левша?

— Не-е-ет...

Вдруг Дина резко села, отбросила одеяло, спустила ноги с кровати, словно приготовилась вскочить и кинуться в драку, и тихо, но повелительно проговорила:

— Не смейте и думать ничего плохого о моей дочери! Тростиночка моя... Только-только счастье свое нашла, а тут такое обрушилось... Да как вам в голову-то пришло подозревать мою девочку! Она же мухи не обидит... И отца любила... жалела его, что пьет, что не может бросить... Да мы с ней давно бы от него ушли, прожили бы уж как-нибудь, так она меня останавливала — как, мол, батя-то без нас, совсем ведь сопьется! А он, козел пьяный, этого не ценил!

— Ну, вот видите — козел пьяный... У вас даже сейчас злость еще не прошла...

— А почему вы вдруг про Надежду мою заговорили?

— Да ведь тоже от отца добра немного видела... И недобрым словом его вспоминала...

— От слов до дела далеко... Целая пропасть...

В дверь заглянули больные, за ними маячила фигура медсестры, которая, чуть помедлив, первой вошла в палату и предупредила, что сейчас время обхода, и сюда направляется врач, а посему каждому больному надлежит лежать на своей койке. Мы поблагодарили нашу собеседницу, вышли и, не теряя времени, направились в кардиологический корпус. Поскольку медсестры на посту не было, зашли в первую же попавшуюся палату и спросили, куда положили вчера новую больную.

— Это у которой отца убили? — уточнила одна из женщин. — Вот сейчас за нашей — мужская палата, а потом — их, шестая. Там она...

Мы поблагодарили ее и поспешили в палату номер шесть. И там нам предстало неожиданное и замечательное зрелище — возле Надиной кровати сидел юноша, похожий на Ивана-царевича из сказки — волнистые светлые волосы, большие серо-голубые глаза, прекрасно очерченные брови, подбородок с ямочкой... Возможно, чуть портил картину его взгляд — цепкий, несколько тяжеловатый. Но, собственно, он на нас и не должен был смотреть мягко — как-никак, а это мы довели вчера его невесту до больничной койки. Увидев нас, парень не шевельнулся, не уступил нам место, а его рука, бережно держащая Надину руку, лишь чуть заметно ее сжала. В палате больше никого не было — еще пять коек пустовали. Поздоровавшись, мы подсели к молодым людям.

— Вы, надо полагать, Павел? — спросила Валентина.

— Полагайте, — сдержанно ответил он, хотя по всему было видно, что ему хотелось послать нас куда подальше.

— Наденька, как вы себя чувствуете? — начала я.

— Ничего...

— Нет, она чувствует себя неважно, ей совершенно нельзя волноваться, так что напрасно вы... — поднял на нас глаза Павел.

— Не надо, Паша, я лучше отвечу на все вопросы.

— Хорошо, — оживилась Валентина. — Мы сейчас от вашей мамы... Вместе проанализировали события того страшного вечера... Теперь вы расскажите нам, долго ли она пробыла у отца, о чем они говорили, что делали, и когда она ушла из филармонии...

— Я не знаю... Я ничего не знаю... Я не видела... Я уходила наверх... А потом я выпила кофе... И мне стало плохо... Я не могу вам помочь... — говорила девушка как заведенная, и даже Павла это удивило.

— А вы сможете! — чуть не закричала Валентина. — И хватит разводить эту мокроту! Что вы, как дите малое! Итак, где вы были, что делали, когда увидели мать?

— Да не видела я ее!

— Но вы знали, что она пришла, что она где-то в здании?

— Нет...

Это «нет» было слишком неуверенным...

— Знали, Надя... Я думаю, когда она пришла, вас действительно не было в своем кабинете. Но когда она очнулась от удара и, шатаясь, добралась до вас, то вы поспешили отправить ее домой... Потихоньку, чтобы никто не видел... От греха подальше... А уж потом разбираться, что там с отцом... Я вас не осуждаю — вы были уверены, что мать доберется до дома, ее травма не казалась вам такой уж страшной... Но, прежде чем уйти, что-то она у вас, видимо, оставила... Случайно... Ну, например, свою сумку... Или то, что поесть вам принесла... Булочки, например... Либо что-то из одежды своей... Ну, шарфик или платок, что она носит на шее...

Надя задыхалась часто-часто, повернулась к Павлу и прошептала ему:

— Позови сестру... Мне плохо... Сердце болит...

Он вскочил и ринулся к двери, не забыв бросить нам, чтобы мы перестали мучить Надю своими вопросами. А я очень кстати вспомнила ревнивицу Анну Сергеевну с биноклем, наблюдавшую за своей неблагонадежной половиной и заметившую, как вроде бы что-то выскользнуло из открытого окна Надиного кабинета и было поднято женщиной, шатавшейся, словно пьяная... Это вполне мог быть шарфик или платок... О чем я тут же и сказала вслух.

— Таким образом вы хотели скрыть от всех, что ваша мама была там... А между тем, ее все-таки видели...

— Кто? — не выдержав, тут же спросила девушка.

— Тот, кто стукнул ее по голове... После чего она попала в больницу...

— Она упала на улице... — как-то безнадежно прошептала Надя.

— Может быть. Но травму она получила в филармонии. И очень жаль, что вы мне не помогли.

Услышав торопливые шаги в коридоре, мы поднялись и, пожелав девушке скорейшего выздоровления, направились к выходу, столкнувшись в дверях с медсестрой и Павлом. Валентина коснулась его руки и попросила передать от нас обоих привет Роману Петровичу.

— Не могу, — ответил Павел. — Папа сейчас в Москве. Ему пришел вызов...

— Какой вызов? — поинтересовалась я.

— В Германию. На историческую родину. Мы же немцы. Он поехал оформлять документы и что-то там типа экзамена еще будет. Язык надо сдать. Сдаст обязательно, он хорошо «шпрехает». В этом году, наверное, и уедет...

— А вы? — спросила Валентина. — Вы тоже поедете?

— Поеду, конечно. В гости. А насовсем — это как Надя решит. И Дина Ергазиевна...

Я была уверена, что нас с Валентиной мучил один и тот же вопрос, это было написано у нее на лице, но задавать его Павлу считала бестактным. А она решилась.

— Павел, а скажите, пожалуйста, какие отношения у вашего отца с Диной Ергазиевной?

— Я думаю, что со временем он может на ней жениться...

— А при живом Хромове это было бы невозможно...

— Почему это невозможно? Существуют разводы, в конце концов!

— Все дело в том, Паша, что Хромов никогда бы не дал своей жене развода...

Поставив такую жирную точку, мы удалились, оставив Павла перед дверью палаты любимой девушки...

Дальнейшие действия группы Сержа и Валентины, как я узнала позже, не принесли ничего нового. Следы Лоры не обнаружались, Герман Теодорович помочь в этом вопросе не мог или не хотел, больше никто ему не звонил и не говорил загадками... Правда, через несколько дней после моего отъезда у него сломалась машина, он решил ехать на метро и уже перед подходившим поездом подошел к самому краю платформы... Народу было много, и кто-то неосторожно его задел. Он бы упал на рельсы, но стоявшая рядом дородная женщина схватила его за рукав и оттеснила назад....Случайность?

Мать с дочерью попеременно то молчали, то выдавали скудную информацию, явно скрывая что-то важное, а по причине их болезни свести их вместе пока не получалось... На просторах России затерялся Галетов — да и надо ли было его искать? С какого он тут боку-припеку? Подробное изучение деятельности директора филармонии позволило сделать выводы, что он жулик, но трусливый и мелкий. Знакомство с прошлым Хромова тоже ничего не дало, а вот о Тапочкине в тех городах, коллективах, где он работал раньше, отзывались по-разному — одни считали его человеком расчетливым, всегда планирующим свои действия, а также весьма скрупулезным в делах, другие же заявляли, что человек он скрытный, хитрый и жадный...

Я же, уезжая, призывала Валентину помнить, что Лора — совершенно непредсказуемая женщина, и от нее можно ожидать чего угодно, что спокойствие Германа относительно ее судьбы по прошествии времени особенно бросается в глаза, что Галетов — человек, имеющий слабые понятия о собственной воле... У меня было много и других наказов — ведь Валентина не жила в нашем городе, не знала всех и вся и могла что-то упустить. А еще я попросила ее быть осторожной в командировке — кто знает, какие сюрпризы преподнесет ей эта Караганда! Я же, можно сказать, в творческом порыве умывала руки и думала, что это ненадолго. Я часто ошибалась.

Так получилось и в этот раз...

Глава 13

В издательстве меня встретили, можно сказать, с распростертыми объятиями. Надо было перечитать рукопись, внести кое-какие правки, и на все это, по моим расчетам, должно было уйти около недели. Но прошла вторая, за ней третья... а я все еще была здесь и ходила в издательство как на работу. Часто звонила домой, но мой муж и дети предпочитали говорить о своих проблемах и не спрашивать о моих. Несколько раз я пыталась дозвониться до Сержа, но трубку брала Татьяна, а уж о ее сдержанности в разговоре можно было сочинять эпиграммы. Я лишь узнала, что из Караганды моя дорогая подруга привезла кое-какие интересные факты, однако главную загадку она пока так и не разгадала и сейчас находится у себя дома, где скопилась масса неотложных дел.

Моя редакторша, понимая, что процесс по работе над книгой немного затягивается, ухитрилась вытащить меня на улицу просто погулять, шла со мной рядом и рассказывала о старинных улицах, домах-памятниках, показывала мне здания, где жили городской голова, купцы Савва Морозов, Сергей Третьяков, где находилось здание суда, Дворянское собра-

ние... Однажды после такой прогулки я, как всегда, вернулась в издательство, читала, что-то ела, с кем-то разговаривала, и неожиданно поймала себя на мысли, что на улице я видела что-то очень важное, но оно прошло мимо меня... Я не считала себя особо наблюдательным человеком, но и подсознание мое никогда меня не обманывало. Досадуя на свою дырявую память, я приготовила себе чай и включила радио. Местный диктор рассказывал, какие фильмы у них можно посмотреть, на каких концертах побывать... И вдруг я услышала сразившую меня наповал информацию: «Завтра в зале бывшего Дворянского собрания состоится концерт замечательных артистов, мастеров русского романса. Генеральный директор и художественный руководитель коллектива — Лаура Всеславская! Только один концерт! Спешите! Билеты можно приобрести в кассе филармонии»...

Я не грохнулась в обморок только потому, что, пораженная этим сообщением, почувствовала огромную ответственность перед угрозой родного города и Валентиной, которые тщетно пытались найти эту изменчивую диву. Тут же позвонила Сержу, но в кабинете уже никого, видимо, не было. Потом набрала номер Валентины:

— Валя, это я.

— Слышу. Говори. — Она сразу поняла, что я звоню не просто так.

— Я тут все в издательстве работаю. Тржусь, как пчелка. А вот завтра решила отдохнуть — пойду на концерт русского романса. Коллектив, говорят, хороший, руководит им Лаура Всеславская, всего один день они тут гастролируют... Словом, жду чуда!

— Да, я знаю, как ты любишь романсы. Молодец! Сходи! Сделай для газеты материал — как все это произошло, что заставило человека... прыгнуть в неизвестность, то есть руководить таким коллективом... Узнай, куда они намерены ехать дальше, где будут давать концерты. И сразу мне сообщи. Назови свой номер телефона...

После разговора я спустилась в холл гостиницы и, рассудив, что, раз завтра концерт Лориного коллектива, и все они вполне уже могут быть здесь, спросила у администратора, в каком номере остановилась Лаура Всеславская. Администратор, уже хорошо меня знающая, сообщила, что все гастролеры поселились в центральной гостинице, и снабдила меня при этом нужными телефонными номерами. Я вернулась к себе и быстро узнала номера Лориной комнаты и телефона. Что ж, теперь можно и позвонить...

Мне ответил красивый баритон. Я попросила позвать к телефону Лору.

— Айн момент! Лоренчик, это тебя, — проворковал он.

— Слу-ю-юшаю! — врасстяжку проговорила Лора. Она явно сосала конфету и не могла свободно манипулировать языком. Но это была она!

— Ах, Лаура, как я хочу попасть на ваш концерт, как я об этом мечтаю! — быстро-быстро залопотала я, изображая избалованную болтушку, которая часами может говорить о каком-нибудь ничтожном бантике на платье. — И «белой акации гроздь душистые», и «хризантемы в саду», и «отвори потихоньку калитку» — в этом вся моя жизнь, я растворяюсь в образах, я их люблю, и вас люблю тоже, потому что вы это создали, этот концерт, этот коллектив...

Очевидно, Лора уже справилась с конфетой, потому что четко спросила:

— Чего вы хотите?

Она меня не узнала!

— Я... искренне преданна романсу... Это моя главная, самая большая любовь в жизни... Но... вы понимаете, я скромная труженица, а сейчас такое время... Я не могла бы получить... приглашение на концерт... из ваших рук? Я так надеюсь...

— Хорошо. Я оставлю приглашение на вахте. На чье имя его выписывать? — покровительственным тоном ответила Лора.

— Персидская. Элеонора. — Поскромнее мне ничего не пришло в голову.

Лора, видимо, на какой-то миг опешила от этого достойного кисти художника сочетания, но потом, вздохнув, тихо произнесла:

— Хорошо. — И повесила трубку.

Я же вновь стала звонить Валентине:

— Я связалась с Сержем. Он в курсе, — взволнованно сообщила она. — Леонид Гаврилович опасается — может быть, тебе не ходить на концерт? Ты ведь неважно себя чувствовала... Честно говоря, мне бы очень хотелось самой. Но, скорее всего, не успею...

— Хм... Час назад ты не собиралась этого делать! Есть что-то новое?

— Да. И я должна тебе сказать. Ты... любишь галеты?

Вопрос не поставил меня в тупик. Более того, мне нравилось говорить шифром.

— Вообще-то да. Они полезные...

— Ну, так их там у вас сейчас можно купить. У нас нет в магазинах, а у вас — навалом этих галет, мне Серж сказал...

Все просто — в городе, где я тружусь над своими рассказами, находится и Галетов! А поскольку здесь Лора, то занесло его сюда явно не случайно...

— Я поняла. Куплю.

— А это значит, дорогая, что жизнь у вас там может быть чрезвычайно интересной!

— Так присоединяйся!

— Может быть. Если мне удастся бросить не менее интересные вещи здесь. Да, Серж просит тебя, и я, разумеется, тоже, ты там осторожнее с этими галетами, не передай! Если что — обращайся в нашу службу. В нашу «скорую помощь», так сказать. Серж туда позвонил на всякий пожарный. Но главное — сейчас к вам поедет наш товарищ... У меня работает... Любитель романсов... Только вот не знаю пока, когда он до вас доберется...

— Кто?

Валентина, как бы не поняв моего вопроса, стала мне говорить про орлов, которые летают в поднебесье, и она их поэтому очень любит, но ведь существуют и другие птицы — сороки, например, и от них не меньше пользы... Поскольку Валентинина фамилия Орлова, то я поняла, что ко мне подъедет ее Сорокин, которого я знала только понаслышке.

— Да здравствуют сороки! — ответила я.

— И не забудь пудру с собой захватить! А то вечно у меня просишь... Прямо сейчас ее в сумку положи! Как она называется? «Мальвина»?

Именно так именовалось электрошоковое устройство, которое я приобрела по совету Сержа и всегда носила с собой.

— Да не забываю я свою пудру, успокойся.

— Завтра после концерта позвони мне и расскажи, что тебе особенно понравилось... Если меня уже не будет — Сержу...

— Конечно. Спокойной ночи, подруга!

— И тебе того же!

Весь следующий день я провела в издательстве за чтением гранок и сделала это специально, чтобы не волноваться, успокоить нервы и с честью выполнить возложенную на меня миссию. К середине дня я с удивлением узнала, что на концерт идет чуть ли не половина издательства! В обеденный перерыв я прошла к Дворянскому собранию и, убедившись, что в проходной сидит одна-единственная пожилая женщина, вошла туда и попросила приглашение на имя Персидской. Дежурная порылась в контрамарках, выудила мою и подала мне ее с явным интересом, прочитав вслух:

— Элеонора Персидская...

Именно в это время в проходную ворвался молодой человек — холерный, лощеный, с вьющейся каштановой шевелюрой, с большими, глубокими и совершенно синими глазами.

— Кто тут упоминает все мое... фамилие?

— Да я вот... приглашение даю им, а они тоже Персидские...

Им — это значит мне, и они — это тоже я, считается, что это звучит уважительно.

— Вы тоже Персидская? Так давайте знакомиться! Я — Костя.

— Элеонора, — прошептала я и протянула ему руку для пожатия.

Он склонился над ней, поцеловал и, улыбнувшись, произнес:

— Но в родословную вдаваться и искать общие корни я, увы, не буду, потому что это — мой псевдоним!

— И мой тоже, — зачем-то ляпнула я.

— Хм... Да? А для чего вам псевдоним? Вы артистка?

— Я пишу. Рассказы, повести, — зачем-то уточнила я.

— Так-так... Вы писательница... То-то Лора удивится! Вы ведь придете на концерт, да?

— Конечно...

— Ну, так вы меня услышите! Но я вам признаюсь, что, когда брал этот псевдоним, то Лора Витальевна, наш руководитель, была против — слишком, дескать, вычурно, таких фамилий сейчас нет. А, оказывается, есть! Вот она удивится!!

Он приоткрыл дверь в большой холл, я заглянула туда краем глаза и заметила, что в глубине его стоят и явно о чем-то спорят удивительно стройная элегантная женщина и несколько мужчин, один из которых попыхивал длинной трубкой. Я развернулась и быстро пошла к выходу, решив больше не испытывать судьбу. Уже шагнув на улицу, я услышала, как Костя закричал мне вслед:

— Куда же вы? Пойдите, я вас представлю Лоре, она здесь! Пожалуйста! Но меня уже и след простыл...

...

Так получилось, что на концерт я пришла слишком рано. Меня не пускали, и пришлось предъявить свое журналистское удостоверение. Контролерша оказалась дотошной женщиной и обратила внимание на разные фамилии в приглашении и журналистском билете, хотя до этого ей не должно быть никакого дела. Мне снова пришлось рассказать сказку про псевдоним. Пройдя, наконец, в огромный холл, я села в уголке на обтянутую красным бархатом банкетку, которые так любят ставить в театрах и концертных залах, и стала ждать. Надо сказать, что холл этот не был таким в чистом виде, он занимал лишь половину огромного квадратного зала, где и сто, и двести лет назад танцевали благородные господа. С одной стороны зала находились высоченные, во всю стену окна. С двух других сторон, к ним примыкавших, располагались двухстворчатые двери, украшенные старинной резьбой и позолотой. А в четвертой, противоположной окнам стороне возвышались небольшие подмости с роялем и стояли кресла для зрителей. Я же сидела в уголке между крайним окном и дверями. Это важно для того, чтобы понять, что же произошло потом. Конечно, мне очень хотелось не сидеть, а бродить по этому залу и разглядывать

старинные картины, висевшие на стенах, но, поскольку я была здесь пока одна, то не решилась этого делать.

Время шло, а народ почему-то так и не пускали. Вдруг, как по волшебству, створки раззолоченных дверей распахнулись — так распахивались двери перед выходом царя, — и в зал легко, изящно, но одновременно и величественно шагнула удивительно стройная женщина — кажется, та, которую я заметила еще днем из проходной.

Мало сказать, что женщина была красива — она являла собой произведение искусства. Искусства природы, парикмахера, гримера, портного, ювелира и прочих мастеров, способных делать для женщины чудеса. Ее волосы, по-видимому, роскошные, были тщательно уложены и представляли собой один большой завиток, умудряющийся охватить всю голову и скрепленный удивительно тонкой работы диадемой, все камни в которой, несомненно, были настоящими. Завиток скрывал часть лба, глаза же ее были чуть раскосы, и мне показалось, что тут поработал грим, но это придавало ее образу восточную экзотику. Она шла по залу легко и плавно, лишь слегка касаясь пола... Одежду ее следовало бы описать особо, но я ума не приложу, как это сделать — ведь надетое на ней платье было сшито из материала, которого я никогда не видела! Возможно, он напоминал бархат, но не выглядел таким томным и изнеженным, а более приближался к тканям для деловых нарядов... И я не знаю, какого оно было цвета, потому что, стоило ей взмахнуть рукой, и оно, словно по волшебству, становилось зеленым, стоило чуть повернуться вправо, и вот уже фиолетовые блики обрамляли чудесную женскую фигуру, влево — и серосиреневые брызги, кажется, заполняли весь зал... И довершали все это великолепие туфли. Такую модель я никогда не видела и не знаю, из чего сделана эта обувь — может быть, из какой-то специальной парчи светлых, приглушенных тонов... Глядя на их обтекаемую форму, на полукруглый, но в то же время словно произведенный из цветочных лепестков носок, я думала о том, что в таких туфельках впору летать в облаках — от счастья. Несколько раз я задавала себе вопрос — мне все это снится, или неожиданно в зале Дворянского собрания приземлилось неотразимое существо из космоса?.. Пройдя почти через весь холл, женщина повернула налево и пошла прямо на меня... Я сидела ни жива ни мертва, вжавшись в свою банкетку, левая рука моя сжимала сумку, снятую с плеча, а правая вцепилась в бархат сиденья и от волнения скребла его ногтями... Она приближалась ко мне... Я уже чувствовала тонкий запах ее заморских духов... По-видимому, мне следовало встать — женщина явно хотела что-то у меня спросить... Однако ноги меня почему-то не хотели слушаться, и я стала подниматься медленно, с трудом, а когда, наконец, поднялась, то мое лицо

оказалось прямо перед ее лицом. Тут она, неожиданно подавшись вперед, грациозно вытянула свои руки, бережно прижав к себе мою голову, повисла у меня на шее, и я услышала Лорин вздох:

— Как же я без тебя скучала! Как мне тебя не хватало! И как я тебя люблю!

— Здравствуй, — наконец пролепетала я. — Это ты?

— Это я...

— Тебя невозможно узнать!

— А это я специально, чтобы меня действительно никто не узнал. И... это красиво, ведь правда? — добавила она.

— Правда...

— Я — не Лора, — просто сказала она. — Я — другой человек. И у меня другая жизнь. Она началась в Англии... Я ведь рассказывала вам всем про Англию, но вы не верили... Ладно, обо всем этом — потом. Сейчас я расскажу наших гостей и вернусь к тебе. До начала концерта у нас есть еще полчаса. А потом — ко мне в гостиницу. И хватит этого обалдения! Убери свое вытянутое кислое лицо! Ты можешь улыбнуться мне, наконец?

— Да...

Она взяла меня за руку, и мы направились за кулисы, в комнатку, где в одиночестве стоял виденный мною еще днем бородатый господин и пыхивал трубкой...

— Это Илья. Друг... моего сердца, — добавила она. — Илюша, дай нам поговорить!

Трубка картинно откланялась и удалилась.

И только теперь сказка, которая обволокла меня невесомым облаком, стала рассеиваться и я, пробившись сквозь Лорин грим и все ее искусные причиндалы, добралась до ее глаз, которые сияли, как у артистов после удачного выступления, и смотрели на меня спокойно, виновато и... лукаво. Она! Она, больше некому!

— Ты все еще не уверена, что это я?

— Уверена. Но... у меня сто вопросов.

— Задай сто первый!

— Этот блеск... Это немыслимое платье... Я даже не знаю, из чего оно... Вообще все, что на тебе — это не из нашего мира... С тобой... должно было что-то случиться... Так просто это не бывает... Многие мои знакомые были и в Англии, и в Америке, но... И главное — куда ты дела свои килограммы, причем за столь короткий срок! Ты стройна, как...

— Кипарис!

— Ну, можно и кипарис... Ты удивительно прекрасна!

— Я это знаю, и знаю, как это хорошо. Я летаю. Понимаешь, я жила кое-как, мыкалась, перебивалась с копейки на копейку и не знала, что на

острове туманного Альбиона живет волшебница... Моя тетья. То есть там у меня две тети. Одна — волшебница, другая — просто богатый человек... Я давно туда собиралась, они уже старенькие, настаивали, чтобы скорее приехала... Когда в вашем городе жила, все ждала сообщения от мужа — он продвигал мои документы... Ну и так совпало, что когда я... бежала от всех ваших ужасов, то узнала, что этот Альбион зажег для меня зеленый свет... Герман... это мужа моего так зовут, он в Питере живет, отправил меня туда с легким сердцем, сказал, что там я, наконец-то, буду под приглядом! Он оказался прав... Он всегда прав...

— Я знаю...

— Да я про мужа!

— Я знаю Германа Теодоровича. Я с ним встречалась и даже была у вас дома. Он посылал тебе по радио сигналы SOS!

— Правда? Когда?

— Давно. Дней через десять после твоего исчезновения. Я была в командировке на совещании у них в институте и вышла на него совершенно случайно...

— Но он ведь знал, что я не могла слышать эти сигналы! Я же была за границей!

— Тем не менее, он их посылал... В двенадцать и в три часа... И на них даже кто-то откликнулся...

Лора вздрогнула, и из окружающего ее блестящего ореола как-то сразу исчезло несколько лучиков. Всего несколько, но я заметила.

— Кто... откликнулся?

В это время прозвенел первый звонок. Он звучал резко и долго. Наконец я смогла ей ответить и сказала. про то что нельзя войти дважды в одну и ту же реку.

— А один раз можно?

— Хм... Первый раз он сказал только эту фразу. А второй раз, в три часа, прибавил, что ты в нее не войдешь!

Еще несколько лучиков исчезло в пространстве...

— Видимо, ты кому-то рассказала про эти условные сигналы, — продолжала я. — Какому-то... неподходящему человеку...

Второй звонок напомнил, что мне пора идти в зал, а Лоре приступить к своим непосредственным обязанностям.

— Черт, мне надо идти! Но нам так важно поговорить... договорить... — довольно встревоженно сказала она. И вдруг ее осенила блестящая идея: — Слушай, а ты не уходи в зал! Сиди в этой комнате, тут все будет слышно! Ну, прошу тебя! Я сейчас быстро освобожусь, и вообще во время концерта у меня мало работы: я обычно представляю певца, но ведь все поют по несколько романсов, так что есть паузы...

Я согласилась и она, усилием воли полностью восстановив свой блестящий вид, отправилась на сцену...

Слышно действительно было хорошо — Лора объявила о начале концерта, рассказала об истории своего коллектива, а история его была довольно длинной, но не очень счастливой, поскольку еще совсем недавно эта группа переживала кризис, развал, катастрофу, и вела нищенское существование, однако ей удалось снова встать на ноги... Из этой длинной тирады зритель должен был понять, что коллектива давно бы не существовало, если бы его не возглавила она, Лора Всеславская! И ей зааплодировали — дружно, громко, как это умеют делать в провинции...

При первых же звуках красивого, мягкого баритона, запевшего про утро туманное, она вновь появилась в комнате. И снова блистали глаза, и снова она летала! Я попросила ее рассказать о волшебстве этого загадочного перевоплощения, потому что искренне недоумевала, как же возможно совершить такой подвиг в столь короткий срок...

— Боюсь, тебе этого не понять, — тихо сказала она. — Ты ведь не пережила ощущения... богатства! И о психологии богатого человека знаешь только понаслышке... У моей тетки — огромная ферма... Несколько домов... жилых... И все это, можно сказать, мое, понимаешь? И я просто не могла существовать в этой новой жизни в старом своем расхристанном обличье... Ведь вы смеялись надо мной, правда? Называли дурочкой из переулочка... Которая еще и врет про мужа и шикарную квартиру в Питере, про Англию и богатых теток...

— Мы не смеялись... Мы жалели тебя...

— Еще хуже! Но почему? Вот почему ты не верила, а Галетов, например, верил?

— Не знаю...

— А я знаю!

Она снова исчезла, чтобы на несколько минут оказаться на сцене, где после ее вступления зазвучало «Я все еще его, безумная, люблю»... Сколько я слушаю этот романс, столько его удивительные слова и мелодия переворачивают мне душу. Я так заслушалась, что и не заметила, как Лора опять оказалась рядом со мной.

— Слушаешь? Это Зенина поет, я ее люблю.

— А Галетов — здесь, с тобой?

— Он не со мной. Просто мы часто видимся... Так вот, он верил, а вы — не видели во мне ничего, я была для вас пуста, как... кувшин без воды! Вы не давали себе труда заглянуть в меня, разглядеть...

— И я бы увидела там, в глубине, мою старинную картину... Которую я, кстати, себе вернула... с помощью Германа Теодоровича.

— Про картину мне долго рассказывать. Это — из детства детдомовского... У нас такая же — копия, наверное, — висела в детдоме, и мы ее любили... Это была отдушина, спроси Галетова, если увидишь... Вот я и не выдержала...

— Но при чем тут Галетов?

— Мы росли вместе... В одном детском доме...

Уловив окончание очередной песенной рулады, она вновь выбежала из комнаты. Зазвучала «Элегия» Массне, печальный итог чьей-то жизни, и я решила, что под эту мелодию Лора, вернувшись, опять станет говорить о детдоме. Но я ошиблась: она стала говорить о своих тете Полине и тете Симе.

— Они внушили мне, что внутренний и внешний мир человека должен соответствовать условиям, обстоятельствам жизни... И если я богата, а тетя Полина сделала меня богатой, то мне необходимо привести свой облик в соответствие с новым своим положением... Ты когда-нибудь видела на мне нормальную одежду? Прическу?

Я молчала, боясь ее обидеть.

— Так вот, мы с тетей Симой поехали в Лондон... Все это — из лучших магазинов, тетя Сима сама мне все подбирала. А потом нашла для меня совершенно безумного парикмахера, который каждый день делал мне разные прически, чтобы я, как он говорил, привыкала чувствовать себя королевой... А парикмахер порекомендовал мне визажиста... Ой, там уже хлопают! — воскликнула Лора и убежала.

А я решила, что вечер у нас с ней, по-видимому, один, и он не резиновый, поэтому хватит болтать о тряпках и гриме! И хотя мне безумно хотелось узнать, куда она дела свои внушительные телеса, надо скорее переходить к делу! И потому, когда она вернулась, я, не дав ей опомниться, спросила:

— Лора, а чего это ты выпрыгнула тогда из окна? Ведь второй этаж... Могла убиться...

Даже под слоем ее тончайшего крема цвета нежной кожи я заметила, как она побледнела... Потом подошла ко мне, приложила свою ладонь к моим губам и тихо, каким-то странно-отдаленным голосом сказала:

— Это запретная тема. Потусторонняя... И не будем ее касаться. Иначе... мне снова придется уехать к теткам в Йоркшир!

Раздавшиеся аплодисменты вновь призвали ее на сцену. А когда она вернулась, то сообщила, что их с Ильей пригласил на ужин сам губернатор и они никак не могли отказаться... Ничего себе поворот! Я тут же отправилась в зал искать свою редакторшу, чтобы она посоветовала, через кого я тоже могу попасть на этот ужин. Она показала мне на толстенького лысоватого мужчinkу в хорошо сшитом костюме, и, заверив, что он знает и может все, оставила меня перед его креслом.

— Чего вы хотите? — недовольно спросил мужчина.

— Попасть на ужин к губернатору!

— Фамилия?

Я назвала ее.

— Ждем! В соседнем зале, — коротко бросил он и отвернулся. Я радовалась, как ребенок — мало того, что я неотрывно буду рядом с Лорой, так еще и идти никуда не надо — все здесь, в Дворянском собрании! Действительно, чем мы хуже? Я вернулась к Лоре и сказала ей, что тоже приглашена на ужин. Мы условились, что о серьезном и важном будем говорить только в гостинице.

— А Илья — это серьезно? — поинтересовалась я. — А как же Герман? Он ждет... Он хромает...

— Это... что-то образное?

— Да нет, он действительно хромает.

— И почему?

— Потому, что попал в автокатастрофу. — Я помолчала, а потом добавила: — И, может быть, она была вовсе не случайной...

Лора снова побледнела, глаза ее покрылись тоненьким налетом тревоги и озабоченности. Я решила смело идти в разведку, используя для этого каждую минуту.

— Ты не ответила мне про Илью... Богатая невеста, приходится быть осторожной, а? Он не из таких? Ему нужна ты или владения в Йоркшире?

— Видишь ли, Илья хотел жениться на мне еще до того, как я побывала в Англии... То есть... я была ему нужна еще в том обличье... Он режиссер... Ему важны были мои идеи по поводу возрождения коллектива... И тогда я еще ничего не рассказывала ему о своих английских перспективах...

— Но ведь ты направо и налево рассказывала про своих английских тетушек, я помню. Он мог от кого-нибудь это услышать...

— Я так не думаю. Он впервые услышал это от меня, когда были готовы все документы для поездки за рубеж... Он был в шоке. И сразу предложил мне купить их коллектив! Неофициально, конечно. И я купила...

— Этот Илья... Он знаком с Галетовым? Они общаются?

— Да... Я спрашивала Илью, когда и где они познакомились. Он мне ответил, указал и время, и место. Но... понимаешь... Я, может, пожалею сейчас о том, что скажу, но... Как-то они обсуждали одно событие, где присутствовали вдвоем... Незначительное, ерундовое событие, не буду о нем и говорить. Но произошло оно еще до названного времени их знакомства... И это меня постоянно тревожит...

— Правильно, это и должно тебя тревожить! Ведь Галетов знал про английских тетушек. Мы не верили, а он — верил, сама сказала! Я вообще

прошу тебя быть настороже — ты сбежала, выпрыгнула из здания, где произошло сразу два убийства, побежала в парк, а там именно в это время был убит третий человек...

— Что-о-о?! Почему два убийства, какой третий человек?!

Илья неожиданно открыл дверь — мне показалось, что он подслушивал, тогда плохо дело. Улыбаясь через силу, бормоча себе под нос, что очень устал, он пригласил нас на званый ужин. Действительно, пора уже было идти. Мы с Лорой отправились в туалет, выкроив тем самым еще несколько минут, за которые я предложила ей после ужина отправиться в мой гостиничный номер, где мы сможем поговорить обо всем без помех, и она сразу согласилась. ...

Званый ужин был красив, обилен и эмоционально сдержан. От него веяло каким-то деловым мероприятием. Губернатор, начав его, минут через десять исчез, оставив нас в обществе своего зама, который курировал культуру. Он поведал нам, что когда-то хорошо пел, и после очередного бокала шампанского попытался воспроизвести лермонтовское «Выхожу один я на дорогу, сквозь туман кремнистый путь блестит»... Я вся вытянулась в струнку — исполнялось мое любимое произведение — и, отвлекшись на несколько минут, не заметила, как Лора исчезла. Неужели сбежала? Я незаметно выпорхнула в коридор и, сразу же увидев ее, упирающуюся под натиском Ильи, бросилась к этой паре и стала убеждать его, что нечего волноваться, мы просто давно не виделись, нам необходимо поговорить о чисто бабских делах... И, в конце концов, какая разница, когда это случится — сегодня ночью или завтра утром...

— Завтра мы едем дальше, — заметил он.

— Ну, не утром же, Илюша! Я все успею, — ласково убеждала его Лора. Она была похожа на кошечку.

— Хорошо, я вас отвезу! — сдался он.

Глава 14

Таким образом, уже через двадцать минут мы оказались в моем номере. Илью мы, кажется, сумели успокоить, и он не рвался провести с нами ночь, а лишь попросил, когда мы наговоримся, позвонить ему, и он заберет свою драгоценную Лору. Он показался мне вдруг таким нежным и заботливым, что я мысленно обругала себя за дурацкие подозрения. Однако Лора несколько раз неожиданно открывала двери в коридор, чтобы проверить, действительно ли он удалился — очевидно, она ему все-таки не верила...

Я протянула ей свой халат и, пока она переодевалась, заварила нам крепкий чай в маленьком закуточке, который можно было принять за кухню.

Решив, что пора, наконец, приступить к допросу, то есть к вопросам, открыла, было рот, но Лора меня опередила и начала первая:

— А откуда ты знаешь, что я прыгала из окна? На улице уже и не было никого. Мне показалось, что я совершила свой полет без зрителей...

— Зрители были. И даже с биноклем, — ответила я и рассказала про Анну Сергеевну, которую она знала, и ее предположительно неверного мужа... — А ведь ты могла разбиться!

— Да нет, там довольно низко. Но оставаться там я тоже не могла...

Мы говорили очень тихо, но она, перейдя на шепот, вдруг спросила меня:

— Ты веришь в привидения?

— Верю. Но в то время, когда ты прыгала, внизу был убит вахтер Хромов — ударом ножа в спину, а наверху — Тапочкин, двумя выстрелами из пистолета Макарова... Вряд ли это могло сделать привидение...

— Василий Евдокимович убит?.. А я подумала, что он спал... Но было в его позе что-то странное, я заметила.

— Так ты спускалась вниз? Ты его видела?

— Видела... Я пошла домой, и его увидела...

— И кого ты еще увидела в холле?

— Никого... Я хотела его разбудить, чтобы он меня выпустил и запер за мной дверь, но вдруг вспомнила, что не показала Тапочкину текст новой афиши, и пришлось вернуться. Взяла свои листы и пошла к Борису Демьяновичу... И тут я увидела... увидела... Он был мертв, понимаешь? Он точно был мертв, и я вовсе не сумасшедшая!

— Да я знаю, почему ты мне это доказываешь? Медики приехали и констатировали смерть...

— Да? Ха-ха-ха! — расхохоталась она. Современно безумным смехом.

У меня не оказалось ничего успокоительного, но на окне стояла склянка с нашатырным спиртом, оставленная, видимо, кем-то из прежних жильцов. Я открыла бутылочку и поднесла ее к Лориному носу, отчего она быстро пришла в себя.

— Рассказывай дальше! И держи себя в руках! — приказала я, и она меня послушалась. — Итак, ты увидела мертвого Тапочкина. И что дальше?

— Дальше... Я споткнулась... обо что-то... не помню, да это и неважно, и чуть не наступила ему на руку... Потом пошла к себе, чтобы позвонить в полицию и в «Скорую помощь», хотя была уверена, что ему уже никто не поможет... Я хотела позвонить прямо из его кабинета, но, чтобы пройти к телефону, мне пришлось бы через него перешагнуть... Я не решилась... И вообще мне вдруг показалось, что меня тоже могут вот так вот... Что убийца еще там...

— Ты не кричала, не звала на помощь?

— Нет, что ты! Все ведь уже ушли, кого было звать!

— Ну, ну! Дальше говори! Почему же ты не вызвала ни полицию, ни «скорую»?

— Потому что я была в жутком состоянии, пошла к себе и... выпрыгнула из окна! — Лора замолчала и задумчиво смотрела в никуда, словно перед ней снова ожила та страшная картина.

Я не выдержала и дернула ее за рукав:

— Продолжай, а то можно чокнуться от того, что ты все тянешь кота за хвост!

— А если я — не могу! Я скажу, а он снова придет ко мне как живой...

— Я тебя умоляю!.. Что тебя заставило рисковать жизнью?

Лора вздохнула и тихо ответила:

— Привидение... Оно вошло в мой кабинет и стало идти прямо на меня... Боже мой! Я вижу его как сейчас... Он движется... Руки как-то вперед, и глаза блестят... Прямо на меня... Я отступаю назад... К окну... Если бы я не выпрыгнула, он бы меня в него вытолкнул... Прямо на асфальт... Только я сама выскочила, мне удалось приземлиться на ноги — сказала заалка, мы в детдоме часто с крыш прыгали. А если бы он толкнул, то был бы еще один труп...

— Ты все время говоришь — он... Это привидение — мужчина?

— Ну, конечно! Ты что, не поняла?

— Поняла. А... ты его знаешь? Ну, может быть, он похож на кого-то из твоих знакомых?

Лора уставилась на меня в полном недоумении. Как я могла не уловить в ее рассказе самого главного?!

— Ты действительно ничего не поняла... Знаю ли я его! Еще бы! Ведь это был... Тапочкин!

Конечно, я вспомнила о призраке, преследовавшем меня на улице в тот день, когда был обнаружен труп администратора, но все же не поддавалась ее мистическим откровениям, потому что в ее голосе мне послышалась некоторая насмешка... Интересно, какая игра скрывалась за ее словами?

— Лора, Тапочкин был убит, и ты сама видела его труп. Ведь видела?

— Видела...

— Ну, он же просто физически не мог после этого оказаться у тебя в кабинете!

— Не мог... Но оказался... Я и говорю — привидение...

— Хм... А как это привидение было одето, не помнишь?

— Помню... Оно было одето в спортивный костюм...

— А голова — в крови? — зачем-то спросила я.

— Голова? Он одной рукой держался за голову... Как будто закрывал свою рану...

— Надо же...

Я не знала, что говорить и делать, мне еще никогда не приходилось сталкиваться с подобными вещами. Валентину бы сюда! Она, кстати, всегда говорила, что сложные и необъяснимые на первый взгляд вещи чаще всего оказываются проще простого, надо поменьше мудрить и видеть то, что есть, а не то, что ты якобы должна узреть в соответствии с имеющейся информацией. Видеть то, что есть... То есть — в Тапочкине видеть именно Тапочкина, а не кого-то другого, и уж тем более не призрак! Но если это был он, то опять, в который уже раз, возникает вопрос — а кто же убит? И отпет, и похоронен... Причем в последний путь Тапочкина провожали хорошо знавшие его люди, те, кто работал вместе с ним... Ни у кого из них не было и тени сомнения в том, что они хоронят именно Бориса Демьяновича. Правда, была заминка с его брюками... А еще с группой крови и с датой его пребывания в Караганде! Как будто у этого Тапочкина вдруг появился двойник...

— Я тоже об этом думала, — честно призналась Лора. — Есть же близнецы — ну, совершенно одинаковые! Но Тапочкин ведь за мной ухаживал и много рассказывал про себя. Никакого близнеца у него нет...

Ну, это еще надо проверить, подумала я и уже хотела приступить к дальнейшим расспросам, как в дверь нашего номера постучали. Не успела я спросить, кто это рвется в столь поздний час, как услышала, что с нами жаждет поговорить только что прибывший капитан Сорокин. Я широко открыла дверь и увидела средних лет человека довольно высокого роста, который, казалось, был сколочен из длинных широких досок и представлял из себя правильный прямоугольник. Даже голова его была такой формы. И — широкая, обезоруживающая улыбка, когда, как говорится, «рот до ушей, хоть завязочки пришей», улыбка столь располагающая, что я впустила его безо всяких опасений.

Дав ему время привести себя в порядок после долгой дороги, а потом поставив перед ним чашку с чаем и то, что мы сумели прихватить со званого ужина, а это было всего несколько бутербродов, я рассказала Сорокину все, что узнала, причем Лора вдруг стала проявлять невиданную активность, дополняя мои сообщения незначительными, а иногда и весьма существенными деталями. Она, например, сообщила, что, поднявшись после своего сокрушительного полета из окна на ноги, она отправилась прямоком в парк и столкнулась там с черноволосой женщиной, стоявшей в кустах и, по всем признакам, горько плакавшей. Причем женщина обеими руками обхватывала свою голову так, словно она у нее нестерпимо болела. Мы попросили Лору как можно точнее описать женщину, но, к сожалению,

она проработала в филармонии совсем недолго и не знала жену Хромова. И все же по всем признакам выходило, что это — Дина. А потом мне показалось, что Лора начала заговариваться:

— И вот я иду по парку, иду быстро, ковыляю, можно сказать — ногам все же больно было, а он, призрак, — за мной... Так и мелькает за деревьями, так и мелькает! Да большущий такой, не как нормальный человек!

— У страха глаза велики, — с иронией вставила я, и Сорокин посмотрел в мою сторону с упреком.

— Да не придумываю я! Какая ты странная... Двигается этот призрак, так сказать, параллельно... Тогда я встала и перекрестилась! И воззвала к Господу! И сказала — сгинь, нечистая сила! И тут мне показалось, что... только не смейтесь... что еще один призрак появился... Возле березки, что справа от меня была, в отдалении... И слился с ней... Как бы вошел в дерево... И тот призрак, что меня преследовал, тоже вроде бы к этому же дереву приблизился и... словно растворился там... Я подумала — молитва подействовала, и бегом домой! Собрала свое шмотье — у меня собирать-то нечего было, все в одной сумке, я же перекаати-поле, и — на вокзал! Села в первый же поезд на Москву...

— Это было у тебя — куда глаза глядят или...

— Конечно, «или». Не такая уж я беспутная, как ты думаешь, — упрекнула меня Лора. — Я знала, что в английском посольстве уже вот-вот будут готовы все разрешительные документы и двери туманного Альбиона откроются передо мной...

— Сто раз хотела посмотреть в энциклопедии, что такое Альбион, но так и не удосужилась, — призналась я.

— Все просто. Так в древности назывались Британские острова.

Мистер Сорокин уже выпил у нас весь чай и съел почти все бутерброды, оставив нам два — самых маленьких. Поев, он дал нам понять, что сыт не только скромным ужином, но и нашей информацией, и приступил к своим прямым обязанностям.

— А можно предположить, Лора Витальевна, что это были вовсе не призраки, а живые люди? Знаете ли вы, например, что именно возле березки был убит радиоинженер Алик Токарев?

— Алик? Нет... Ты почему мне не сказала, а? — накинулась она на меня. — Ведь прекрасно знаешь, что мы были знакомы!

— И вполне возможно, что вы останавливались для молений, так сказать, как раз возле этой самой березки...

— Боже мой... Боже мой... Значит, его убил тот... который был привидением...

— И на кого это привидение, простите за глупый на первый взгляд вопрос, было похоже?

— Оно было похоже... на то, которое заставило меня прыгнуть из окна!

— То есть, как я понял — на Бориса Демьяновича Тапочкина, — уточнил Сорокин.

— Да... Но как же так! Оно же было высоким, я вам уже говорила... И белым...

— Вполне возможно, что свет фонарей и луна... Луна светила?

— Да...

— Так вот, и фонари, и луна изменили его силуэт, и, сливаясь с собственной тенью, он мог благополучно следить за вами...

— Кто?

— Ну, скажем пока так — человек, похожий на Тапочкина. Сейчас наши люди тщательно проверяют, кто бы это мог быть... Есть уже много интересных фактов, но... Словом, пока они еще не связываются в единое целое! Кстати, Лора Витальевна, Тапочкин, добиваясь вашего расположения, многое рассказывал вам о себе, вы об этом упоминали. Постарайтесь вспомнить — не рассказывал ли он о своем житье-бытье в Сибири? Ну, не описывал ли, скажем, ее красоты — скалы там, сопки с цветущим багульником, а?

— Нет... Кажется, нет... А почему вы об этом спросили?

— Есть причина. Однако на нет и суда нет. Так что продолжим дальше наше исследование человеческой психологии... Я считаю, что именно в этом состоит разгадка тайны преступления... Так вот, мне совершенно не ясно — почему он вынудил вас бежать, а потом устроил настоящую слежку? Вероятно, вы увидели или узнали что-то такое, чего не должны были видеть и знать... Что же это было?

— Ничего. Я не знала никаких филармонических секретов, понятия не имела о махинациях, которые там творятся.

— И все-таки... Очевидно, он был уверен, что вы что-то заметили, хотя на самом деле вы оказались не наблюдательны. Но он-то про это не знал! Так вот, проанализируйте все свои действия в тот вечер... Пожалуйста... И мы вместе посмотрим, что же за всем этим скрывается...

Лора наморщила лоб и стала перебирать все свои филармонические дела, о которых я, собственно, уже знала. Она повторила, что собралась уже уходить домой, но решила еще раз показать Тапочкину новую афишу. Какую? Цирковых артистов — через месяц в городе должен был выступить цирк на сцене... Я насторожилась, потому что явно услышала что-то очень важное, но не зафиксировала в голове.

— Пожалуйста, повтори, что ты сейчас сказала. По возможности — дословно, — попросила я и объяснила, чем вызвана моя просьба.

— Дословно? — переспросила Лора и медленно стала повторять уже сказанное. — Стала уходить... решила еще раз показать...

— Стоп! Лора, когда ты мне рассказывала все первый раз, то у тебя не было этого «еще раз»? Почему же еще раз?!

— Да потому, что я уже показывала ему свой текст! И он ему понравился!

— Так какого фига ты опять к нему потащилась?

— Но я придумала новое название афиши! «Всегда в полете» — понимаете?

— Понимаем, — ответил Сорокин. — И думаем вот что. Человек, похожий на Тапочкина, был уверен, что вы, Лора Витальевна, уже ушли домой, что на этаже никого нет. Он убивает администратора, либо администратор — своего двойника... Кстати, вы не слышали выстрелов?

— Да черт его знает... Если это похоже на то, как хлопает шампанское...

— Да, похоже...

— Тогда, может, и слышала. Не помню. Но помню, что подумала — кто-то где-то пьет... Что-то, наверное, справляет... Собственно, сразу после этого я и пошла туда...

— Так вот, он убивает администратора, и вы это слышите, он хочет уйти, но тут, Лора Витальевна, появляетесь вы со своим этим... вечным полетом, что ли... Он вновь скрывается и, возможно, наблюдает за вашей реакцией на убитого, понимает, что вы бросились в свой кабинет, дабы оповестить весь мир о случившейся трагедии. И тут, я думаю, он бежит, ему надо успеть скрыться, но у вас в кабинете открыта дверь, и вы его видите... Вот что вам не следовало делать!

— Открывать дверь... То есть — ее надо было закрыть...

— Да! Вы его увидели, и что ему оставалось делать?

— Что? — еле слышно спросила Лора.

— Избавиться от вас как от свидетеля! Но убивать вас он явно не хотел, почему — это особый вопрос, мы его потом обязательно обсудим, когда покончим с этим. Он решил... надавить на вашу психику, что ли! Только что вы видели убитого администратора, а теперь покойник ожил... Он приближается к вам, он все ближе и ближе... И ваши нервы не выдерживают! Вы бросаетесь из окна, бежите! И он, выйдя из здания, бежит за вами — очевидно, ему важно, чтобы вы по пути кому-нибудь не рассказали обо всей этой мистике...

— А, возможно, ему с Лорой было просто по пути. В той стороне — вокзал, — заметила я, хотя вновь вспомнила, что за мной-то призрак шагнул на следующий день — наверное, он потерял из вида Лору и хотел выведать, не у меня ли она...

— Возможно. И тут он неожиданно натывается на Алика Токарева, который хорошо знает его в лицо. А потому надо думать, что это никакой не двойник, а сам администратор, которому выгодно, чтобы его считали убитым. Он убивает Алика, потому что не может рисковать. Только вот чем? Неужели теми пятьюдесятью тысячами долларов, что исчезли из сейфа? Тут, между прочим, наш камень преткновения. Сколько мы обсуждали происшедшее, всегда на него натываемся. Ведь эти деньги он мог просто украсть! Так украсть, что никто бы не подкопался! Валентина Васильевна Орлова уверена, что деньги здесь — вовсе не самое главное. Человек, похожий на Тапочкина, либо сам Тапочкин, прихватил их... попутно. Но чтобы поломать всю свою жизнь, убить двоих, а, возможно, и троих людей, скрываться, зная, что, если его найдут, то это — зона на все оставшиеся годы — для этого должна быть более веская причина. Очень веская. Уж никак не несколько десятков тысяч долларов...

— Но, может, хитрость в том, что Тапочкин убит? А раз его нет в живых, то кто же примется искать Тапочкина-преступника? Думаю, прежде всего надо разгадать эту загадку, — сказала я.

— Разгадываем. Ваша подруга хотела завтра утром подъехать, вернее, уже сегодня, — взглянув на часы, поправил себя Сорокин. Я-то, собственно, прибыл для подстраховки — она не была уверена, что сможет... Ждала каких-то важных сообщений...

Лора заерзала в кресле — она явно хотела спросить о чем-то важном для себя:

— Но... вы не сказали, почему он... то есть человек, похожий на Тапочкина, не хотел меня убивать?

Сорокин посмотрел на нее с явным любопытством и в свою очередь спросил, не догадывается ли она об этом сама.

— Нет... Нет, я не думаю...

— Лора Витальевна, вы богаты. А будете еще богаче. И он знал об этом, если это он... Тут уж я сам начинаю путаться, извините... Валентина Васильевна и ехать сюда решила в основном затем, чтобы поговорить с вами на эту тему... Предостеречь... И пока ее нет, я вас умоляю, — будьте осторожны!

— А что... может случиться?

— Все, что угодно. Поймите, чтобы ответить на ваш вопрос, надо знать три главные вещи, а не главных — еще больше. Вот эта троица: кто убит — Тапочкин или нет, почему произошли убийства, то есть верны ли наши догадки, и как преступник намеревается действовать дальше... Что именно хочет от вас... Галетов, например, давно и прочно связанный с Тапочкиным. Он ведь в последнее время крутится возле вас?

— Крутится... А вахтер... Вы сказали, что и его убили... За что? Он-то кому мешал? — спросила Лора. — Я видела, как он в карты играл... Смешно так... Чего-то им пошепчет-пошепчет, и выигрывает...

— Давно видела? — спросила я.

— Давно... Еще когда только к вам приехала... Какую-то статью про филармонию писала... О, да, о директоре — его юбилей был! Приходила к нему и видела. Он ведь меня потому и взял в филармонию, что я о нем писала!

— Помню я твою статью. Она по моему отделу проходила. Карты, говоришь... И на кону деньги были?

— Не знаю... Может, он проиграл кому, долг не отдал, его и...

— Дорогие дамы, оставьте свои пустые предположения, все эти карты нами уже проиграны. Я предлагаю, хоть мы все и устали, еще раз пройтись по тому страшному вечеру...

— Ага, прогуляться, — сострила я.

— И прогуляемся! — с энтузиазмом воскликнул Сорокин, но его пыл прервал телефонный звонок. Дежурная гостиницы спрашивала меня, могу ли я принять гостью по фамилии Орлова, которая непременно хочет попасть в мой номер. Я ответила, что приму ее с радостью, и, положив трубку, воскликнула:

— Валентина приехала! Она приехала, наконец!

— Я же говорил, что так и будет! — обрадовался Сорокин. Ему явно не хотелось больше киснуть с нами одному — мы ведь не подпитывали его новыми идеями, фактами, знаниями, а больше слушали, ахали и охали...

— А почему о вашем приходе дежурная не предупредила? — спросила я Сорокина.

— Наверное, потому, что я пришел раньше двенадцати, — просто ответил он.

...

Глава 15

Дверь, которая была отперта мной заранее, отворилась, и на пороге появилась улыбающаяся, с новой короткой стрижкой, в вечной кожаной куртке, но не в брюках, как обычно, а в длинной красивой черной юбке и замечательных модных ботинках — Валентина!

— Здравствуйте, друзья! — выдохнула она, и комната наполнилась такой живительной энергией, что мы с Лорой, несмотря на важность ночного разговора начавшие, было, клевать носом, окончательно встряхнулись и почувствовали себя готовыми на подвиг. Собственно, про себя я предполагала, что подвиг предстоит совершить Лоре. Так оно и получилось...

— Какое солнечное явление! — воскликнула я и принялась обнимать свою похорошевшую и посвежевшую подругу.

— Спасибо. Это, наверное, от радости, что дела движутся. Неповоротливые такие в последнее время у меня дела... Как сонные рыбы, зарывшиеся в песок... или в ил... И вдруг то одна поплывет, то другая... В конце концов, движение — жизнь...

— Правильно! — воскликнула Лора.

Я с удовольствием представила их друг другу.

— Лора, она же — Лаура. Отважная парашютистка.

Лора встала и картинно поклонилась.

— А это — Валентина Орлова. Непревзойденный детектив. Частный. То есть — независимый. И мудрый. И отважный. И...

Валентина прервала меня и стала внимательно изучать Лорино платье, которое я аккуратно повесила на видное место, причем Лора следила за этим с некоторым беспокойством — ей явно хотелось поскорее приступить к делу. Минут через десять мы, и в особенности Сорокин, обрисовав всю нашу детективную ситуацию в свете новых знаний и фактов, с замиранием сердца стали слушать рассказ Валентины, прерывающийся нашими с Лорой «боже, неужели такое возможно, невероятно!»

Во-первых, после дополнительных проверок не осталось сомнений, что группа крови убитого под видом Тапочкина человека была первой, а у того Тапочкина, который отважился в больнице на прямое переливание, спасая пострадавшего, — третьей, хотя резус у того и другого мужчины — отрицательный.

Во-вторых, брюки Тапочкина, в которых похоронили убитого, действительно оказались ему велики, для приличия их пришлось подшить на живую нитку, и это потому, что покойный ростом был меньше администратора.

В-третьих, карагандинец Дима Трухин вовсе не перепутал дату приезда к нему Тапочкина — Борис Демьянович был у него действительно в тот самый день и час, в который должен был уже покоиться на кладбище, и это подтвердили сразу несколько человек. Валентина разговаривала с ними сама. Что нужно было Тапочкину в Казахстане? Чего он там искал? Дело в том, что один из его бывших приятелей, художник, только что взят под стражу за подделку документов. Это был профессионал высочайшего класса — произведенные им на свет удостоверения личности, дипломы и прочие документы невозможно было отличить от настоящих... К нему-то Борис Демьянович и направил свои стопы. И под каким именем он сейчас разгуливает, «профессионал» не помнит или пока не хочет вспоминать... Клянется, что в те дни у него было много заказов, люди называли самые

невероятные имена, отчества, фамилии, и удержать их в памяти было просто невозможно...

В-четвертых, место рождения Тапочкина, указанное в его паспорте — небольшой поселок в далеком сибирском крае — документально подтвердить оказалось невозможно — записи, хранившиеся в сельсовете, сгорели еще несколько лет назад, а районный архив был в полусгнившем состоянии.

Но спецгонец из районного УВД, отправленный в тот поселок для разговора с местными жителями в целях поиска следов Тапочкина, принес оттуда неожиданную весть: в этом поселке золотоискателей, примыкавшем к довольно известному прииску, когда-то почти одновременно родились два Тапочкина! Один — в пятьдесят первом, другой — в пятьдесят втором году... Погодки. И местные жители уверяли, что братья всегда были похожи, словно близнецы... Правда, пошли они разными путями — Борис учился музыке у вольных зэков, что находились там на поселении — бывший профессор консерватории, определив, что у мальчишки хороший слух, приглашал его к себе домой, где было фортепиано, и старался вложить в него свои знания и умения, никому не нужные долгие годы. И Борис, как думали односельчане, стал артистом. Второй же брат, Зиновий, особых способностей ни к чему не проявлял и, как и половина жителей поселка, стал работать на прииске. Увлекался охотой. Когда родители умерли, жил в доме один. Однажды отправился на охоту и пропал. Назвали даже год и месяц, когда это случилось. Собственно, людей в тайге пропадало много, и вряд ли кто мог сказать с точностью, когда именно они исчезли. Но с Тапочкиным вышло иначе — он сгинул как раз тогда, когда пропал самолет с золотом, летевший с прииска в областной центр. Это был старый «кукурузник», и для него на прииске специально построили небольшой аэродром. В определенные дни он прилетал на этот отвоеванный у тайги пятачок, загружался золотом — впрочем, загружался — слишком громко сказано, все золото могло поместиться в небольшом саквояже — и улетал обратно. Правда, Зиновия Тапочкина, Зеньку, потом нашли — в отличие от самолета. Нашли и обвинили в убийстве другого бродившего по тайге охотника... Улики были весомые, главная — охотник был убит пулей, выпущенной из его, Тапочкина, охотничьего ружья... Дали Зеньке пятнадцать лет, а не вышку, приняв во внимание, что преступление он совершил случайно, когда целился в зверя, что вообще пуля — дура, и чего только не бывает на охоте... С тех пор местные жители его не видели...

И, в-пятых, колония строгого режима, где отбывал наказание Зиновий Тапочкин, выпустила этого заключенного из своих ворот на свободу ровно за месяц до того, как в филармонии нашего города был убит администратор Тапочкин...

Конечно, по логике вещей должно быть и в-шестых, и в-седьмых, и в-восьмых — как-никак, убит-то был не один Тапочкин, а и вахтер, и работник радио... Но Валентина думала, что это лишь попутные жертвы. Хотя относительно Хромова она не была в этом уверена, там довольно остро стоял и женский вопрос, причем стоял в тупике, потому что до последнего времени жена и дочь убитого по-прежнему что-то скрывали...

Когда мы все это выслушали, Валентина обратилась к Лоре:

— А теперь, дорогая парашютистка, осмелюсь вам заметить, что вы находитесь сейчас не в меньшей опасности, чем раньше, а, возможно, даже и в большей.

— Из-за того, что я стала богата?

— Из-за того, что вы будете необычайно богаты в будущем. Как я поняла, завещание ваша замечательная тетя составила в вашу пользу. Ведь так?

— Так... Тетя Полина сказала — это плата за то, что они меня не растили... Что я воспитывалась в детдоме... Они с тетей Симой об этом не знали, но все равно чувствуют себя виноватыми...

— Когда я искала, так сказать, корни Галетова, то побывала в вашем детдоме. Ваши родители утонули...

— Да. Мы часто ездили на рыбалку. На Ладогу. У нас и лодка своя была. Я и сейчас вижу, как волны вдруг на озере поднялись, стали размером с пятиэтажный дом... Я тоже тонула, но меня спасли...

— А как вы нашли своих родственников за границей?

— Папа мне рассказывал, что у него были две старшие сестры, которых во время войны немцы угнали в Германию. Они работали там на какой-то ферме... А когда война закончилась, побоялись возвращаться... Ходили слухи, что их, как и пленных, отправят в лагеря... Я до сих пор не знаю, правда ли это...

— Отчасти...

— Папа всегда говорил об этом шепотом, боялся, что кто-нибудь узнает... Хотя бояться было вроде бы уже нечего. Он не знал, где живут сестры, а они, оказывается, не знали, где он — отправляли запросы, но... Родители мои познакомились на Урале, а потом обосновались у мамы на родине, в Ленинградской области. Немудрено, что тети в своей Англии не могли отыскать брата... А между тем, как рассказывала тетя Полина, им этого очень хотелось — они надеялись, что он женился, и у него есть дети... Сами они были бездетные. А знаете, как тетки мои оказались в Англии? О, тут целое кино можно снять! Тетя Полина была очень бойкая и, решив не возвращаться на родину, познакомилась с англичанином, причем случайно — она попросилась в английский госпиталь обслуживать

раненых, есть-то надо было что-то, и ее взяли. А он как раз там лечился, раны свои залечивал. Влюбился в нее без памяти и увез с собой в Англию. Ну, и тетю Симу заодно. Там они и поженились, причем он оказался сыном очень богатых родителей, которые тут же выделили ему его долю. К сожалению, он рано умер, и тетя Полина стала сама вести все дела. Она и фермерша отличная, и домовладелица удачливая! А тетя Сима как бы при ней, так и осталась старой девой. Но удивительно добрая!

— Но как же они вас нашли? Или — вы их?

— Случайно. Вообще случай в моей жизни — это потрясающая закономерность. В наш детдом приехали иностранцы с подарками. Это было под Новый год. Стали с нами беседовать через переводчика. А я этому переводчику возьми, да и скажи, что у меня за границей живут две тети, только они про меня ничего не знают... Тогда один старичок из делегации вынул свой блокнот и все-все записал — фамилии, имена, отчества моих родителей, адрес, где мы жили. И сказал мне, что запустит «кругосветку», то есть — запрос организует по всему свету... И, знаете, спасибо ему — я все-таки получила письмо от тетушек... Мы с тетей Полиной очень похожи, я бы тоже могла всеми ее делами заправлять!

— Лора, а когда вы выходили замуж, мужа своего любили?

— Нет, — просто ответила она. — И тут у нас с тетей Полей сходство — она ведь тоже за своего английского офицера выходила без любви... Муж — мой спаситель. Он меня полюбил и спас. От бездомности, бедности, от голода, в конце концов! У меня такой характер, и со мной бывают такие выверты, что мало кто может долго меня терпеть. Но я иначе не могу! Мне нужны свобода, независимость, перемена мест...

— Да хватит тебе на себя наговаривать, — заметила я. Но все же вспомнила и добавила: — Да... Картину-то мою ты стащила...

— Ну, я же тебе сказала — воспоминание... Да и захотелось какой-то авантюры. Если бы я предвидела, что у меня будут эти ужастики с вылетом в окно...

Мне понравился ее ответ — он был честным. Во мне и самой часто появлялось желание выкинуть что-нибудь этакое, но поскольку жизнь моя была и так наполнена интереснейшими событиями и разнообразными сюрпризами, то и осуществлять это желание было излишним.

— Девочки, не надо уходить от темы, у нас мало времени, — заметила Валентина.

— Но я могу задержать всю нашу группу, — решительно сказала Лора. — Не забывайте, ведь я — хозяйка коллектива.

— У нас мало времени потому, что убийца — на свободе! И каждый новый день таит в себе опасность. Ну, хотя бы для вас, Лора!

Только тут мы заметили, что очередной новый день уже начался, что за окнами стало светло. Сорокин, видимо, лишь того и ждал — назвав нашу главную детективщицу «широковещательной» Валентиной, он спросил, не пора ли сходить в магазин и принести чего-нибудь поесть — в провинциальных гостиницах, как правило, нет круглосуточно работающего буфета. Мы с Лорой хором ответили, что пора эта давно наступила, сбросили свои денежки в общую кассу и отправили гонца в магазин.

— Итак, двигаемся дальше... Вы, Лора, намерены развестись с мужем и вторично выйти замуж? — спросила Валентина.

— Была намерена. Но что-то во мне за эту ночь переменялось. Так что подумаю еще, кого осчастливить: то ли своего верного Германа, то ли Илью... Я вложила деньги в коллектив, где Илья — режиссер Я купила его, а он купил меня... Вот как получилось... Купил романсами, тем, что у меня есть теперь любимое дело... Я ведь маленькая в музыкальной школе училась, и в детдоме меня во дворец пионеров отпускали к преподавателю музыки... Илья сделал все, чтобы я была довольна собой. И тетя Полина. И тетя Сима, которая преобразила меня внешне. Эти три человека постарались, чтобы я была счастлива. И я ни в чем не могу подозревать Илью.

— У нас тоже пока нет повода его в чем-то подозревать, — заметила Валентина. — Но вот что меня интересует и, не скрою, очень волнует — он вас любит? Вопрос не праздный, сразу говорю...

— Любит ли он меня? Он мной гордится... Я для него — маленькая девочка, затерявшаяся в пространстве Вселенной, и малышку эту надо спасти... Девочка, правда, богата, руководит большим, хорошим коллективом, в том числе и им, Ильей... Но в этом шоу-бизнесе так легко оступить... Один неверный шаг, и конкуренты сотрут тебя в порошок. А он ведет. И одновременно носит меня на руках — в прямом и переносном смысле... В нем есть этакая усталость от жизни, ироничность, даже некоторый сарказм, но вся эта смесь на данном этапе оказалась мне нужна... Не знаю, объяснила ли я вам что-нибудь...

— Что-нибудь. Но вы не ответили на мой вопрос, — не отступала Валентина.

— Я не знаю, любит ли он меня. Скорее всего, что нет... И я могу говорить об этом спокойно — любовь приходит и уходит, а понимание друг друга, общее дело — любимое, не забудьте — остается... И привязанность — он мне нравится... Он такой раскованный мужчина... Учитель жизни... Но скажите откровенно, почему вас это волнует?

— Скажу, Лора. У меня есть предположение, что администратор, живой и невредимый, убивший своего брата, о котором никто не знал, чтобы все подумали, что это именно он — Борис Демьянович, и не предъявляли

ему никаких претензий, захватив из сейфа филармонии денежки, а перед этим и дома у себя все подчистив, сейчас вовсе не отдыхает, не поживает на лаврах, не наслаждается жизнью, а плетет какую-то новую хитрую сеть. Сразу же после убийства он съездил в Караганду, нашел знакомого художника, который умело подделывал документы, запасся, очевидно, новыми ксивами, и теперь он вовсе не Тапочкин, уверяю вас, а какой-нибудь Станислав Сидоров или Вадим Петров... И сеть эта, скорее всего, будет расставлена для вас... Возможно, он открылся Галетову, и ваш друг детдомовского детства сейчас с вас глаз не спускает... А Илья может быть «кораблем», зафрахтованным обоими...

— Но что им нужно от меня?

— Им нужно, чтобы вы развелись с мужем, вышли замуж за Илью, получили свое наследство, то есть оформили все по закону...

— Но тетя Полина чувствует себя хорошо, врач, который ее наблюдает, всегда крикает и говорит одно слово, причем с такой довольной улыбкой! И знаете, какое это слово? Бодрячок! Так что...

— Но тетя уже сейчас может дарить вам что-то существенное... Например, дом в том же Йоркшире...

— Может...

— Илья, став вашим мужем, будет настраивать вас на получение подобного подарка...Одного, другого, третьего... Тем более, если ваши тетушки заживутся на этом свете... И я думаю — чем существеннее будут подарки, тем быстрее вам будет вынесен приговор...

— Какой... приговор? Да вы соображайте хоть, что несете!

— Они избавятся от вас, Лора! Все останется наследнику — Илье, который просто обязан будет щедро поделиться со своими поделщиками — ведь если бы не Галетов, а, значит, и не Тапочкин, скрывающийся у него за спиной, Илья никогда бы ничего про вас не узнал, и не подошел бы к вам, и не познакомился бы... Впрочем, вполне возможно, что эта троица будет ждать, когда тетушки отправятся в мир иной, чтобы получить — все! После вашей смерти, разумеется... Вы уж извините, что я так прямо...

Сорокин, который успел не только вернуться, но и разложить на столе все свои покупки, заметил:

— Я тоже хотел это сказать, да не решился...

— Знаете, я всего в жизни навидалась, — вдруг звонко сказала Лора. — И я страдала, и от меня страдали... И психологию человеческую я хоть немного понимать научилась... И потому я вам не верю. Не хочу верить... Где факты, господа?

— Хм... Факты на стол! Правильно! — обрадовалась Валентина. — Тапочкин не убил вас, как своего брата, которого он недели три холил и ле-

леял с помощью парикмахера и массажиста, чтобы стереть с его облика следы зоны и сделать похожим на себя, как Алика Токарева, который и видел-то его, верно, только мельком, да и пьян был к тому же. Однако — получай нож в спину! Вы были для него опаснее, но в то же время вы — курица, которая будет нести золотые яйца. Знаете, он, когда пытался охмурить певицу Констанцию Васильевых, то предлагал ей купить дом в райском уголке... То ли на Кипре, то ли на Мальте, я уже забыла... А это дорогая покупка... И украденных в филармонии денег на нее явно не хватит...

— Хм... А тот самолет-то с золотом... Ну, который разбился... Куда это золото девалось? — совершенно неожиданно спросила Лора, повергнув этим Валентину в глубокое изумление.

— Лора, я должна вам сказать — вы необыкновенная, потрясающая женщина!

— Да мне все это говорят в последнее время, я уж привыкла, — спокойно ответила девушка.

— Но, возможно, никто не говорил вам, что вы — прозорливая женщина и у вас аналитический ум... Дело в том, что тайга поглотила все. Никаких следов самолета и золота найдено не было. Местные жители подозревали, что самолет был расстрелян с сопки, но, похоже, сами стрелки не сумели воспользоваться плодом своих «трудов» — во всяком случае, такие ходили слухи... А вы... Вы подумали как-то иначе, да?

— Но если тот Тапочкин — Зиновий, да? — утащил золото, то где оно было, когда он сидел в тюрьме? Где-нибудь прятал, да? А потом, освободившись, нашел свое богатство, приехал к брату, все ему рассказал... И тот... Я ведь к чему веду — если человек забрал из кассы пятьдесят тысяч долларов, да мешок... или мешочек золотишка у него есть, то к чему ему мое призрачное английское приданое?

— Это глупый вопрос, Лора. Представьте — Илья оказывается владельцем приличной недвижимости в Йоркшире. Борис Демьянович может в любое время приехать туда как в свой дом, чтобы наладить какие-то деловые связи, открыть свое дело, если ума хватит... В конце концов, какое-то помещение он может и в подарок от Ильи получить! Валентина помолчала и с горечью произнесла: — Вообще-то есть и факты, которые убедят вас больше. По делу Тапочкина работает целая группа оперативников. За ним ведется наблюдение. На днях его видели в обществе Галетова в Питере, недалеко от Московского вокзала... На той улице, где в энном институте трудится ваш муж... Подозреваю, что Борис Демьянович не хочет ждать, пока вы разведетесь с мужем... А вдруг вы передумаете? Легче устроить Герману Теодоровичу, скажем, автокатастрофу... Ах, да, таковая ведь уже была... Ну, тогда подстеречь его вечером в подъезде...

— Валера на это не способен! — выкрикнула Лора.

— Какой Валера?

— Галетов!

— Ах, да... Может, и не способен, не спорю. Но тогда он просто выполняет поручение Тапочкина — тот, думаю, все же опасается слишком много разгуливать по улицам... А поручения эти, скорее всего, нацелены на... то, что я сказала. На ликвидацию Всеславского... Между прочим, люди меняются, Лора Витальевна. И ваш Валера, бывший, может, паймальчик, пройдя несколько жизненных циклов...

— Видоизменился... И только... — перебила Лора. — И он не был паймальчиком. Это был горький мальчик. Но я не хочу вспоминать, когда-то я дала себе слово — не вспоминать детство. Детдомовское. И — все! Валерку не трогайте! Знаете что, вы лучше его к себе вызовите и расспросите обо всем! Я бы тоже не отказалась присутствовать...

— Мы давно об этом мечтаем! — заметил Сорокин, а я тут же спросила Лору, как именно можно вызвать Галетова.

— Да, честно говоря, он все время где-то около меня... Как будто охраняет, — поведала нам Лора. — И я не удивлюсь, если, открыв сейчас неожиданно дверь, мы увидим там его физиономию...

Сорокин тут же встал и резко распахнул дверь. За ней стояла дежурная. Подслушивала? А, может быть, только что подошла? Но зачем? Почему не позвонила?

— Вы — к нам? — спросил он.

— Да... То есть... Мне нужна Всеславская... Пусть выйдет...

— Будет лучше, если вы зайдете. Она здесь.

— Нет, пусть выйдет. У меня для нее конфиденциальное сообщение.

Лора вышла, дежурная сунула ей в руку какую-то записку, предупредив, что она должна прочесть ее одна, и тут же ушла. Вернувшись в кресло, Лора развернула бумажку. На ней был рисунок — торопливо набросанная часовня... И подпись: «Верни оригинал тем же путем, иначе тебя там отпоют»!

— Опять... Опять, опять! — воскликнула Лора. — Каждый день! Немыслимо! Они достанут меня с этим оригиналом!

— Любопытно, — заметила Валентина. — А в чем дело?

— Ты утащила какую-то картину, и ее просят вернуть? — предположила я. — На картине изображена эта часовня...

— Да не было никакой картины! Была ничего не значащая бумажка, которая у меня тут же пропала... Я ее где-то посеяла... Может, когда выпрыгивала из окна...

— Интересно, интересно... Значит, она из того рокового вечера... Может, это и есть то недостающее звено, которое мы все усиленно ищем? Пожалуйста, расскажите все очень подробно...

— Да тут и рассказывать нечего! Когда я вечером в филармонии решила показать еще раз Тапочкину текст афиши с новым названием и вошла в его кабинет, то от увиденной картины у меня все бумаги выпали из рук... прямо на администраторский стол, а со стола — на пол, где уже валялся... рисунок вот этой церкви...

— Часовни, — поправила я ее.

— Ну, часовни. Но я, хоть и была без ума от страха, листы свои не оставила, да и ту бумажку заодно подняла, и — бежать! А потом... не знаю, куда она подевалась. Помню, когда я хотела позвонить в полицию и в «скорую», эта бумажка лежала сверху. Рисунок, сделанный шариковой ручкой с черной пастой...

— Такой же? — волнуясь, спросила ее Валентина, показывая на переданную дежурной записку.

— Да нет. Но тут определенно — тоже часовня. На том рисунке она была красивая, какая-то вся ажурная, даже кирпичики были изображены... Они составляли определенный рисунок...

— А мы ведь о чем-то подобном с вами и думали, Валентина Васильевна! А Серж в это не верил... — заметила я.

— Мне и Галетов говорил, что кое-кому надо от меня эту бумажку... Но я сказала Валере, что не знаю, где она, не помню, как и куда она исчезла! Ну, ведь обстоятельства-то какие были, а? Может, я этот несчастный рисунок в окно выкинула, и все! — Лора, не выдержав, даже всхлипнула.

— А текст афиши куда делся? Мы не нашли его в вашем кабинете, Лора Викторовна, — спросила Валентина.

— Не нашли? Ох, ну, конечно же, не нашли! Ведь когда появилось это привидение, я стояла с бумагами в руках... А потом отходила с ними к окну... И прыгнула!

— А бумаги и рисунок?

— Хм... Может, в карман машинально сунула? Я уже не помню... Думала ведь о том, чтобы руки-ноги целы были, а не об этих бумажках...

— В карман... плаща? — уточнила Валентина.

— Да. Чего же еще?

— А потом куда вы в этом плаще делись?

— Да в Москву же поехала. Там приступила к главному — отправилась в посольство Великобритании... Я предполагала, что все документы для поездки уже готовы, и действительно это было так. Но все равно дня мне не хватило, пришлось там задержаться, прежде чем ехать к мужу за день-

гами и за нормальной одеждой — не могла же я поехать за границу в той паршивой одежде... Знаете, сколько я в Москве пробыла? Неделю!

— И где ты жила все это время? — осторожно спросила я.

Лора так неожиданно и заразительно рассмеялась, показывая на меня пальцем, что я тоже заулыбалась и сидела дура-дурой, ничего не понимая, пока она не крикнула на весь номер:

— У тебя!

У меня, значит. О, да неужели...

— Да, да! Я вижу, до тебя дошло! Помнишь, мы вместе звонили из редакции твоей московской тетке? Я тогда запомнила номер... Позвонила прямо из посольства, сказала, что твоя подруга, что должна лететь в Англию, что надо пожить здесь несколько дней, а негде... Она стала о тебе спрашивать, я ей все рассказала — думаю, так старушка твоя проверяла, не аферистка ли я какая-нибудь. И — пригласила к себе. Видно, прошла я испытания. И жили мы с ней эту неделю душа в душу!

— И плащ там с тобой был, и бумаги?

— Плащ? Ну да, в чем бы я ходила! А бумаги... Я их куда-то выложила... Может, в мусорную корзину бросила... Не знаю, не знаю... Только мне все время напоминают про это скорбное место...

— Какое скорбное место?

— Да про часовню! Даже Илья как-то листал журнал, не помню уж какой, а там изображена похожая часовня... Так он спросил, не видела ли я ее когда-либо... Я ответила, что видела однажды на какой-то бумажке, но давно ее потеряла...

— А он?

— А он спросил как бы между прочим, не помню ли я того изображения в подробностях. Ну, мол, он увлекался старинной архитектурой, и ему интересно, как раньше строили... как ложились кирпичи... Я в ответ только руками развела! Илья и правда собирает снимки и рисунки церквей, монастырей, часовен... А еще мне звонили несколько раз во время гастролей. Не угрожали, но предлагали отдать бумагу, которая оказалась у меня в руках в тот страшный вечер... Мужчина намекал, что он из ФСБ, и что это была какая-то шифровка... Я сказала, что давно ее потеряла, что и не видела там ничего толком... Вроде убедила... И вот опять...

Сорокин, который успел спуститься к дежурной и спросить у нее о появлении записки, ясности в этот вопрос не внес — записка с рисунком появилась на столе у дежурной тогда, когда она покидала свой пост, а потом ей просто позвонили и попросили отнести ее в мой номер лично Всеславской. Дежурная призналась, что услугу эту неизвестный мужчина оценил в сто рублей. А еще ее попросили принять ответное послание...

Сорокин предположил, что дальнейшая связь тоже будет продолжаться по телефону, и связался с коллегами из местного управления, чтобы определили, откуда пойдет звонок.

Пока все пребывали в расстроенных чувствах от неопределенности и ощущения, что разгадка близка, я принялась рассказывать о тете, которая в свои девяносто лет имела отличную фигуру, бегала по всей Москве и выглядела так, что никто не верил в ее пенсионный возраст. Еще тетя отличалась тем, что ее богом была чистота! Все вылизано, вычищено, отглажено, накрахмалено... Что там Лора сказала про мусор? Да у нее и мусорного ведра-то давно нет. Она складывает отходы и ненужные вещи в специальный мешочек, и просто бросить туда ничего нельзя — надо этот мешочек открыть и аккуратно туда положить то, что на выброс. Тут Лорино швыряние не пройдет.

— Точно... Ты права... И я в этот мешочек ничего не клала... Я... кажется, просто бросила все в газеты! У нее там на кухне какие-то газеты лежали рекламные, бесплатные... Мне кажется, я туда и бросила — и бумаги из плаща, и газеты свои — ну, где мои статьи были... Подумала — еду за рубеж, на черта мне это! Она газетам рада была, просила меня не выкидывать их, а сложить в стопку, потому что они, мол, отпечатаны в старой типографии, по-старому, и она их сжигает и делает какое-то лекарство для ног... А из газет, которые печатаются офсетным способом, этого лекарства не сделать... Так вот, мне кажется, что вместе с газетами я все те бумаги и оставила. Только, ей-богу, не помню, есть там эта часовня или нет...

— Вообще-то моя тетка выкидывает все ненужное. Но чужое никогда не выбросит. Стопроцентно.

— Звони! — поставила меня перед фактом Валентина.

Я заметила, что нужно исключить местное подслушивание. Этим занялся Сорокин. Вернулся он быстро и, кивнув нам — все хорошо, можно начинать, тут же вновь исчез. Я глубоко вздохнула, зная, что сейчас мне придется выслушать теткинны упреки в том, что ее все забыли, и стала набирать знакомый номер... Конечно же, она начала с упреков, потому что ее действительно давно никто не навещал. Но всем нам было некогда это выслушивать, и я, уловив в ее речи нарождающуюся паузу, без всяких оправданий и предисловий спросила тетю, понравилась ли ей Лора, и цело ли то, что она оставила.

— Лора твоя мне не очень понравилась, — прямо заявила тетя. — Хотя с ней было интересно. Но ты ведь знаешь, я не люблю, когда человек в одном месте снимает свои колготки, в другом — юбку, в третьем бросает кофту... Я считаю, что всем в мире правит порядок. А вещей она никаких не оставляла, кроме нескольких газеток да листиков исписанных...

— Они целы? — волнуясь, спросила я.

— Разумеется. Я положила их в письменный стол.

— Значит, они сейчас рядом с тобой... Посмотри, пожалуйста, есть ли там небольшой листик, на котором нарисована часовня?

— И смотреть нечего. Есть. Ты же знаешь, какая у меня память. А что, он тебе нужен?

— Очень нужен. И я, скорее всего, за ним приеду... Может быть, сегодня же вечером... Жди меня.

— Я-то вас всегда жду... Вот только вы... — опять начала тетя свою песню, но я уже повесила трубку.

— Чем отсюда быстрее ехать? — спросила Валентина.

— Машиной, — твердо ответила я, потому что знала — железная дорога по пути к Москве делает огромный крюк, и поезд едет по нему три часа, а машина этот же отрезок пути по прямой дороге одолевает меньше чем за час.

Пришел Сорокин и предложил попросить машину у местных оперов, что сам тут же и сделал, пообещав коллегам ответные услуги в его с Валентиной городе. Выяснилось, что примерно через час в Москву пойдет «уазик» местного угрозыска, на котором в столицу срочно повезут какие-то документы. Сорокин кратко обрисовал ситуацию, заметив, что все мы здесь выполняем отчасти их работу, и ему пообещали, что машина без меня просто не сдвинется с места. Я же, сообщив в издательство о своем исчезновении примерно на сутки по личным делам, стала быстро собираться в дорогу. Собственно, было решено, что я оставлю в номере все как есть, то есть штаб под условным названием «часовня» продолжит здесь свою работу. Я решила не задавать лишних вопросов, хотя мне очень хотелось знать, зачем понадобилась эта часовня кому-то — скорее всего Тапочкину, очевидно, на рисунке есть какие-то знаки, которые помогут разгадать тайну... Не интересуется же его это строение как памятник архитектуры! Значит, оно указывает на место, где что-то спрятано... Как в старых детективных рассказах — пятнадцать шагов на север от парадной лестницы, три шага на запад, пять — строго на северо-восток, и там, где это место в двенадцать часов ночи при полной луне пересекает тень от стоящего рядом столетнего одинокого дуба, зарыто то-то и то-то...

— Я знаю, о чем ты думаешь. Ничего смешного. Предположим, Зиновий Тапочкин нашел золото из расстрелянного самолета... — сказала мне Валентина.

— Предположим, — живо откликнулась я. — Ничего в этом удивительного, ведь он шастал по тайге.

— Разумеется. И еще предположим, что это видел человек, которого он убил...

— Потому и убил!

— Да. Ну, не в тюрьму же ему было брать свое богатство! А поскольку он был волком-одиночкой, то и тайну свою решил сохранить, просто-напросто спрятав украденное... Своему успешному братцу-администратору он мог неверно указать тайник — для проверки... Борис Демьянович оплошал — проверки не выдержал и в то же время поспешил отделаться от брата. А когда пришел к выводу, что брат оказался умнее и осторожнее, было уже поздно... Но поскольку он видел, что Зиновий не расставался с этим изображением знакомой им обоим часовни — она, нынче заброшенная, находится в тех краях, где они родились, то и пришел к правильному выводу — золото там, за этими кажущимися вечными кирпичами... Только вот где именно? Это и должно быть указано на рисунке...

— Но ведь все это только предположения, — подала голос долго молчавшая Лора. — А история-то могла быть совершенно другой...

— Конечно! — воскликнула Валентина. — Вот почему нам так нужен Галетов!

— Ну, что ж... Надо позвонить Герману и сказать, чтобы он запустил на радио знак «Ч», — предложила Лора. — Валера всегда его слушает и сразу позвонит Герману, скажет, чтобы он немедленно связался со мной... До двенадцати еще много времени. Мы успеем!

Я пожалела, что не смогу присутствовать во время беседы с Галетовым. Но встреча и беседа с собственной тетей оказались куда как интереснее!

Глава 16

В Москву мы въехали позднее, чем думали — нас задержали заторы на дорогах, и капитан полиции, которому были вверены важные документы, боялся, что не успеет передать их по назначению. Поэтому я, чтобы сэкономить его время, вышла из машины прямо на шоссе, оставив водителю теткин телефон, чтобы машина заехала за мной на обратном пути, и пешком отправилась к своей милой родственнице. Однако я не учла, что давненько не была в этих местах — асфальтовый завод, возле которого жила тетя, здорово расширился, мне пришлось его огибать, я чуть не сбилась с пути и очень обрадовалась, когда, наконец, увидела знакомый четырехэтажный дом. Тетя, конечно же, была дома. Она, как и я, не привыкла терять время даром — на столе уже все было приготовлено для хорошего ужина, в термосе стоял заваренный чай. Привычка держать заварку в этом сосуде сохранилась у нее с прежних времен, когда они с мужем работали в Мостострое, возводили мосты в разных регионах страны и жили

в вагончиках. Но я тут же отругала себя за то, что не купила хорошей заварки — тетя заваривала чай, приобретенный ее давно почившим мужем еще лет двадцать назад — он любил делать запасы. Это был гранулированный чай, который в то время только входил в моду... Вот бы что ей давно надо было выбросить! Впрочем, я решила не обращать на это никакого внимания и сразу заняться делом. Тетя меня хорошо знала и, не дожидаясь никаких вопросов о ее одиноком житье-бытье, тут же выложила на обеденный стол бумаги, ради которых я и спешила в Москву. Поверх листов, исписанных Лориным почерком, лежал рисунок часовни...

— Ну, какая же ты молодец! — воскликнула я. — Сохранила, не выбросила!

— Ты же мою натуру знаешь... Разве я могла? И так казнь себя...

На ее последние слова я не обратила никакого внимания, потому что, отодвинув часовню, уже читала текст той «летающей» афиши... Неплохо написано, но... ничего особенного, во всяком случае, никакого полета не чувствуется... Странно... Скорее всего, когда Лора писала этот текст, в голове у нее было что-то совершенно другое... А часовня... Странная какая-то часовня... Вся витиеватая, с изящными кольцами круглых окон, с извилисто уложенными кирпичами... И зачем надо было этому Зиновию Тапочкину вырисовывать кирпичи? Ну, обозначил бы орнамент, и все тут! А, может, в этих самых кирпичах и зарыта собака? Очевидно, тут должен быть какой-то знак... Незаметный для непосвященного... А раз на рисунке нет никаких точек, стрелочек, галочек — так, может, этот знак и кроется именно в кирпичной кладке? Я еще раз вгляделась в эти призванные кому-то о чем-то многое рассказать кирпичи, обошла взглядом каждый сантиметр, дабы понять — что же мне показалось здесь странным, показалось с самого начала, и не могла определить... Что-то здесь не так, с этим рисунком... Но почему? Почему? И о чем-то таком заикнулась тетка... Произнесла какую-то фразу, которую я не поняла, но и не переспросила, чтобы понять... Все свои вопросы и сомнения я изложила тете. Это была очень мудрая и наблюдательная женщина — не зря она столько прожила на свете!

— Эх, вы, сыщики-прыщики! — начала она, поскольку я в общих чертах посвятила ее в наши криминальные проблемы. И вдруг неожиданно спросила: — Рисунок-то давнишний?

— Да. Ему не меньше пятнадцати лет.

— Ну, а тут чем нарисовано? Смотри!

Я посмотрела. Боже мой, гелевая ручка! В те годы такой ручки просто не существовало!

— Я поняла... Я поняла... Это подделка. Но что ты сказала, подавая мне эти бумаги? Ты в чем-то себя упрекнула, а я не обратила внимания...

— Мне жаль... Ты будешь меня ругать, ты скажешь — старая дура... Но я ведь ничего не знала...

— Да ты о чем, тетя?

— Помнишь, как я выбросила позолоченную ложку, которую мне твоя мама подарила?

— Помню...

— Так вот, твоя беспорядочная Лора выбросила в мусор точно такой же рисунок. Скомкала, и — в пакет! А он там распрямился, бумага плотная, и когда я выкидывала все это на улице, то его увидела... Рассмотрела... Но не стала вытаскивать — не думала, что может понадобиться... Но и с Лорой конфликтов не хотелось, поэтому я просто промолчала. А она, видать, этот рисунок воссоздала... Я так думаю... А, может, у нее их два было? Только зачем — не пойму. Ведь все равно с собой не взяла. Оставила...

— А ты ее об этом не спрашивала? Ну, зачем она это рисовала?

— Не спрашивала. Она сама сказала, что изучает историю таких вот построек... Готовится писать об этом — книгу, что ли... И еще... Мне показалось...

— Что, тетя?

— Но заметь, что мне только показалось, будто вот эта точка... смотри... — показала она мне на чуть заметную точку, затерявшуюся среди кирпичей часовни в левой ее стороне, — будто она на старом-то рисунке, который выкинули, была вот тут, справа... А теперь, видишь — слева...

Я совершенно не знала, что говорить, и потому села за стол и принялась есть, памятуя о том, что у меня впереди долгий путь. Жаль, что тетка моя хорошо воспитана и никогда не заглядывает в чужие вещи. Хотя...

— Тетя, я тебя люблю...

— Понятно. Что тебе надо? Хочешь, чтобы я тебе подарила свое любимое кольцо? Не сейчас. Попозже.

— Нет. Не кольцо. Я хочу, чтоб ты сказала мне правду.

— Нет проблем!

— Только не обижайся. Пойми, мне это надо.

— Да спрашивай, спрашивай!

— Ты в ее вещи не заглядывала?

— Как тебе сказать... Я ведь всегда должна быть уверена, что меня не обманывают, и заглянула в ее паспорт. Все было правильно. Как она мне представилась, так там и было написано...

— Паспорт? А разве он был не в посольстве? Хотя, видимо, все верно... А больше ты у нее в саквояже ничего интересного не заметила?

— Да нет. По-моему, там только одежда и была. Но я этого не касалась.

— Жаль...

— Майн готт! Да уж не пистолет ли я там могла найти? Ты что, мне преступницу подсунула?

— Нет, нет. Кстати, я ее вообще не подсовывала. Она сама. Запомнила твой номер телефона — я однажды при ней звонила, и прикатила. Тебе надо быть осторожнее...

Телефонный звонок прервал мои поиски истины и заставил быстро собраться и идти к ближайшей станции метро, куда за мной заедет полицейский «уазик». Прощаясь, я еще раз наказала тете быть осторожнее и выглядеть таким же молодцом! Она расплылась в улыбке и заверила меня, что доживет хотя бы до ста лет, но втайне надеется на большее. И все-таки я оставила ее с тяжелым сердцем...

Всю обратную дорогу меня мучили вопросы — зачем Лоре понадобилось делать копию рисунка, да еще в зеркальном отражении? Она что, знала, что рисунок будут искать? Если да, то почему не оставила первый экземпляр для себя? Впрочем, вполне возможно, что он просто порвался... От этих мыслей во мне стало расти недоверие к Лоре, которое вылилось в вопросы из другой «эпохи» — почему все-таки она прыгнула на асфальт, рискуя жизнью? Только ли от страха? Теперь я уже не могла ответить на это однозначно...

Глава 17

В гостинице все было по-прежнему — Лорин коллектив уехал в соседний городок очаровывать зрителей, а сама Лора, оставшись еще на день, переделалась в платье, красоту которого трудно выразить словами. К тому же оно было зеленым — этот цвет я особенно любила. Оригинальная прическа не оставляла надежды на то, что когда-нибудь эта женщина спустится с небес... Она тут же поведала мне, что Илья не хотел от нее уезжать, но коллективу нужен руководитель, артисты — люди в основном тонкие, интеллигентные, и в чисто организационных вопросах не могут без поводыря, а потом спросила, целы ли ее бумаги. Я ответила утвердительно, не вдаваясь ни в какие подробности. Она успокоилась. Мне, конечно же, хотелось побыть с Валентиной либо с Сорокиным наедине и рассказать им обо всех своих сомнениях, но возможности такой не было. Пока я вытаскивала на свет содержимое своей сумки, они перекидывались какими-то фразами, из которых я поняла — беседа с Галетовым состоялась. Что она прибавила к нашему расследованию, я не знала. Подавая бумаги Валентине, я осторожно дала ей понять, что хотелось бы кое о чем сказать наедине.

Валентина сразу заметила гелевую ручку и, недоуменно посмотрев на меня, начала:

— А почему...

Но тут же осеклась, поймав мой взгляд, и продолжила, как ни в чем не бывало:

— А почему здесь нет никаких обозначений? Смотрите, Лора Витальевна, ведь правда нет?

— Да... Кажется, нет... Но я, честно говоря, не вглядывалась... Надо бы рассмотреть все подробнее...

— А Галетов вам этой тайны не приоткрыл?

— Валера не знает, в чем тут дело, — тихо ответила Лора. — Он за меня сильно переживает. Кстати, подтвердил ваши догадки — мне угрожает опасность. Якобы от того, кто убил Бориса Демьяновича. Или его брата, я уж теперь и не знаю... Что этот человек практически неуловим. Валера не знает, где он живет, что делает, но этот двойник сам его нашел и попросил уговорить меня отдать эту схему... Рисунок... Вот теперь его и можно отправить...

— Конечно. И сделаем, как попросили — через дежурную, — предложила Валентина. — Но сначала рассмотрим его хорошенько и... — Она повернулась к Сорокину: — Надо бы отсканировать. Не копию снять на ксероксе, а на компьютере обработать. Можно?

— Попробую договориться. Я могу все это сам сделать, лишь бы коллеги пустили к компьютеру.

— Вот и отлично!

Валентина отдала ему рисунок, и он тут же ушел, дав мне, наконец, возможность переодеться.

А Валентина тем временем обратилась к Лоре со словами:

— Лора Витальевна, пока мы ждем Сорокина, расскажите нам, пожалуйста, об Англии...

— Об Англии... Но что именно вас интересует?

Тут я решила хоть на минуту сыграть «первую скрипку».

— Все, Лора, все! По каким улицам ходила, что видела, какие там люди, как живут, чего хотят... К тому же ты ни разу не показывала мне никаких фотографий — скажем, возле тетиного дома, или ее фермы, или... Мне, честное слово, интересно было бы взглянуть и на тетю Полину твою, и на тетю Симу...

— Кстати, Лора Витальевна, а как их фамилии? — вмешалась в разговор Валентина.

— Полина Паркенс! — торжественно возвестила Лора.

— А другая тетя? — не отставала я.

— А другая не была замужем. У нее девичья фамилия... Прудникова...

— А скажите, Лора Витальевна, Галетов всегда за вами ездил? — неожиданно спросила Валентина.

— Да что вы! Он многие годы и не знал, где я, что со мной! А когда я в их город, — Лора показала на меня, — приехала, вот там он меня и увидел, там мы и встретились!

— Как вы думаете, он вас... любит?

— Возможно. Мы в детдоме очень дружили. Клялись не бросать друг друга до самой смерти. Там нередко даются такие детские клятвы...

— И теперь он вас сопровождает... А на что он вообще живет? То, что он рассказал о своих доходах, неубедительно. Все это репетиторство, обучение тому, как держаться на сцене — все это ничего не стоит, потому что мало кому нужно. У него должен быть иной денежный источник...

— Есть и иной, Валентина Васильевна! Я — богатая женщина. Так неужели оставлю своего друга, позволю ему бедствовать! Но поскольку он — человек гордый и просто так деньги не возьмет, наш бухгалтер проводит его в ведомостях как инженера сцены! — призналась Лора.

— А он действительно что-то делает по инженерной части?

— Делает. Иногда. Он ведь в детдоме получил специальность электрика. Это уже потом учился в цирковом училище, которое, к сожалению, не закончил, порошу не хватило. А, может, ему так хотелось — ничего не делать. Такая вот жизненная позиция. Человек ведь всегда стремится к независимости...

— А вы, Лора Витальевна, какую специальность получили в детдоме?

— Я? Телефонистки. Могла швею выбрать, но не захотела — уж больно нудно!

— Да. Наверное, швея — не для вашей натуры. Беспокойной, ищущей... Скажите, а Галетов готов выполнить любое ваше поручение? — неожиданно спросила Валентина. Она вообще вводила разговор в совершенно непонятную для меня сторону, и я ерзала, не зная, как ей сказать про зеркальную копию часовни.

— Любое поручение? — переспросила Лора. — Но почему?

— Ну, потому, что он питает к вам какие-то особые чувства...

— Да нет. Мне непонятно, почему вы об этом спрашиваете?

— Пока я вам, пожалуй, не отвечу на этот вопрос, — начала Валентина. — Но думаю, что в скором времени...

Мне вновь показалось, что между Валентиной и Лорой возникло какое-то напряжение — но почему?

— А мне в скором времени надо заварить чай и поесть хорошенько, а то я весь день нормально за стол не садилась, — сказала я и отправилась в закуток-кухню.

Тут снова появился Сорокин, и, чтобы дать двум детективам пообщаться без помех, я позвала к себе Лору и попросила ее мне помочь, а когда она вытащила разделочную доску, добытую мной в гостинице, и стала резать сыр и колбасу, напомнила ей, что она так и не рассказала нам об Англии.

— Я могу говорить об этой стране бесконечно! — воскликнула Лора.

В Лондоне, как я поняла, на первом месте у нее стояла Королевская академия драматического искусства, музыки и танца, где она страстно хотела учиться. Что ж, вполне вероятно, что так и будет... Затем последовали рассказы об увиденных ею спектаклях в театрах Ковент-Гарден, шекспировском и других, коих там не менее сотни. Я попыталась оторвать ее мысли от театральных подмостков и направить их на лондонские улицы. Тогда она принялась рассказывать о Сити, Вестминстере, Ист-Энде, о том, чем отличаются эти лондонские районы один от другого, затем я словно воочию увидела замок Тауэр, собор святого Павла, знаменитые дворцы и церкви...

— Я думаю, что сейчас за мной приедет Илья, — вдруг неожиданно прервала она свой рассказ. — Мы договорились вчера, что он проследит за финалом концерта и придет сюда... Как ты думаешь, я смогу с ним уехать? — В ее голосе слышалось некоторое беспокойство.

— Думаю, никаких проблем, — спокойно ответила я. — Сейчас спросим у Валентины. Ты и так столько времени с нами потеряла... Но сама виновата — оказалась очень ценным свидетелем и удрала, — попыталась пошутить я.

По лицу Лоры пробежала злая тень, но я не придавала этому никакого значения — человек не спал почти двое суток, давал показания, пытался помочь следствию...

— В машине посплю, — мечтательно произнесла она. — Приеду, брошусь в постель, и — спать, спать... Кстати, первое условие омоложения и сохранения формы — это хорошо высыпаться!

Я выглянула в комнату — Валентина сидела за столом, сжав руками виски.

— А где Сорокин? — удивленно спросила я.

— Уехал. Ему здесь больше нечего делать. А вы что там тянете с вашим ужином?

— Айн момент!

Мы с Лорой внесли плоды своих трудов и уселись ужинать, причем она принесла лишние чашку с блюдцем и поставила их возле себя.

— А это зачем? Я же сказала, что Сорокина не будет! — кивнула на чайный прибор Валентина.

— Причем тут ваш Сорокин? Сейчас должен подъехать мой Илья.

— Ах, вот что! Конечно, конечно... Пожалуйста... Хотя для вашей же безопасности лучше бы остаться здесь.

— Но мне бы не хотелось задерживаться...

— Ладно, только помните, прошу вас, все мои советы...

— Хорошо, Валентина Васильевна, я буду осторожна...

— Вот мои координаты. И — Леонида Гавриловича Серженко с его командой, которая занимается всеми этими убийствами, — и Валентина протянула Лоре визитки с адресами и номерами телефонов.

— Спасибо, — пробормотала Лора, допивая чай. — Если что, то я сразу — под ваше крыло...

— Или к Серженко.

— Нет, под ваше. К тому же мне есть чем вам заплатить. Кстати, сейчас я вам ничего не должна?

— Нет, не должны.

О прибытии Ильи нас известила дежурная, спросив, можно ли его пустить в номер. Мы разрешили. Он вошел, красивый, чуть прихрамывающий, немного озябший, но все равно какой-то величественный. Сразу видно — человек сцены. Есть такие — у них каждое движение словно напоказ, для чужих глаз, для зрителей... Мы пригласили его попить чаю, и он с удовольствием сел возле Лоры, поцеловав ей перед этим руку. Изящно развернул конфету, подсунувшую ей, и, аккуратно откусив от нее кусочек, стал пить чай, причем беззвучно, не прихлебывая и не причмокивая от удовольствия. Мы молча взирали на этот яркий пример культуры поведения за столом. Чуть отодвинув от себя пустую чашку, он встал, поклонился, поблагодарил за гостеприимство, затем помог Лоре, которая уже хлопотала возле своей сумки, одеться и, подхватив ее под руку, быстро пошел к выходу. Обернувшись возле уже открытой двери, он торжественно сказал нам:

— Прощайте, милые дамы!

У нас же вырвалось привычное:

— До свидания!

Дверь захлопнулась, словно закрылся занавес после спектакля.

Глава 18

Наконец-то я смогла без помех рассказать Валентине о двух рисунках часовни, которые засекала моя тетка — оригинале, отправившемся на мусорную свалку, и копии, которая оказалась не совсем копией... Подруга слушала с интересом, а затем, подсев к телефону, стала звонить Сержу. Валентина, как и я, не думала, что ухищрения Сорокина, предпринятые

в гостинице для того, чтобы наши разговоры не подслушивали, отучили работников коммутатора от этой вредной привычки. Скорее всего, наоборот — наша комната и наш телефон интересуют их теперь больше прежнего. Поэтому подруге вновь пришлось перейти на словесный шифр.

— О, Серж! Большая птица с белым боком полетела в вашу сторону. Я, как орнитолог, смею утверждать, что та редкая птичка, которую мы долго искали и нашли, полетела сейчас за своей поющей стаей... Направление вам известно... И мы с нашей детской писательницей тоже хотим, словно птицы, взмахнуть крылами и очутиться у вас... — Не обращая внимания на мой протестующий жест, она продолжала: — Правда, ее тут держит желание поставить точку в сюжете своего будущего произведения... О птицах...

Неожиданно Валентина замолчала и стала слушать, что ей говорят, а потом передала трубку мне.

— Ты что, не хочешь ехать? — весело пророкотал знакомый голос. — И не раздумывай! Тут закрутилось такое, что самый опытный фантаст — то есть, я хочу сказать — орнитолог, не всегда сможет придумать! Ты просто будешь сидеть, разинув рот, и падать со стула!

— Но я не хочу падать!

— Да ладно. Мы тебя поддержим! Только обязательно приезжай! Такой сюжет о... птицах бывает раз в жизни!

— Я поняла. Скоро приеду.

— Молодец! Дай трубку нашей умнице-разумнице.

Я передала трубку подруге. Она еще с минуту терзала телефон анализом полетов птичьих стай, а потом опустила трубку на рычаг и, отодвинув от себя телефон, скомандовала мне:

— Собирайтесь, мадам писательница! Мы успеем на ночной поезд!

Мне пришлось позвонить редакторше прямо домой и заявить ей, что я беру тайм-аут на неделю и чтобы она извинилась за мой поступок перед начальством. Она вникла и пообещала. Я спустилась к дежурной, чтобы оформить документы как положено, и увидела спину отходившего от нее мужчины. Что-то знакомое почудилось мне в его движениях... Я кинулась назад, чтобы сказать о своих подозрениях Валентине, но она отнеслась к этому совершенно спокойно.

— Борис Демьянович, говоришь? Да бог с ним! Пусть хоть последние часы свои на свободе проведет спокойно...

— Так вы...

— Конечно. За ним давно установлено наблюдение, он никуда не денется. А ты давай, поторапливайся!

Я собрала свои вещи, пересчитывая деньги в кошельке, которых оставалось уже довольно мало, и вдруг услышала:

— Дорогая моя, не страдай! Я оформлю тебя в своем агентстве помощником, потому что ты действительно мой незаменимый помощник. А еще потому, что у меня будут лишние деньги — мать и дочь Хромовы обратились ко мне за помощью... Просят найти убийцу Василия Евдокимовича... — улыбаясь, сказала мне Валентина.

— Что это они вдруг проснулись?

— Думаю, я догадываюсь о причине. Мать подозревала, что это сделала дочь, а дочь решила, что отца отправила на тот свет мать... Обе боялись и думать о своих подозрениях, потому и не были с нами достаточно откровенны... А теперь, видимо, выяснили, что ни та, ни другая не виноваты, и захотелось узнать правду... И для себя, и для будущих своих мужей, так я думаю... Чтобы у тех тоже не было никаких подозрений...

Я уезжала из города, и мне казалось, что он тепло машет вслед мне рукой... Это тепло накрыло меня волной, и мне захотелось вернуться и сказать, что я очень люблю этот город... Почему? Здесь скоро выйдет мой большой литературный труд... Нет, нет, не то! Здесь я встретила преображенную Лору — вот оно! Я увидела человека, который переделал сам себя, одержал верх над своими слабостями, заставил себя стать объектом восхищения и поклонения. Я считала Лору авантюристкой, но теперь увидела в ней героиню. И хотя Лорино превращение тоже пахло авантюрой, это было сделано широко, красиво, с размахом! Недаром мужчины склоняют колени у ее ног... И муж, и Илья, и тот же Галетов...

— А что Галетов, Валя? Вы же без меня с ним беседовали... Что там было... главным?

— Главным оказалось то, что он не мог нам сказать, куда исчезал сразу после тройного убийства. Его не было недели две... Помнишь, как мы его искали, чтобы узнать, где могла быть Лора?

— Помню...

— Мы задали ему этот вопрос, а он ответил, что был у какой-то девушки, которая ему очень понравилась... Что время прошло незаметно... А где эта девушка, где эта улица, где этот дом — якобы забыл.

— Но почему?

— Да потому, что не было никакой девушки... Он был далеко. Выполнял важное поручение. И думаю, что он не скажет об этом даже под страхом смерти... Вот почему мы решили зайти с другой стороны...

— С какой? Когда ты мне все объяснишь?

— Пока я сама не все знаю. Вот приедем, Серж дополнит мою информацию, и тогда... Давай-ка спать, а то нас просто не хватит, чтобы завтра что-то осмыслить...

- Давай. Только скажи — как тебе моя Лора?
- Оперетта... В ней все ненастоящее...
- Зря ты так. Человек, можно сказать, переродился...
- Человек не перерождается. Он может воспитать в себе какие-то качества ради достижения цели... Собрать себя в кулак... Нацелиться...
- Ты говоришь — прямо как стреляешь... Она стала такой красивой! Теперь я верю, что человек может все, если захочет!
- Это правильный вывод. Она захотела — и сделала. И теперь богата. И стройна.
- Ей помог случай... Эти английские тети...
- Ей помогла смелость. Решимость. Способность к риску, к аванюре. Она сменила кожу, потому что еще там, в детдоме, дала себе слово это сделать... Но выбрала для этого не лучший путь... Мне жаль...
- Но что в этом плохого? Стать такой, как она сейчас — это же героизм!
- Хм... Давай-ка все-таки спать...

Глава 19

А дальше события разворачивались с бешеной скоростью. В родной мой город мы прибыли ночью — я, естественно, отправилась домой, а Валентина, несмотря на мои уговоры поселиться у нас, — в гостиницу. Так что остаток ночи я провела с переполошенными моим неожиданным приездом детьми и мужем, который, впрочем, давно привык к фокусам своей женушки и всегда с радостью принимал меня такую, какая я есть. Во всяком случае, он от меня не устал и отлично играл роль моей тихой гавани и надежного тыла.

На следующий день я предстала в кабинете Сержа перед ним самим, Татьяной, Сорокиным и Валентиной и сразу поняла, что в мое отсутствие они двигались километровыми шагами, так как уже обсуждали, где лучше брать Тапочкина — в поезде или же у самого объекта. Что это за объект, я не знала, но предположила, что возле него, видимо, будет получено больше доказательств его вины, о чем и сказала вслух.

— Да их и так достаточно! — тихонько сообщила мне Татьяна, сев рядом. — Знаешь, а та пуговица, похожая на футбольный мяч возле тела Алика Токарева... Это ведь от плаща Тапочкина... Но сам он, видимо, переоделся в куртку Алика, иначе зачем было ее снимать... Да и само его бегство...

— Есть смысл вести его до объекта, — заметил Серж. — Нам самим тогда не придется искать эту часовню...

— Да в областном управлении архитектуры любой работник и без Тапочкина скажет нам, где стоит эта часовня! — воскликнула Валентина. — И — хочешь пари, Леонид Гаврилович? Там уже ничего нет!

— Хм... Но я думаю, если у него не было рисунка, то он не мог оттуда все изъять... Это ведь надо все разворотить... А часовня старая, на совесть предки строили...

— А я разве сказала, что именно он взял? Есть и другие заинтересованные лица...

— Ты имеешь в виду эту взбалмошную Лору? Нет, Валя, это слишком. Во-первых, откуда ей знать, что в объекте спрятано что-то ценное? Тапочкин не дурак, он не будет кричать об этом на всех углах, никому не доверит эту тайну...

— Да не такой уж он хитрец — листочек-то с рисунком упустил, — заметила Татьяна.

— Правильно! — поддержала ее Валентина.

— Но Лора просто физически не могла этого успеть! Мы же с вами все просчитали, ну что вы, ей-богу, — обиженно проговорил Серж. — Сколько можно... Она бежит на вокзал, едет в Москву, останавливается, между прочим, у твоей тетки — взгляд, естественно, на меня, — а потом едет в Англию, где и преображается... Сегодня мы должны получить по факсу ответ из английского посольства, когда именно она получила визу, а также из аэропорта — каким рейсом улетела. Все по числам, по часам разложим...

— Пари, что вам нечего будет раскладывать! — воскликнула Валентина.

— Да что ты, ей-богу! На что пари-то, сформулируй!

— Лора давно протянула к объекту свою хищную ручку... И эта ручка не осталась пустой...

— Годится! — кивнул Серж и продолжил уже по существу: — Берем у объекта. Следовательно, у нас есть еще время. Надеюсь, он никуда не сбежит с поезда и до часовни доберется живым и невредимым...

— А теперь прошу вас выслушать моего помощника... Я вызвала его, чтобы он посмотрел на все свежим взглядом. И разобрался с Хромовыми... Эти женщины так долго тянули кота за хвост, что просто мне уже надоело. Дочь все время твердила — бедная мама, бедная мама, и молчала, как партизанка, потому что думала, что именно она убила отца, а мать сделала тот же вывод в отношении дочери... А что из этого получилось... Давай, Женя! — обратилась Валентина к Сорокину.

— Девица Хромова и ее мамаша, перестав видеть друг в друге убийц, стали вспоминать все события того вечера... Девица, в частности, сообщила, что ее папаша был какой-то... странный. Когда, например, вечером в филармонию вошел Тапочкин, то Хромов, открыв входную дверь, протянул администратору руку, здороваясь с ним. Тапочкин ответил ему рукопожатием и пошел дальше. После этого Хромов стал очень задумчив. Он даже зашел к Наде и спросил, не видела ли она, кто сейчас прошел.

Надя подумала, что отец допился до ручки и не узнает людей, с которыми не просто работает, но и часто играет в карты, и терпеливо объяснила отцу, что прошел администратор филармонии.

— Рука другая... Пальцы не те, — ответил Хромов. — Я его руку знаю... Как он карты сдает...каждый палец у него играет... А эти пальцы — деревянные...

Таким образом, я делаю первый вывод — в здание вошел не администратор Борис Тапочкин, а его брат Зиновий. Далее. Хромов стал просить Надю, чтобы она сходила, посмотрела, действительно ли в филармонию прошел администратор. Но у девицы не было ни одной свободной минуты, и она никуда не пошла. Однако же, когда появилась мамаша, решившая проведать мужа и дочь, то Надя ей все это изложила. Но как! Дескать, у отца уже белая горячка началась... Женщина кинулась к мужу и, убедившись, что он действительно не в себе, стала его успокаивать, но он, разозлившись, что его принимают за дурака, послал ее подальше. Не исключено, что Тапочкин услышал либо разговор отца и дочери, либо дочери с матерью, либо последний — Хромова с женой. Тем самым участь вахтера была решена... Администратору сделать это было совсем несложно, я проверил. Надя, скорее всего, была наверху, Дина сидела в ее кабинете, закрывшись, тихо, как мышка, боясь высунуть нос, чтобы не получить новые оскорбления... Тапочкин, я думаю, тихо спустился к Хромову и даже, возможно, предложил сыграть с ним в карты. Хромов наверняка рассмотрел его руки и, поскольку перед ним на сей раз был сам администратор, а не его брат, решил, что насчет пальцев деревянных он ошибся, и расслабился... Тут-то Тапочкин, вероятнее всего, его и ударил... Далее. Мать первой обнаруживает, что Хромова убили. У нас был вопрос — почему она побежала на второй этаж, чтобы вызвать полицию, «скорую», да и просто позвать на помощь? Я узнал, почему — Надя в это время была наверху, а у нее в кабинете работал факс! То, что она там увидела, мы уже знаем. Как и то, что ее сразу и надолго вырубил. Сделал это, несомненно, Борис Тапочкин, о чем скоро сам нам поведаст. Он давно и твердо знал, чем займется в этот вечер, и способен был убрать любую помеху. И есть еще один небольшой момент. Возможно, несущественный, но я думаю иначе. Когда старшая Хромова оправилась от удара, а это случилось довольно быстро, хотя она долго делала вид, будто ничего не помнит и не знает, то ей стало казаться, будто в те минуты, когда она лежала в коридоре без сознания, ей вдруг послышался мужской голос, или же он вкрался в ее подсознание. И голос этот твердил: «Сука... сука...» Она думает, что это относилось к ней. Но это могло относиться и к какой-то другой женщине... Скорее всего, к Лоре — ведь из женщин на этаже была только она...

И непосредственное отношение к Тапочкину Борису Демьяновичу имела только она... Таков мой последний вывод...

— Я думаю, Борис Тапочкин своими планами вдохновил Лору Витальевну на подвиг. И она решила его опередить, — заговорила Валентина. — Он приготовил все, чтобы совершить свое преступление и бежать — закрыл деньги для поп-звезды в сейфе, чтобы взять их без проблем, подчистил все дома, чтобы забрать с собой, — там у него были немалые деньги. Но это все мелочи. Главное — к тому времени он уже знал, что его брат, ограбив расстрелянный пятнадцать лет назад самолет с золотом, летевший с прииска, и убив свидетеля своих действий — якобы по неосторожности на охоте, надежно спрятал все добытое в часовне, заметив на рисунке, где именно. Конечно, Зиновий мог и не встречаться с братом, а один взять спрятанное добро и начать новую жизнь. Но вникните в психологию человека — он выходит из тюрьмы, а на дворе — новое время, в которое ему просто трудно въехать, а тем временем на его богатство можно открыть вместе с незапятнанным братом какое-то свое дело и жить, наконец, по-человечески, в почете и уважении... И брат приехал к администратору, который вначале не хотел его принимать, но потом, естественно, изменил свое решение. И обо всем этом узнала Лора... О кладе, я имею в виду. Как? Возможно, ей сказал сам Борис Демьянович в порыве откровенности — он ведь предлагал ей руку и сердце. Но возможно и другое... Мы посчитали, что Зиновий почти месяц прожил у Бориса Демьяновича, невидимый и неслышимый почти никем. Все это время администратор, как мы знаем, работал над внешним видом своего родственника, которому отвел значительную роль в своей судьбе. Уж как Тапочкин уговорил на эту конспирацию бывшего зэка, неизвестно. Ведь никто не знал, что к администратору приехал брат, никто вообще не знал, что он существует! Но Лора могла не только узнать, но и увидеть его! Она могла придти к Борису Демьяновичу и познакомиться с его братом. И тут я взываю к психологии... Встретились два человека — один из зоны, униженный, оставивший за колючей проволокой лучшие годы, а другая — из детдома, из беспроблемного детства и юности без надежд, согретой, правда, любовью Германа Теодоровича, но любовь-то эта никогда не была взаимной... И у Зиновия, и у Лоры — потрясающее стремление стать другими людьми, блистать своими способностями, талантами, быть хозяевами жизни! Достичь этого состояния и пребывать в нем до конца своих дней! Могло так быть? Могло. Но Лора знала или подозревала, какая участь уготована Зиновию. Я думаю, ей хотелось, чтобы не Борис Демьянович убил Зиновия, а наоборот. Но, поскольку она не была уверена в исходе дела, то, прежде всего, решила позаботиться о себе и хорошенько запомнить эту несчастную

часовню и знак, где именно лежит там золото. Думаю, она сделала несколько таких рисунков, предполагая, что при своем беспорядочном образе жизни может потерять этот ориентир. Конечно же, она выпросила и про то, где находится объект, к которому едет сейчас наш Борис Демьянович. Но, поскольку это был все-таки журавль в небе, то синицу она упустить не собиралась и изъяла из сейфа бедного администратора все доллары, предназначенные певцу... Уж как она это сделала, не пойму — может, зашла к нему в кабинет, обаяла, ну, как это бывает, а сейф был открыт... Или ключи у него позаимствовала... Короче, бедный Тапочкин, убив брата и вахтера, ровным счетом ничего не приобрел и вынужден был бежать лишь со своими кровными деньгами, взятыми из дома. Но он, видимо, подозревал, куда исчезло содержимое сейфа, иначе не кинулся бы на Лору! А она, если бы не брала тех денег, в свою очередь, не выпрыгнула бы со второго этажа! Вот какая вырисовывается тут картина... Кстати, эти самые деньги и позволили ей возродить музыкальный коллектив...

— Что ты говоришь, Валя! А Англия? — закричала я.

— Англия... Думаю, что она была лишь в ее воображении... Но Борис Тапочкин этого не знал. Она хорошо укрепила в нем мысль о своих английских тетушках. Так хорошо, что, во-первых, он думал, что она за границей, перестал ее искать, чтобы выяснить, что к чему и куда исчезло, во-вторых, когда она якобы оттуда вернулась, вознамерился женить на ней подвластного ему либо кому-то из его друзей Илью, чтобы не упускать из вида будущее состояние богатой невесты и возможность когда-нибудь им воспользоваться. К тому же он, видимо, решил ей не мстить — был уверен, что Лора отдаст ему рисунок, потому что когда-то дал ей понять, что за ним скрываются огромные деньги, но без его подсказки она все равно их не получит... И она отдала рисунок, который сулил ему богатство. Перед ним опять замаячила надежда.

— Потрясающе! — воскликнул Серж. — Я сражен! Ведь действительно все может быть именно так... И вы полагаете, Валентина Васильевна, что Лора никогда не была в Англии?

— И что у нее нет никаких английских тетушек? — обреченно спросила я, потому что мне так не хотелось расставаться с этой счастливой сказкой!

— Именно так и полагаю.

— И что Борис Демьянович едет сейчас, собственно, к пустому месту? — не отставал Серж.

— Полагаю и это.

— Но почему? Мало того, что этот клад за три или четыре тысячи километров, так ведь еще и там это место за лесами, горами, болотами, так сказать... Да и не под силу женщине колупать эти вечные кирпичи... Там мужик-то не всякий справится...

— У Лоры есть Галетов. «И служил бы у нее на посылках...»

— Романсы, говорите, она поет? — заколебался Серж.

— Она не сама поет. Она руководит коллективом, — уточнила я довольно спокойно, хотя все во мне переворачивалось от нежелания верить в предположения Валентины. — Если бы вы только знали, как я жду сообщения из посольства! Первый раз мне хочется, чтобы вы все ошиблись! Чтобы вы поняли — она лучше, чем кажется! Она неспособна на все эти преступления! И Герман... прекрасный ученый, его так любят в институте... Он ее боготворит... А если бы она была такой, какой вы ее представляете, он бы не мог... душа доброго, талантливого человека подсознательно отторгает зло... У него бы просто не получилось ее любить...

И тут, волнуясь, заговорила Татьяна:

— Знаете, если бы она была любящей, преданной ему женщиной, то он, скорее всего, не испытывал бы к ней сильных чувств. Многие мужчины, занятые интересной работой, которая захватывает их целиком, и дома ищут не покоя, а бурных переживаний.

— Это похоже на какую-то извращенную форму любви, — заметил Серж.

— Нет, нет, не то. Представьте — физик, захваченный сложнейшими исследованиями. На изломе своих возможностей. На грани реальности. Он и вне работы живет на этом изломе и этой грани. Он иначе не может, он уже запрограммирован. Так что Лора — из желательной и нужной для него среды обитания... Она подходящая ему пара, несмотря на все свои выверты. Другая женщина, верная и спокойная, будет ему просто не интересна...

— Подождите вы с этим Германом! Давайте о Лоре. А то вы уже поставили точку, а это несправедливо. У вас же нет конкретных доказательств, а эта ваша психология, извините... Как можно опираться на науку, изучающую человека? Да разве его можно изучить? Разве все, что вмещается в наше сознание, возможно втиснуть в какие-то рамки? И Лора... Одно дело — украсть книгу или картину, которая ей напомнила детство, но совсем другое — обчистить человека и, вольно или невольно, способствовать убийствам...

— А вот тут вы сами себе противоречите, — заметила Татьяна. — Она не человека обчистила, который всю жизнь своим трудом зарабатывал и заработал деньги, а взяла из сейфа доллары, полученные от спонсоров и вряд ли нажитые честно, даже если это произошло и в рамках закона... И если она действительно взяла деньги, то сделала это уверенно и даже, возможно, с чувством собственного достоинства. Природный авантюризм здесь ей только помог. И зря вы так набрасываетесь на психологию — никто ведь не утверждает, что там можно и нужно все разложить по полочкам... Я, во всяком случае, как и вы, так не считаю...

— А я знаю, где она хранит это золото с самолета... Уверена, что знаю, — шепотом сказала Валентина.

В комнате воцарилась тишина, все ждали, что же моя догадливая подруга скажет дальше. Но вместо этого раздался телефонный звонок, и британское посольство уведомило, что тотчас же передаст нам сообщение по факсу.

— Стартуйте! — обыденным голосом произнесла в трубку Татьяна, и мы подошли поближе к аппарату, чтобы сразу же читать послание. Сказать, что мы очень волновались — это значит ничего не сказать. Я, например, не могла даже говорить — у меня пропал голос. Поэтому я вбирала в себя ползущие строчки молча, тогда как Серж читал их отрывисто, нелогично, громко — так, что ничего и понять было нельзя...

Сначала шли даты — англичане сообщали нам, что в ответ на наш запрос номер такой-то от такого-то числа передают сведения в пределах такого-то периода времени... Период был взят довольно внушительный, и это нас устраивало.

— Таким образом, установлено, что Всеславская Лора Витальевна не пересекала границы Великобритании... — продолжал вслух читать Серж. — Сообщаем также, что ни в одном из графств, в том числе и в упомянутом вами Йоркшире, госпожи Полина Паркенс и Серафима Прудникова не проживают...

Далее вновь шли цифры — номера, а следом и названия документов, согласно которым нам все это было сообщено. Серж добросовестно прочитал и это.

Все. Голубое небо стало черным. На нем не было звезд — какие звезды, если в мире происходят такие вещи! Ах, Лора, как же ты очаровала меня тогда в Дворянском собрании, как высоко я тебя вознесла — наверное, выше, чем это сделала ты сама! Мне неудержимо захотелось позвонить Герману и сказать ему какие-то утешающие слова — ну, например, о том, что через энное количество лет Лора, выйдя из колонии, непременно будет его ценить и никогда не покинет, что она еще сумеет стать другим человеком. Но позвонить мне не дали — телефон, как только Татьяна подтвердила получение информации по факсу, был постоянно занят. Мне казалось, что от переговоров с сибирской полицией, как, где и при каких обстоятельствах лучше брать Бориса Демьяновича Тапочкина, он накалился докрасна. Сибирские опера были заинтересованы в поимке администратора не меньше наших — они считали за честь вернуть пропавшее из разбитого самолета золото, а Борис Демьянович вел их именно по этим следам...

Захваченные идеей погони за Тапочкиным, все совершенно упустили из вида Лору. Я попыталась вернуть их интерес к прекрасной даме, которая

сделала все, чтобы прослыть злодейкой, и сообщила, в каком городе находится сейчас Лора.

— В принципе, она не должна никуда от нас деться, — спокойно отреагировала на мои старания Валентина. — Думаю, эта женщина при всей своей хитрости и понятия не имеет, что мы ее в чем-то подозреваем... Ей ясно одно — мы боимся за ее жизнь... И это связано лишь с английским наследством... Ну, разве я дала ей хоть на секунду понять, что сомневаюсь в существовании ее тетушек, а?

— Не дала. Но ты меня насторожила ее платьем. А, значит, могла забеспокоиться и она...

— Тем, что хотела взглянуть на ее концертный наряд? Да что же здесь такого! В хоре всеобщих восторгов это, я думаю, прозвучало вполне естественно...

И, обратившись ко всем, Валентина продолжила:

— Кстати, думаю, что именно в ее концертном платье зарыт тот золотой песок, который привез ей Галетов из Сибири... Песок, украденный Зиновием...

— Мы получили сведения, что там был еще и самородок весом более двухсот граммов, — сообщил нам Серж. — Дело в том, что самородок обычно не бывает в чистом виде. Он окружен кварцем или чем-то там еще... И вся эта масса ни в какое платье, конечно же, не поместится... Это я к тому, чтобы уже сейчас думать, где он может быть... В каком, например, концертном реквизите...

— Или дома у мужа, у Германа Теодоровича, — предположила я.

— Может, и так. Валентина, как думаешь, кому лучше заняться Лорой? — обратился Серж к моей подруге. — Ордер на ее арест выписан.

— Думаю, моему Сорокину. Он ее немного уже изучил... Кстати, можно связаться с ней по телефону и просто спросить, как дела, здорова ли. Чтобы нам тут сразу не пороть горячку, а разобраться сначала с Тапочкиным...

— Валя, я Лору знаю... Чует мое сердце... — дрожащим голосом прошептала я.

— Ладно, звони, вот твое сердце и успокоится, — предложила мне Валентина.

Я дождалась, пока по межгороду будут улажены все сибирские дела, и набрала номер, который дал мне Илья, уезжая вместе с Лорой. Он же мне и ответил, причем сразу. Я представилась и честно сказала, что очень волнуюсь за Лору и жажду услышать ее голос.

— Ничего не получится, мадам, — спокойно ответил Илья.

— Как жаль... А почему?

— Причин две. Первая — она на приеме у мэра. Но скорее всего, прием уже закончился, и она отправилась осматривать достопримечательности города. Власти обещали показать. У них тут собор знаменитый, картинная галерея вполне достойная... Левитан где-то неподалеку творил, и в галерее много его работ. Что передать?

— Передайте привет и скажите, что я за нее волнуюсь. Пусть там будет поосторожнее — ну, на улицах и вообще... Но я постараюсь еще раз позвонить. Когда она обещала вернуться?

— Право, не знаю. Она ничего не обещала. По моим расчетам, часа через два-три будет. Обедать, во всяком случае, мы намеревались вместе...

— Отлично! Вот в обед я и позвоню.

— Буду рад услышать вас вновь...

Я положила трубку и четко осознала, что Лоры на месте нет. Весь этот треп про мэра и достопримечательности ломаного гроша не стоит. Может быть, Илья про это и не знает, но я-то вижу все через призму своих новых знаний о ее похождениях. Голову даю на отсечение, что она смылась, прихватив, вероятно, свое концертное платье. Весьма дорогое и тяжелое. Она почувствовала опасность... Думаю, это произошло инстинктивно. У людей, склонных к аванюре, интуиция работает весьма четко. Никому ничего не говоря, я набрала домашний номер Германа. Он, как и Илья, тоже ответил сразу — везет же мне сегодня на разговоры с Лориными мужчинами! Я напомнила ему, когда и при каких обстоятельствах мы виделись, но он тут же меня перебил:

— Не надо лишних слов. Я сразу узнал вас по голосу. Вы взволнованы. Что случилось?

— Я бы хотела поговорить с Лорой...

— Я тоже...

— Значит, у вас ее нет?

— Конечно, нет. Я думал, вы все-таки...

— Может быть, она снова в Англии?

— Нет. Я не думаю, что она в Англии. И вообще мне горько о ней слышать...

— Я ею восхищаюсь. Она сделала невероятное — превратила себя в стройную красавицу-березку...

— Да, это действительно восхитительно...

— А вы уже видели ее такой... струной поющей?

— Видел.

— Когда?

— Она заезжала не так давно. Между какими-то гастролями, концертами.

— Зачем?

— Ну, она-то сказала, что соскучилась, хотелось со мной повидаться. Но я думаю — ей просто нужен был загранпаспорт, а он лежал у меня...

— Вот видите — загранпаспорт. А вы про Англию почему-то и слышать не хотите... Интересно, почему?

— Я думаю, вы это прекрасно знаете, умная и прозорливая женщина. Но не ждите, что я вам открою какой-то Лорин секрет. Вам и так уже достаточно известно. Я ее люблю и буду охранять до последнего. Я давно все понял, и вы давно все поняли. И вы, я чувствую, любите ее по-своему. Оставьте все как есть. В одну и ту же реку два раза не входят, помните? Но вдруг у нее получится...

— Я обнимаю вас... Я вами восхищаюсь... Берегите себя!

И я повесила трубку. Скорее всего, в эти минуты Лора все-таки была именно у него... Я знала, что должна сделать тотчас же, но мне не хотелось спешить — вдруг у нее получится... Я мысленно кричала ей: «Лора! Спасайся, тебе есть ради кого это делать! Оставь все свои золотиносные платья и уходи, уходи!»

Мое мысленное общение с Лорой прервала подошедшая Валентина:

— Ну что, поговорила со своей красавицей?

— Нет. Она на приеме у мэра, а потом поедет осматривать город. Собор, картинную галерею...

Ее лицо мгновенно стало тревожным.

— Вот как? Неужели ты была права? Позвони-ка этому ее физику питейскому! Всеславскому!

— Уже... Он ничего не знает... Говорит, приезжала недавно за загранпаспортом...

— На Англию намекает?

— Вероятно...

Мне не хотелось говорить Валентине, что мы с Германом прекрасно поняли друг друга. Вместо этого я спросила:

— Скажи, Валя, а когда ты усомнилась в этих английских тетях и в том, что Лора была в Англии?

— Сразу, как только ее увидела. Ты сказала мне, что все наряды ее — оттуда. Что она их там сама купила... А тут — видишь ли, такая случайность. До этого я расследовала потрясающе интересное дело... И мне надо было по ходу следствия присутствовать в Москве на одном важном приеме... Я по всей столице искала себе наряд... И я почти остановилась на таком же платье, как у Лоры... Я специально, зайдя в номер и увидев это платье, потрогала, пощупала его со всех сторон... И не ошиблась... Между прочим, Лора, когда сидела в твоём халатике, очень волновалась, видя, как я разглядываю на платье каждую складочку... Помнишь?

— Честно — нет, не помню. И вообще, это не доказательство. Ты могла видеть и мерить в Москве платье, привезенное из Англии! Разница лишь в том, что она его купила не здесь, а там!

— Это невозможно, потому что платье — из коллекции Вячеслава Зайцева! Точно знаю.

— А почему ты была уверена, что Лора почувствует угрозу и сбежит?

— Первый сигнал ей был дан, когда я сказала, что хотела бы видеть ее концертное платье... В ответном взгляде я прочла, что она все поняла... Насторожил ее и мой вопрос о Галетове — готов ли он выполнить любое ее поручение... А еще толчок дала ты, попросив ее рассказать об Англии... Сначала она вообще ушла от ответа...

— Да, да, помню!

— А потом стала выдавать нам скудные сведения из энциклопедического словаря... Их не хватило бы даже для ответа по географии в пятом классе... Это было так ясно, что она замолчала... При всех своих пороках Лора — тонко чувствующий человек. Она сделала вид, что все прекрасно, ничего не произошло, она подыгрывала нам, когда мы говорили, что переживаем за нее, богатую невесту...

Мне не давал покоя еще один вопрос — я не понимала, зачем Лора оставила у моей тети среди своих бумаг рисунок этой часовни? При всех случившихся с ней приключениях было бы естественно, если бы она его просто потеряла... Но она его тщательно и заведомо неправильно перерисовала...

— Для меня это пока тоже загадка... Очевидно, ей нельзя было терять рисунок — она могла подвергнуть себя смертельной опасности... Неправильный рисунок явно предназначался для Бориса Демьяновича. Может быть, его сразу же должен был передать по назначению Галетов? Но — не сложилось, Лора уехала раньше, чем он появился. В Англию. То есть — якобы уехала. Уехала для Тапочкина. Есть тут одно слабое место... Почему она через того же Галетова, уже якобы вернувшись из Англии, не отдала этот рисунок администратору? Галетов-то давно все вытащил из тайника и ей представил. Пусть бы Тапочкин и копался в этой часовне, только не там, где был клад, а с другой стороны, думая, что это его дорогой братец что-то напутал...

— Валя, Тапочкин бы обо всем догадался... Он ведь уже убедился, что за птица эта Лора... И он бы ее не пощадил. Потому она и тянула с этим рисунком... А что оставила его у моей тетки — так уж сложилось! Могла и у мужа своего оставить... Я уверена — совершая преступление, человек не может продумать все до мелочей... Жизнь вносит свои коррективы, как любит говорить мой шеф.

— А еще что он у вас любит говорить?

— Что инициатива наказуема!

— Вот! А потому позвони-ка еще раз этой своей Лоретте...

Я вновь набрала нужный номер. На этот раз к телефону долго не подходили, потом я опять услышала голос Ильи.

— Ну, как Лора? Понравился ей город?

— Город? Да, город старинный, интересный. Я уверен, что понравился...

— Она может мне сама об этом сказать?

— Не может, потому что еще не вернулась.

— Вы знаете, я начинаю волноваться. Уж не случилось ли с ней что-нибудь?

— Нет, не думаю, я бы это почувствовал... Нет, нет, я уверен — все нормально... Просто замоталась, с кем-то заговорила... знаете, ваше волнение передалось и мне. Она поехала с артистом, он поселился в соседнем номере... Персидский... Я, пожалуй, сейчас у него спрошу...

— Спросите. Я подожду.

Было слышно, как Илья вышел из номера, затем раздался какой-то шум, треск, как будто в комнату ввалилась целая компания, и в трубке зазвенел Лорин голос!

— Ох, дорогая! Ты меня извини, и все меня извините, я несу тут всякую чушь, но нас так накачали шампанским, что мы, едучи обратно... Я правильно говорю, да? Едучи — это по-русски? Впрочем, я не хочу ничего и никого слушать, мне хорошо, и мы все сейчас будем петь, петь, петь!

— Ты только не пей больше, — рискнула вставить я свою просьбу в эту тираду.

Но куда там! Лора меня не слушала, а продолжала кричать о том, что их потрясающе принимают, носят на руках, что ради этого стоит жить и прочее, не давая мне раскрыть рта. Потом я вновь услышала какой-то треск, и все оборвалось...

— Извините, это Лора уронила трубку, — пророкотал в мое ухо Илья. — Сейчас я ее уложу. Вы не волнуйтесь, все будет хорошо. Она проспится до вечера... До концерта...

— Мне хочется позвонить после концерта. Это возможно?

— Конечно, конечно! Мы раньше двенадцати спать не ложимся...

— Спасибо, Илья. Передайте Лоре — я ее люблю. Несмотря ни на что.

— Обязательно передам.

И перед тем, как раздалась гудки, мне показалось, что он хихикнул. Если это так, то — почему? А еще мне очень хотелось самой поговорить с этим Персидским, тем более что мы с ним однажды уже разговаривали, но я не попыталась этого сделать...

Я передала Валентине наш разговор с Ильей. Ох, как заразительно она смеялась!

— Пленка... Я думаю, он включил тебе магнитофонную запись... Так они над нами поиздевались...

— Выходит, Илья в курсе всех ее планов?

— Вряд ли. Скорее всего, она наплела ему что-нибудь невероятное и скрылась, заверив, что это — на день-два, не больше. И сейчас он потирает руки от удовольствия, что обманул нас — не зная, что сам обманут...

А вечером Сорокин, посланный за Лорой, сообщил нам оттуда по телефону, что опасения наши были не напрасными — Лору в этом городе никто из ее подопечных не видел... Илья признался, что разыграл нас по ее просьбе, будучи уверенным, что она вот-вот вернется и сама извинится за эту шутку. Все вещи Лоры, в том числе и концертные наряды, были изъяты, тщательно упакованы и отправлены к нам с нарочным. Забегая вперед, скажу, что искомого концертного платья с вшитым туда «речным песком», как уверяла нас его хозяйка, среди этих вещей не оказалось... Оно бесследно исчезло...

Сорокин же задержался там еще на несколько часов, ожидая Сержа, выехавшего на машине в Москву. Оттуда оба они должны были лететь самолетом в Сибирь. Думаю, Серженко просто не простил бы себе, если бы Тапочкина взяли без него. А сибирские коллеги радостно потирали руки — они еще не знали, что тайник пуст, и содержимое когда-то расстрелянного самолета не будет найдено. Впрочем, как знать?..

Глава 20

Утром меня разбудил звонок Валентины.

— Приходи скорее в кабинет Сержа! Они нашли!

Спросонья я не поняла, кто, что и где нашел.

— Татьяна получила сообщение! Они нашли то, что Лора не могла бы спрятать в платье... Помнишь, о чем шла речь?

Я чуть не упала с дивана, на котором сидела — они нашли самородок!

— Потрясно! Валя, а как же...

— А вот так же! Приходи, и все узнаешь!

И я кинулась в управление.

— Наверное, там все визжат от восторга! — с порога выпалила я.

— Местные — конечно. Им хоть бы что-нибудь с того самолета найти, — спокойным тоном ответила мне Татьяна. — А нашим главное — Борис Демьянович.

— Взяли?

— Взяли! — крикнула Валентина. — С поличным!

— На неправильном рисунке отметка стояла слева. Значит, нашли — справа? — уточнила я.

— Ты не поверишь! — вновь крикнула Валентина. — Нашли тоже слева! Под якобы ложной Лориной отметкой! А справа тайник был пуст...

— Значит, там было два тайника?

— Значит, не прост был Зиновий, ловко придумал. Если прокол — хоть что-то сохранится — либо песок, либо самородок. Так, видимо, рассуждал.

— Он не предполагал, что есть на свете Лоры Всеславские... Она просто не успела... ей не хватило времени... А Тапочкина уже допросили?

— Да. Рассказал почти обо всем. Но о Лоре — ни звука. Деньги из сейфа якобы не знает, кто украл. А у одного из спонсоров были записаны номера купюр, переданных Тапочкину для звезды эстрады. Купюры с этими номерами Лора меняла, чтобы оплатить на гастролях гостиницу... И еще доллары менял Галетов... Тоже имеющиеся в нашем списке... Я, кстати, подозреваю, что именно он помог ей сейчас скрыться... И остался при деньгах. Если не явится с повинной, придется искать...

— Хорошо. Увижу его — скажу, чтобы явился!

Женщины посмеялись над моей шуткой, совершенно не подозревая, что я только что видела Валеру, выходя на улицу, — жил-то он в соседнем доме! Но я лучше помолчу, а, вернувшись, постучу в его дверь... Я ведь не раз уже так делала...

— А что ему грозит? Ну, Галетову? Какое наказание?

— А это смотря за что, — стала просвещать меня Валентина. — Вот если признается, что песочек золотой из тайника увел, то это одна статья, а если расскажет, как помогал скрыться преступнику Тапочкину — это другая, а если делал и то, и другое ...

— Не надо ни того, ни другого, — твердо сказала я, — если он признается, что просто поддерживал Лору в тяжелые минуты, охранял от бед, оберегал от опасностей...

— Ну, так за это же медаль надо вешать! — воскликнула Валентина.

— Вот с этим он и придет, — заверила я.

Женщины дружно расхохотались.

— Видишь, Валь, — прервала я их хохот, — Тапочкин-то даже не упомянул Лору. И убийцы бывают благородные...

— Да. Ничто человеческое им тоже не чуждо.

— Алика Токарева он за что убил?

— Узнал его Алик. Как мы и предполагали.

— Бедный Йорик! Теперь Олю, наверное, уже можно выпустить из санатория, а то этот Гера... картопродавец все про нее спрашивает. Да и на работе без нее измучились.

- Уже.
- Ну, вы молодцы! Ни о чем не забыли!
- Ни о чем. И Наде с Диной Ергазиевной сообщили, что убийца найден и арестован. Надя нас, кстати, на свадьбу пригласила. Пойдем?
- Пойдем! Индюшати́на мне понравилась, — кивнула я.
- И мне тоже! — воскликнула Валентина.
- О, боже! — спела Татьяна в рифму.

Глава 21

А через несколько дней, распрощавшись со всеми действующими лицами этой драмы, я опять отправилась в командировку по своим литературным делам. Мой двухтомник лежал, распластанный, в издательстве и ждал, когда я просмотрю и подпишу каждую страницу — такой здесь был порядок. Я все делала очень быстро, словно меня гнали палками, потому что мне хотелось скорее закончить с литературой и выкроить несколько дней для одного очень важного дела... И у меня это получилось. Я выкроила и приехала в Питер.

Поезд пришел очень рано, только-только начали ходить троллейбусы, и поэтому я застала Германа дома. Странно, но он не удивился моему приезду. Как и в прошлый раз, ушел на кухню, а я вновь стала рассматривать антиквариат, которым был наполнен этот дом. И вдруг на стене, рядом с картиной, которая меня заинтересовала еще в прошлый раз, я увидела небольшую любительскую фотографию — две старушки, обнявшись, стояли возле аккуратного одноэтажного кирпичного дома, построенного по западному образцу, и держали в руках... теннисные ракетки. В прошлый раз этой фотографии не было! Я с детства верила, что чудеса бывают на свете! И если детдомовская девчонка мечтала об английских тетушках, мечтала так отчаянно, что даже выучила язык, и эта мечта помогала ей не чувствовать себя одинокой, то тетушки просто обязаны были появиться!

Вошел Герман с подносом, на котором стояли чашечки с кофе и печенье в тарелочке, и я обратилась к нему с вопросом:

- Кто эти пожилые женщины? Раньше здесь не было этой фотографии...
- Это Лорины тетушки, — невозмутимо ответил он.
- Настоящие?
- Настоящие.
- Английские?
- Нет. Другие.

И он медленно начал рассказывать мне невероятную историю Лориных тетушек. Дело в том, что когда-то они действительно существовали, и ма-

ленькая Лора запомнила все правильно. Оказавшись в детдоме, она ночи напролет твердила их имена, чтобы не забыть. И не забыла. Правда, первые поиски, обещанные тогда старичком из делегации иностранцев, оказались безрезультатными. Но Лора этого не знала и жила ожиданием чуда. Это ожидание спасло ее от многих бед, помогло выйти из детдома нормальным, а не сломленным, психически раздавленным человеком.

— Когда я с ней познакомился, то понял, что должен заменить этих тетушек. Окружить ее заботой и любовью. Я очень старался. И она за меня вышла замуж. Но тетушек все равно ждала. Главное, она их видела. Они приходили к ней в снах, рассказывали о себе, звали в гости. Ей не надо было ничего придумывать. Все, что она вам говорила об их фермах, домах и прочем — все это ей снилось. Я, разумеется, считал эти сны отголоском той, детской мечты... И вот однажды... Однажды раздался звонок... международный... И... Извините, я не могу...

Герман плакал. Он сел в кресло, достал из кармана платок и стал вытирать лицо, всхлипывая, как ребенок...

— Это звонили тетушки. Обе сразу, — догадалась я.

Он кивнул.

— Тот мужчина из делегации говорил, что «запустит кругосветку», я это помню. Видимо, он отправил-таки запрос во все страны. И вот Полина Паркенс и Серафима Прудникова, наконец, дали о себе знать... жаль, конечно, что так поздно...

Герман снова кивнул, продолжая всхлипывать.

— Девочка не дождалась. Она успела кое-кого ограбить, кое-что припрятать из ранее похищенного с одного из сибирских приисков...

Герман мгновенно перестал плакать, вскочил, подбежал ко мне и прошептал:

— Что вы сказали?

— Вы ее провожали, Герман?

— Да. И я, и...

— И Галетов, я знаю. Он мой сосед, и рос вместе с Лорой в одном детдоме. Он явился с повинной, но ни одного плохого слова не сказал о Лоре. Не выдал ни ее, ни Тапочкина-администратора.

И я рассказала Герману все, начиная с подвигов Зиновия Тапочкина и кончая действиями его братца, на фоне которых Лорины преступления выглядели детской забавой.

— На эти деньги, что были в сейфе, она и возродила коллектив певцов-романсистов... А тот золотой песок... Она увезла свое самое лучшее концертное платье? Такое тяжелое...

— Увезла. Она вшила туда речной песок для похудения.

— Это был золотой песок, Герман. И ей удалось провезти его через границу...

— Чем это ей грозит?

— Ни у кого нет никаких доказательств, что это так... И кражу из сейфа довольно трудно подтвердить... Правда, некоторые купюры, которыми она пользовалась, были записаны... Но она могла сказать, что эти деньги ей, скажем, дал Тапочкин. Он был к ней неравнодушен...

— Об этом я знаю... Она мне все рассказывала...

— А о краже не рассказала, — заметила я.

— Рассказала бы, я уверен. Но у меня было плохо с сердцем, и она меня пожалела. А так я знал о ней все и всегда. Как же она обрадовалась, когда я сообщил ей о тетушках! Я запустил знак «Ч» на радио, и когда она позвонила, сказал, что ее ждут Полина и Сима... Они готовы ее обнять и держать в своих объятиях всю оставшуюся жизнь... Она примчалась тут же. И была такая счастливая! Я думаю, что именно при подобных обстоятельствах перерождаются люди...

— И она уехала к ним?

— Ну конечно! Она уехала к счастью.

— А где находится это счастье?

— Об этом она просила не говорить никому.

— Это несправедливо. Я ее спасла. Мы с Валентиной...

— Может быть. Когда-нибудь... когда я отправлюсь туда же...

Я медленно подошла к географической карте, которую не видела в прошлое свое посещение этого дома, и внимательно вгляделась в моря и континенты. Мне показалось, что я вижу вереницу белых облаков, а на одном из них — загадочная, воздушная Лора... Облака плывут над морями и океанами, пересекают острова, облачные тени скользят по разным странам, перебегают через быстрые реки, голубые озера... И вдруг одно облачко зацепилось за какой-то маленький флажок и застыло там. Это застыл мой взгляд. Потому что флажок стоял на маленькой южноамериканской стране, о которой мы — какое потрясающее совпадение! — пели в редакции шуточную песню:

Давай, давай,

Уедем в Парагвай!

Там много обезьян сидит на ветках!

А здесь они тусуются по клеткам,

Давай, давай!

Герман внимательно следил за выражением моего лица. Уловив его взгляд, я произнесла:

— Ах, Герман, но ведь там опасно... Все время какие-то волнения, восстания...

— Это не страшно, главное, она обрела семью, — ответил он.

Уходя от Германа, я никак не могла понять — почему я-то счастлива? Меня-то каким боком касается этот Парагвай с Лориными тетушками и с ней самой...

Вернувшись домой, я не удержалась и сразу же позвонила Валентине.

— Валя, ты что-нибудь знаешь о Парагвае?

— О Парагвае? Знаю только, что рядом Аргентина, Бразилия...

— О, так нашей Лоретте будет где развернуться...

— И что же туда занесло обожаемую...

— Именно там объявились ее тетушки! Настоящие!

— Вот и не верь после этого всяким там Лореттам-опереттам! Вот и смейся над их английскими, то есть теперь — парагвайскими тетушками!

— А ты не смейся. К тому же там часто бывают какие-то волнения...

— Да там вообще была война с Боливией!

— Господи, как бы нашей Лоретте не досталось от этих боливийцев...

Как ты думаешь, на них сейчас можно положиться?

— Думаю, можно.

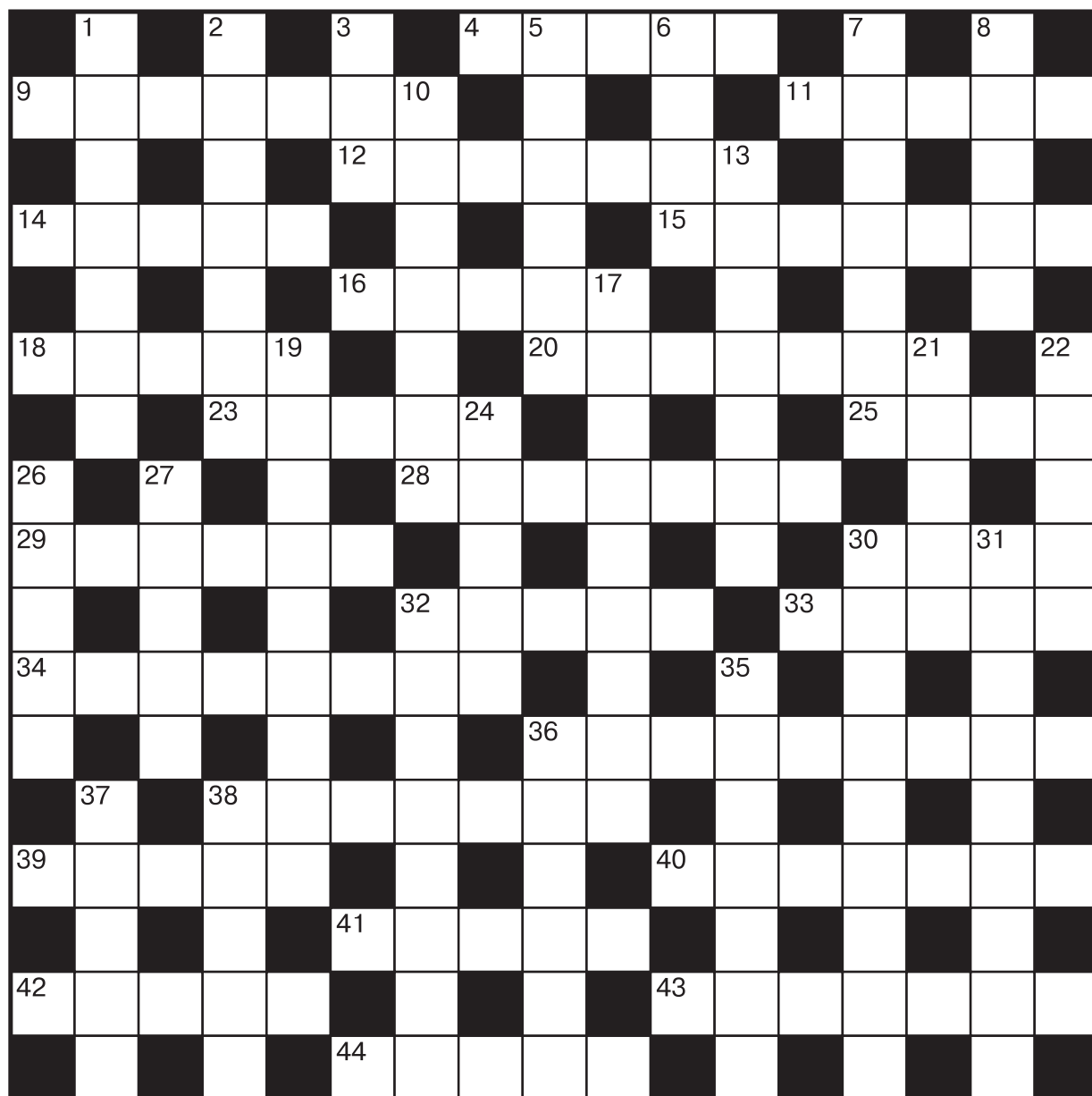
И мы рассмеялись — ведь теперь в нашей истории поставлена жирная точка. И можно отдохнуть.

— Ты прелесть, и напишешь еще не одну книгу...

Я — человек суеверный, и на этих Валентининых словах заканчиваю свое правдивое повествование.

Чтобы предсказание — сбылось! □

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Лучшее средство для примирения с девушкой. **9.** Кто колдует над блюдами? **11.** Фрукт в салате с моцареллой. **12.** Какое вино парадоксально пахнет бензином или керосином? **14.** Что гонят, «вешая лапшу на уши»? **15.** «Страшная сила». И с годами

становится все страшнее и страшнее! **16.** Лад восточной музыки. **18.** Болотная птица в «белой манишке». **20.** Юноша, обращенный в муравья. **23.** Бешеный успех. **25.** Жадрино из пушкинской «Метели». **28.** Маринованные бутончики. **29.** Крен курсива. **30.** Кому посвящен романс

«Я помню чудное мгновенье...» Михаила Глинки? **32.** Итальянский город, куда уехал двадцатилетний Леонардо да Винчи, не найдя применения своим талантам в родной Флоренции. **33.** В какой стране ЕС чаще всего велосипедисты сталкиваются? **34.** Какая трава «лечит от 99 болезней»? **36.** За что оклад положен? **38.** Политик слова, а не дела. **39.** Старинный разносчик информации. **40.** Какому циклопу проткнул глаз Одиссей? **41.** Какой гонщик состоит из числа и глубиномера? **42.** В каком сериале Евгений Евстигнеев сыграл роль Ивана Грозного? **43.** «Если ... возвратится, ты упрячь мои обиды в самый дальний уголок». **44.** Что выписывают зайцу?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Какие времена вдохновляют фантастов больше всего? **2.** Кто просто обязан вжиться в чужую жизнь? **3.** Шкафчик с выпивкой. **5.** Ослица кого из библейских прорицателей внезапно заговорила? **6.** На чем воевал Герой

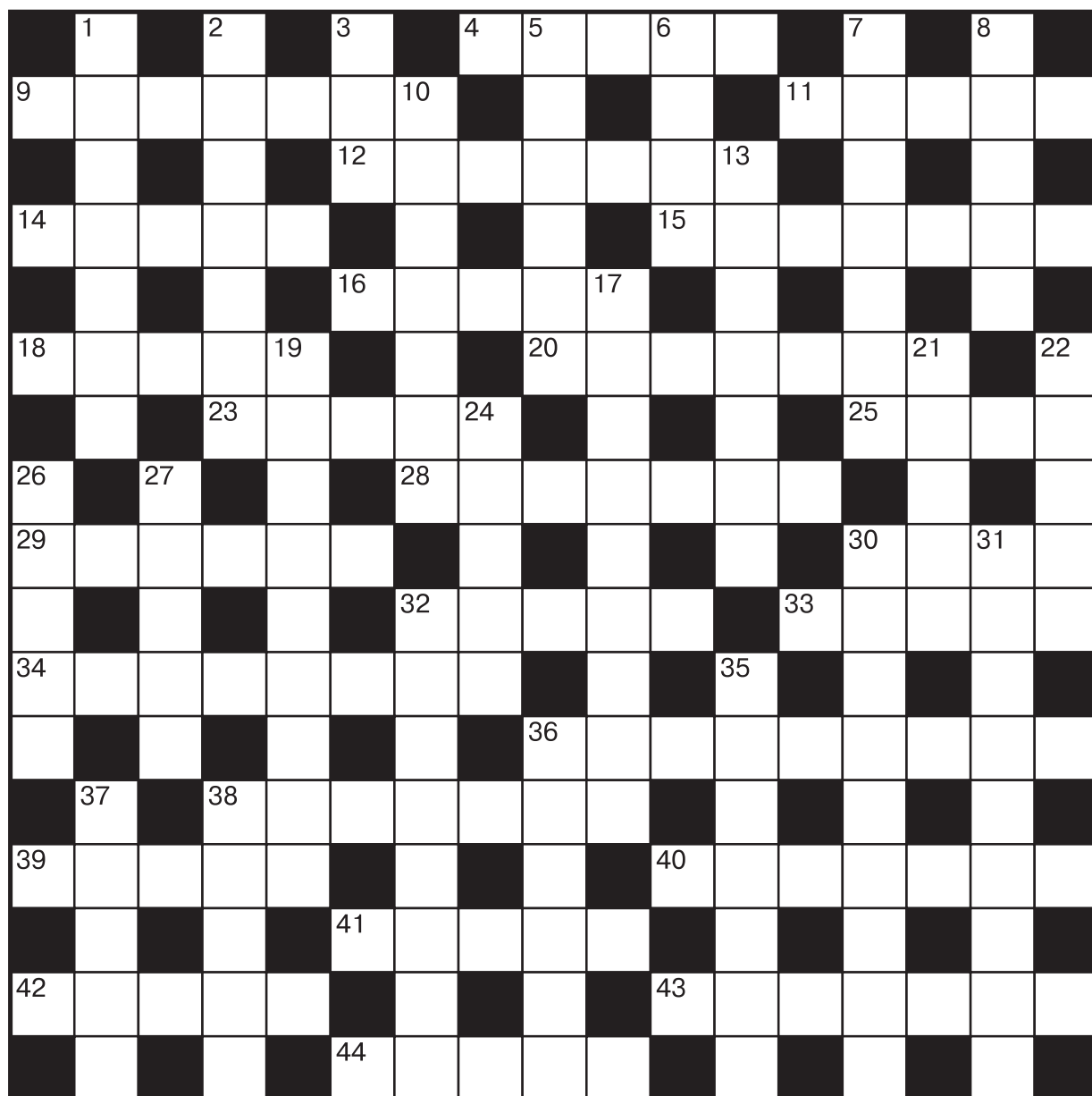
Советского Союза Дмитрий Лавриченко? **7.** Где Шерлок Холмс занимался пчеловодством? **8.** Что на плацу проводят? **10.** «Контрольная работа» по школьной живописи. **13.** Перекос физиономии. **17.** «Каменщик» среди ученой братии. **19.** Кого с детства к армии приучают? **21.** Химический элемент, биокорректор высшего ранга. **22.** Кого считают себе под стать? **24.** Какой металл в начале XX века добавляли в средства для повышения мужской силы? **26.** Удельный, но не вес. **27.** Трубочка из кондитерской. **30.** Патриарх Армении. **31.** Какой кофе у итальянцев подают со стаканом холодной воды? **32.** Кто другим грешить мешает? **35.** «Биржевая лихорадка». **36.** Туристический маршрут «... кислой капусты» в Эльзасе. **37.** Какая змея растет на протяжении всей жизни и способна достигать длины свыше четырех метров? **38.** Кто из мифических инженеров стал героем произведений Софокла и Аристофана?

Ответы на кроссворд, опубликованный в №3

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Стадо. **10.** Миноискатель. **11.** Пингвин. **12.** Каннеллони. **13.** Эмпатия. **16.** Стриж. **18.** Пир. **19.** Хеопс. **21.** Блок. **24.** Виза. **25.** Кукушонок. **27.** Сгиб. **29.** Карась. **30.** Соавтор. **34.** Каракатица. **35.** Браслет. **37.** Декоратор. **40.** Пекан. **41.** Волан. **42.** Сметана. **43.** Сахар. **44.** Эмаль.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **2.** Триумф. **3.** Догматик. **4.** Хин. **5.** Вокал. **6.** Ясень. **7.** Заплата. **8.** Демобилизация. **9.** Льюис. **10.** Мидия. **14.** Петушок. **15.** Шпион. **17.** Обыск. **18.** Полис. **20.** Бальзам. **22.** Буквоед. **23.** Сок. **26.** Казаков. **28.** Ботсвана. **31.** Радость. **32.** Саванна. **33.** Юрьева. **36.** Термы. **38.** Ромм. **39.** Балл.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Алчный торговец рухлядью на Татуине. **9.** Анархист, дважды приговоренный к смертной казни. **11.** Мыс, у которого спартанский полководец Лисандр одержал победу над афинянами. **12.** Испанская графиня. **14.** Китайский кинжал. **15.** Кого из любов-

ниц художника Ильи Репина на писательскую стезю благословил Лев Толстой? **16.** Домашний сыр у индийцев. **18.** Кольчатая ящерица. **20.** Основное население Марианских островов. **23.** Чью преступную деятельность пресек Тесей? **25.** Любимая модель Огюста Ренуара.

28. Кого сыграл Леонид Быков в военной драме «Аты-баты, шли солдаты...»? **29.** На каком острове античный герой Тезей бросил царевну Ариадну? **30.** «Танец индюка» у чилийцев. **32.** Какие трусы впервые начали продавать в Чикаго 19 января 1935 года? **33.** Священная книга иудеев. **34.** Какой ученый мусор изучает? **36.** Серебряных дел мастер в Древней Греции. **38.** «Плывущая походка» гейши. **39.** Исландская борьба. **40.** Герой Советского Союза, сбивший в одном бою девять «юнкеров». **41.** Какой тяжелый металл получают из фосфатного минерала монацита? **42.** Хромовые сапоги. **43.** Медальон из телячьей вырезки у итальянцев. **44.** Большой круг небесной сферы.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Утеплитель головных уборов. **2.** Кто в трилогии «Темные начала» способен завладеть всей жизненной энергией человека? **3.** Подмигивание против своей воли. **5.** Поэтический друг Генри Лонг-

фелло. **6.** Среднеазиатская борзая. **7.** Английский дипломат, арестованный в 1918 году по «делу послов». **8.** Какой знаменитый продюсер работал с Дюком Эллингтоном? **10.** Пророк романтизма, чей дух современники усматривали в Германе Гессе. **13.** Слово «saligia» на роковой печати из романа «Инферно» Дэна Брауна. **17.** Какое религиозное движение вышло из Ямайки? **19.** Кто такой водяной медведь? **21.** Советский скафандр для открытого космоса. **22.** Ящерица с мифическим именем. **24.** Гном из скандинавских мифов. **26.** Воровской жаргон. **27.** Кошка, но не зверь. **30.** Второй сустав крыла у птицы. **31.** Главный городской транспорт Венеции. **32.** С какой командой связаны годы расцвета карьеры Гарринчи? **35.** Какое обезболивающее облегчает страдания сериального доктора Хауса? **36.** Обед с одновременной подачей двух противоположных блюд. **37.** «Вожжа под хвост попала» одним словом. **38.** Какой вкус изобрели японцы?

Ответы на эрудит, опубликованный в №3

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Скунс. **10.** Кремортартар. **11.** Люстрог. **12.** Вентаролла. **13.** Нечисть. **16.** Ятовь. **18.** Сяо. **19.** Уйран. **21.** Агур. **24.** Орфа. **25.** Хатшепсут. **27.** Асак. **29.** Ламель. **30.** Хироном. **34.** Каччагвида. **35.** Затопек. **37.** Тьерсерон. **40.** Цинар. **41.** Нобль. **42.** Брецель. **43.** Вольф. **44.** Ансти.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **2.** Крюгер. **3.** Натъильяр. **4.** Арг. **5.** Амьен. **6.** Крота. **7.** Магритт. **8.** Столоверчение. **9.** Триас. **10.** Котто. **14.** Айсшток. **15.** Рампо. **17.** Цахау. **18.** Сумах. **20.** Пальмас. **22.** Бафомет. **23.** Тул. **26.** Тайглон. **28.** Киноварь. **31.** Матрица. **32.** Уччелло. **33.** Гасило. **36.** Кьяра. **38.** Нонн. **39.** Флют.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 1-е полугодие 2024 года:

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции на электронную почту: sales-smena@yandex.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью*	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 237 рублей 60 копеек	За 1 номер — 269 рублей 50 копеек
За полугодие — 1425 рублей 60 копеек	За полугодие — 1617 рублей 00 копеек

* ОТПРАВЛЕНИЕ ПРОСТОЙ БАНДЕРОЛЬЮ ПО ПОЧТОВЫМ СТРУКТУРАМ НЕ ОТСЛЕЖИВАЕТСЯ!

** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			
Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

На журнал "Смена" открыта подписка на 2024 год во всех отделениях почтовой связи. Оформить подписку можно по следующим подписным индексам:

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ АО «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		П2431 — основной подписной индекс П2446 — льготный подписной индекс П3292 — годовой подписной индекс
---	---	---

ОФОРМЛЕНИЕ ПОДПИСКИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ осуществляется в любом отделении почтовой связи ФГУП «Почта Крыма»

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вся
пресса
в одном
месте!

! ВНИМАНИЕ! **Анонс на №5-2024**

ISSN 0131-6656

СМЕНА

«Бессмертный «Василий Теркин», «Теркин на том свете», «По праву памяти», «Страна Муравия — все это — проникновенная и поистине народная поэзия Александра Твардовского, вписавшая его имя в золотой фонд отечественной литературы минувшего столетия, путь которой лежал через войну...»

Юрий Осипов «Александр Твардовский: «Дорога дальняя моя...»»

«В истории Великой Отечественной войны блокада Ленинграда стоит совершенным особняком, так как до сих пор вызывает трепет: как люди почти три года могли жить, вернее, выживать в этом городе, а главное — сохранить потом способность жить дальше...»

Одним из символов этой блокады стала поэтесса Ольга Берггольц: она появлялась в прямом эфире Ленинградского радио почти каждый день, чтобы снова и снова дарить ленинградцам надежду...

Евгения Гордиенко «Негромкий метроном блокады»

«Ранней весной семьдесят четвертого года в лесу под Льежем упала в обморок русская женщина... Упала возле дерева, на котором вырезаны инициалы «Е.Д.», серп, молот и красноармейская звезда. Так старый бук сохранил память о ее муже — Евгении Даценко, советском лейтенанте, а позже комиссаре бельгийского партизанского полка, погибшего в 1944-м далеко от родного дома — в Ардене, в Бельгии...»

Михаил Кизилев «Пусть знают и помнят...»

«Лучший памятник чекисту, партизану, писателю, Герою Советского Союза Дмитрию Медведеву — благодарная людская память. Он возглавлял один из наиболее успешных чекистских партизанских отрядов, действовавших на временно захваченной фашистами территории Брянщины... Сегодня там, на Брянщине, не закрываются двери музея Медведева, и чаще всего приходят те, кому впереди предстоит тяжелые испытания... Смотрят, слушают, учатся. Ведь им скоро в бой...»

Николай Долгополов «Шумит сурово брянский лес...»

Мистический детектив Дарьи Булатниковой «Осиновый крест»

№4 апрель 2024